250
567

Д 22
4,50
567

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БАКИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

33380/8°

БАКИНСКИЙ КОМИТЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (Б-ОВ)

КООПЕРАТ. ИЗДАТ-ВО „БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ"

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
89	Последняя	до 1901—8	до 1901
92	4-ая сверху	(чел. 400)	(чел. 300)
94	8-ая снизу	Рустамов	Арустамов
95	20-ая сверху	Кюрегу	Бюрегу
97	Примеч. I слово	Габо Ненваров	Габо Пейкаров
189	8-ая сверху	в 1908 г.	в 1912 г.
193	5-ая сверху	Бурян	Борян
»	» »	Размочайлов	Размочаев
194	7-ая сверху	Суховцев	Сухарцев

ОПЕРАТИВ

89	Пьеспедима		
92	1-ая сверху		
94	8-ая снизу		
95	20-ая сверху		
97	Примечание к слову		
189	3-ая сверху		
193	5-ая сверху		
"	"	"	"
194	7-ая сверху		

1-й экз. с. фонда

М50 — 567

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Бакинский Комитет Азербайджанской коммунистической партии.

КН 80

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

БАКИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ИНВ № 33380/80

Кооперативное издательство при БК АКП „Бакинский рабочий".

Баку, 1924 г.

Настоящее издание набрано и отпечатано в типографии кооперативного издательства при Бакинском Комитете Азербайджанской коммунистической партии—«Бакинский Рабочий», в количестве 6.500 экземпляр.

Азлит № 637. Зак. № 210.

От редакции.

Дать полную историю Бакинской большевистской организации—задача все еще непосильная. Для выполнения ее не настало время. Обилие нового, до сих пор неизвестного фактического материала, появляющегося в настоящем сборнике, как нельзя лучше подтверждает это. Несомненно, этот материал, который Истпарту и Юбилейной Комиссии удалось извлечь из памяти старых партийцев, только часть того, что еще подлежит извлечению из-под спуда годов. Подготовка к двадцатипятилетнему юбилею Бакинской организации дала толчок этой работе и ускорила ее, приблизив, тем самым, момент, когда смело, во всеоружии фактов, можно будет приняться за составление истории большевистской организации в Баку.

Разновременное поступление статей и различные размеры описываемых их авторами периодов не дали возможности расположить материал в строго-выдержанном хронологическом порядке. Не вошедшие в настоящий сборник статьи, полученные с запозданием, войдут в очередной сборник по истории Бакинской организации, к составлению которого уже приступлено.

Редакция.

К двадцатипятилетию Бакинской организации.

Двадцатипятилетие Бакинской организации нашей партии является торжеством для РКП и большой радостью для всех товарищей, когда-либо работавших и работающих теперь среди рабочих нефтяной промышленности Апшеронского полуострова.

Бакинское рабочее движение занимает очень видное место в революционном движении пролетариата Союза ССР за последние двадцать два года. Помимо многих особенностей нефтепромышленного пролетариата, это об'ясняется тем, что нефтяное производство в общем хозяйстве государства имело и имеет громадное экономическое значение. Поэтому царское правительство с особенным вниманием относилось ко всякому проявлению экономической или политической борьбы со стороны рабочих нефтяного производства и принимало всегда чрезвычайные меры против революционного движения в Баку.

Несмотря на это, бакинский пролетариат шел нога в ногу с самыми передовыми и революционными рабочими крупных промышленных центров бывшей Российской империи. Наряду с Ленинградским, Московским и Южным промышленными районами, Бакинский район стал с 1902-3 годов очагом революционного пролетарского движения.

Главную основу Бакинской организации всегда составлял нефтепромышленный пролетариат, в частности, его заводская часть. Промысловые рабочие в партию втянулись позже, когда, наряду с партийной революционной работой, стало укрепляться и расти профессиональное движение.

Благодаря этому пролетарскому составу Бакинской организации, влияние большевиков во все решительные моменты рабочего движения в Баку было преобладающим над влиянием партий меньшевиков и с.-р.

Кроме того, если до 1903 года гегемония влияния на соц.-демократическое движение на Кавказе находилась в руках Тифлисской организации, то с этого времени эта гегемония стала

принадлежать Баку, как крупнейшему пролетарскому центру на Кавказе.

Нефтяное производство, в котором занято было много десятков тысяч рабочих, занимало вокруг городского центра Баку определенное, густо населенное пространство, с типичными уголками крупной промышленности и пролетарского скопления. Нефтяной запах, черная копоть, пропитанная нефтью земля, черные, закопченные сооружения, черные люди, своеобразный шум и лязг буровых и тартальных машин, шум выливаемой из желонок нефти и неравномерная работа промысловых паровых машин создавали определенную обстановку энергии и бодрой, непрерывной работы.

Всякий партийный работник нелегального периода, попавший в Баку из крупных промышленных центров России, чувствовал себя, как рыба в воде.

Все условия бакинской жизни, как-то: разноплеменный состав населения, размещение жилищ рабочих среди промыслов, азиатский характер города, с кривыми узкими улицами,—все это создавало великолепные условия для подпольной революционной работы. Ни в одном крупном центре России не было такой продолжительности работы нелегальных товарищей, как в Баку. Наряду с интенсивной партийной работой, существовала все время широкая связь с рабочими массами. Кроме того, наша партия имела в Баку крупнейшее нелегальное учреждение в виде большой типографии Центрального Комитета партии, которая, по своим размерам и оборудованию, не имела равной во всей истории революционных партий не только России, но и Запада. В этом отношении Баку, несомненно, выделяется из всех промышленных центров России и имеет перед революцией колоссальнейшую заслугу.

Быстрый рост революционного движения в Баку всецело поглощал внимание внутренней и наружной полиции, и это обстоятельство отвлекало ее от тщательной слежки за нелегальными центральными учреждениями партии. Начиная с 1901 года до начала 1906 года, Баку снабжал всю партию нелегальной литературой своего производства, а также доставляемой из-за границы через Батум, причем в Баку существовала крупнейшая распределительная и транспортирующая организация нелегальной литературы.

Темой настоящей статьи, главным образом, является история зарождения Бакинской организации, и моя непосредственная задача состоит в том, чтобы дать в настоящей статье картину возникновения социал-демократической организации нефтепромышленного района 25 лет тому назад.

Начало нелегальной с.-д. работы в Баку совпало с заметным под'емом нефтяной промышленности. Как известно, нефтяная промышленность с конца 90-х годов начала резко подниматься и в 1903-4 годах дошла до максимальных пределов. Соединение Владикавказской железнодорожной магистрали с Закавказскими ж. д., постройка крупного нефтепровода из Баку в Батум дали толчок усиленному вывозу нефти не только на рынок внутренней России, но и за границу. Такое оживление нефтяной промышленности, естественно, вызвало прилив рабочих из других центров России.

Когда я осенью 1898 г. очутился в Баку, то сразу понял, что в этом пролетарском центре кружковую работу, которую мои товарищи и я вели в Тифлисе, можно поставить шире и основательнее. Но сил для работы было мало. Мне удалось воспользоваться некоторыми адресами, полученными мною из Тифлисской организации, и связаться с одиночками-товарищами, жившими в Баку, часть которых была выслана из Москвы или других центров России. Еще в январе 1899 года мне удалось сорганизовать небольшой кружок из железнодорожных рабочих депо Баку. В этом же месяце удалось завязать связи с товарищами, разбросанными по разным заводам нефтяного района, напр.: рабочий Лукашевич, высланный из Москвы, работал на заводе «Вулкан», рабочий Лавров—на рисоочистительной мельнице «Слон» и др.

Через Семена Енукидзе, работавшего слесарем на заводе «Вотан» в Балаханах, удалось сорганизовать кружок из пяти товарищей этого же завода, одного рабочего завода Манташева, рабочего Заргарова от Нобеля, рабочего Андрея Сидорова от завода «Молот», рабочего Брагина, работавшего в Сабунчах, трех рабочих армян, работавших на машиностроительном заводе б. Хатисова, а также двух-трех рабочих с табачной фабрики Мирзабекянца. Кроме этих связей с отдельными рабочими на перечисленных заводах, у нас установились связи с несколькими еврейскими ремесленниками, главным образом, портняжного производства в самом городе. Словом, в начале 1899 г. мы насчитывали около 20 товарищей, которые собирались отдельными

группами раз в 2 недели. На всех собраниях или в беседе с отдельными товарищами мы выдвигали, главным образом, задачу расширения наших связей с более надежными рабочими из указанных или других предприятий нефтепромышленного района, с тем чтобы на более или менее крупных заводах и промыслах организовать нелегальные рабочие кружки пропагандистского типа. Пропаганда в кружках велась устно, никакой нелегальной литературы в то время в нашем распоряжении не было, за исключением известной брошюры Дикштейна «Кто чем живет». Содержание этой брошюры мы пересказывали на все лады, и вопросы, поставленные там, толкали нас к другим вопросам, связанным с положением рабочего класса. Главную тему нашей беседы в кружках составляли вопросы экономические, но и тогда, насколько я припоминаю, нам не были чужды и политические вопросы.

К марту месяцу указанного года наши связи расширились так, что мы уже имели 5 или 6 кружков, из них три в Балахано-Сабунчинском районе, один на железной дороге и два в городском районе. Мы выделили 3-х товарищей-организаторов, на обязанности которых было: связать все существующие кружки, взимать членские взносы с членов кружков и толкать дальше товарищей на расширение связей и на собирание всяких материалов о положении и условиях работы на различных заводах и промыслах. За отсутствием пропангандистских сил, работа сильно тормозилась. Тифлисская организация, к которой мы обращались, в то время не могла выделить товарищей, достаточно знающих русский язык для занятия в кружках, в которых преобладали русские рабочие; некоторые же русские товарищи, которые в то время жили в Баку, не могли быть использованы для занятий в кружках, и лишь в самом конце 1899 года, когда из Тифлиса в Баку приехал Владимир Кецховели, который и по своим знаниям и по прошлой работе в Тифлисской организации являлся выдающимся революционером, работа стала на твердые ноги. Я быстро связал его со всеми товарищами, и он, энергично принявшись за работу, быстро расширил все связи. Вскоре после этого мы еще больше почувствовали недостаток подготовленных товарищей, и особенно остро чувствовалось отсутствие нелегальной литературы. Тов. Кецховели, кроме работы в кружках, со всей энергией принялся за организацию нелегальной типографии, что и увенчалось успехом

через сравнительно короткое время. Как эта маленькая нелегальная типография явилась зародышем для будущей крупнейшей нелегальной типографии в Баку, так и наши небольшие связи и немногочисленные кружки начала 1899 года явились зародышем того грандиозного революционного движения в Баку, которое, как было уже сказано выше, занимает очень почетное место в общем развитии нашей партии.

История организации и развития нелегальной типографии в Баку мною была уже подробно описана в № 14 «Пролетарской Революции»[1]). Поэтому останавливаться на этом не буду. Также не буду касаться здесь истории развития и состояния организации нашей партии после 1905 года, ибо эта тема может быть освещена более подробно другими товарищами. Мне хочется лишь восстановить в памяти самое зарождение Бакинской организации, именно, 25 лет тому назад.

1899 год можно считать годом организации отдельных групп рабочих, которые в определенном подрайоне вели работу по нащупыванию связей с заводами и промыслами, старались вылавливать отдельных рабочих, которые потом втягивались в нашу нелегальную организацию. К началу 1900 года мы уже имели несколько кружков, которые собирались периодически и на которых организаторы делали свои доклады о положении дел в подрайонах. В это же время у нас существовал определенный центр, состоявший из 4-х товарищей, который выполнял роль Бакинского Комитета. Весь 1900 год прошел под знаком собирания сил и укрепления существующих кружков. Наша организация, как таковая, в этом году не имела случая показать свою инициативу в области не только политических, но и экономических выступлений. Единственно, чем мы себя проявили в этом году (в смысле политическом),—это устройством первой маевки в Баку, которая, несмотря на нелегальный ее характер и до смешного малочисленный состав участников, не прошла бесследно. Первое мая, по новому стилю, мы решили отпраздновать на общем собрании представителей кружков и подрайонов, которых мы созвали в Балаханах, у горы «Стенька Разин». День был будний, и мы не делали никакого призыва к прекращению работы. Собралось нас человек 12, и собрание было посвящено значению пролетарского праздника и раз'яс-

[1]) Эта статья тов. Енукидзе перепечатана нами ниже. (Прим. ред.).

нению первомайских лозунгов, причем на участников собрания была возложена обязанность делать доклады об этом собрании на всех кружках.

К концу 1900 года мы получили возможность втянуть в работу нескольких приезжих товарищей. Число кружков стало увеличиваться, и к весне 1901 года у нас уже была правильно поставленная работа по обслуживанию районов. В этом году у нас стал вопрос об открытом выступлении в день 1 мая. По некоторым соображениям, мы вынуждены были отказаться от этого намерения. Но сама маевка прошла более организованно, чем в предыдущем году, и число участников составило уже до 200 человек. Мы решили тогда собраться двумя группами в окрестностях города, а потом уже соединиться в одну группу. О нашем намерении полиция и жандармы, повидимому, были предупреждены, и мы видели, как с раннего утра в окрестностях города и Балаханов стали раз'езжать конная полиция и жандармы. Несмотря на это, в Балаханском районе группа наших товарищей, в составе 128 человек, собралась в поле с красным флагом, с революционными песнями. Были произнесены соответствующие первомайские речи тов. С. Аллилуевым и мною. Другая группа товарищей собралась в городском районе, но соединиться нам не удалось, ввиду раз'езда конной полиции. Несмотря на нелегальный характер этой маевки, о ней много говорили как в рабочих районах, так и в городе. Даже в местной легальной прессе определенно говорилось об этом, и констатировался факт, что полиции не удалось помешать этому первомайскому скопищу рабочих.

1901 год в бакинском рабочем движении является годом, когда связи между районами установились прочные, занятия в нелегальных кружках велись регулярно; комитет, состоявший из товарищей Кецховели, Гальперина, Эйзенбета, д-ра Файнберга и меня, действительно руководил всей работой. К концу этого года мы имели правильно налаженную типографию, имели связи не только с Тифлисом, но и с другими организациями России. Наш комитет назывался Бакинским Комитетом РСДРП. Мы примыкали к течению «Искры» и определенно стали отмежевываться от влияния «экономизма», с которым «Искра» повела с самого своего основания решительную борьбу. В этом же году мы образовали группу «Искры», которая ставила себе задачей связать все существующие социал-демократические организации и готовиться к партийному с'езду. За влияние на с.-д. органи-

зацию, наряду с «Искрой», делала много попыток и группа «Южный Рабочий», с которой мы были также связаны, но от которой мы вскоре отмежевались, благодаря связям с «Искрой» и, в особенности, благодаря письму Ленина, обращенному к нашей организации через тов. Кецховели; в письме Ленин советовал всячески поддерживать «Катю», т. е. «Искру», и отмежевываться от «Жени», т. е. «Южного Рабочего». За этот период наш комитет привлек в качестве работников товарищей Алексея Хрусталева, приехавшего из Иваново-Вознесенского района, тов. Левина (бундовец) и Богдана Кнунянца. Кроме того, у нас была группа содействия нашему комитету из легальных товарищей, как, напр., Л. Б. Красин, Козеренко, Киц и др.

За осень 1901 и зиму 1902 года работа в нашей организации быстро расширилась и захватила решительно все районы. Приток новых сил из промышленных районов, в особенности, из Москвы увеличился. Много попало к нам работников, пострадавших от зубатовской политики. Работа наша приняла массовый характер. С весны 1902 года мы нередко собирали в окрестностях Баку массовые собрания, состоявшие, разумеется, из членов организации, на которых делались доклады о проделанной работе и ближайших перспективах. В это же время мы определенно поставили вопрос об открытом выступлении первого мая 1902 года. Вопрос этот сначала обсуждался в комитете, потом в кружках, потом на районных собраниях, устраивавшихся за городом. За открытое выступление в комитете высказалось незначительное большинство, но на районных собраниях подавляющее большинство организованных товарищей высказалось за это, и мы стали усиленно готовиться к выступлению.

Первомайское выступление 1902 года, которое было очень хорошо организовано и целиком прошло по заранее намеченному нами плану, положило начало громадному влиянию социал-демократических организаций на широкие рабочие массы Баку. Это выступление было крупным политическим пробуждением бакинских рабочих и оно же показало всем силу и влияние нашей организации. История этого первого выступления бакинских рабочих широко известна всем. Аресты, которые последовали за этой маевкой, не расстроили наших рядов, а, по освобождении из тюрьмы после 23-дневного заключения, мы с еще большим энтузиазмом взялись за работу, и к осени 1902 года наша организация возросла вдвое. Летние месяцы 1902 года мы

использовали под большие партийные собрания (100-120 человек) в районе «Волчьих ворот» и Забрата, в Балаханах.

В сентябре 1902 года т. Кецховели и я были арестованы, увезены в Тифлис и заключены в Метехский замок.

После этого я лишь в конце июня 1903 г. появился в Баку на несколько дней и принимал участие в совещаниях Бакинского Комитета по вопросу о посылке покойного т. Кнунянца (Радина) на II с'езд РСДРП.

С осени того же года, по предложению ЦК, я ушел в подполье и работал до конца 1905 года в большой типографии Центрального Комитета, организованной нами в Баку на 1-й Паралелльной улице.

С ноября 1906 г. я вновь получил возможность активно работать в Бакинской организации. В тогдашний Бакин. Комитет (общий с меньшевиками), состоявший из 7 человек, от нашей фракции большевиков входили три человека: Саратовец, Апостол и я. (От меньшевиков в комитет входили: Девдориани, Рамишвили-старик, Ибрагим и П. Чхеидзе). За осень 1906 и весну 1907 года мы, большевики, развили очень интенсивнуюи широкую работу.

В ноябре состоялась общегородская большевистская конференция для намечения дальнейшей работы и распределения сил. На конференции присутствовали покойные ныне товарищи Шаумян, Спандарян, Каспаров и другие. На той же конференции был заслушан доклад Багдатяна о роли армянской с.-д. партии (так наз. «спецификов») в борьбе против «Дашнакцутюн» и о присоединении «спецификов» к большевикам.

Во время предвыборной кампаниии во вторую Государственную Думу наша организация стала издавать легальную газету на армянском языке.

Наша организация тогда располагала многими работниками, например: т.т. Саратовец, Апостол, Петербуржец, Рохлин, Легран, Спандарян, Слава, Павел Сакварелидзе, Р. М. Окиншевич, Исаак Тер-Габриелян, Фаро и Карл Ризель, Муса Касумов, Сергей Аллилуев, Стопани, Карташев, Соловьев и многие другие.

5 мая 1907 года совещание активных работников-большевиков, в числе 19-ти товарищей, было арестовано в доме против дома бывш. «Армянского человеколюбивого общества».

Работа была поставлена до такой степени хорошо и в районах у нас было столько работников из рабочих, что этот провал «верхушки» нашей организации, в общем, не очень отразился на состоянии партийной работы в нефтяном районе.

Когда я осенью этого года вернуля в Баку, бежав из ссылки, здесь я застал старых испытанных работников, как Алеша Джапаридзе, т. Сталин, Нико, Буду и проч.

В ноябре 1907 года я уехал в Финляндию на конференцию большевиков в Таммерфорсе, но на Финляндском вокзале, в Ленинграде, был арестован и, просидев в Крестах до мая 1908 года, был выслан в Архангельскую губ.

По окончании ссылки, осенью 1910 года, я вернулся в Баку и вместе со Степаном Шаумяном, Славой Каспаровым, Черномазовым, Догадовым, Вардиным и др. мы скоро стали восстанавливать партийную работу и разрушенные после периода «ликвидаторства» и реакции 1908-1910 г.г. наши организации.

В 1911 году работа значительно оживилась, стали издавать легальный еженедельник «Возрождение»,, который за майский номер был закрыт. К лету усиленно стали готовиться к общепартийной конференции, которая созывалась тогда в Праге. К нам в это время приехали члены ЦК., т.т. Орджоникидзе и Спандарян, которым было поручено об'ехать организации знакомить с вопросами порядка дня будущей конференцции.

В сентябре начались аресты, и почти вся наша организация была разгромлена. Серго Орджоникидзе и Спандарян успели уехать, Догадова мы послали в партийную школу в Париж, а все остальные работники, почти все были арестованы. После отсидки на Баилове и Шемахинке, мы в июле 1912 года были высланы из пределов Кавказа. В тюрьме, несмотря на строгий режим, мы не порывали связей с организацией, и нам даже удалось написать два письма тов. Ленину и получить от него ответы.

Под'ем рабочего движения после Ленского расстрела сразу коснулся и Баку. До нас стала доходить газета «Звезда». Мы в тюрьме почувствовали ту политическую «весну», после которой наступили июльские дни 1914 года и мировая война. Через 3 года разразился уже ураган Октябрьской революции.

25-летняя история Бакинской организации также богата событиями, как и история всей нашей героической РКП.

Мое перо не в силах, конечно, дать хоть сколько-нибудь удовлетворительную картину этой истории.

Это—дело коллектива, дело всех тех товарищей, которые имели величайшую честь и счастье принадлежать к этой организации и работать в ней.

А. Енукидзе.

1906 год в Баку.

В Баку я приехал в феврале 1906 года, куда был командирован членом ЦК партии тов. Любич (И. А. Саммер). Приехали мы одновременно с тов. Виктором Алексеевичем Радус-Зенкович и Евдокией Шнеерсон. Через некоторое время тов. Зенкович, работавший под кличкой Егор, и я были введены в состав Бакинского Комитета. Я был откомандирован для работы в Балаханский район, а тов. Егор—в Биби-Эйбатский. Комитет состоял как из большевиков, так и из меньшевиков. Наиболее ярким работником Бакинского Комитета в то время был тов. Алеша Джапаридзе. Из меньшевиков выделялся Сандро. Кроме того, необходимо отметить из членов комитета тов. Нико[1]) (фамилию которого я забыл), представлявшего собою нечто среднее между большевиком и меньшевиком. Среди меньшевиков обращал на себя внимание молодой способный литератор Андрей Вышинский[2]). На стороне большевиков был еще тов. Тихон, покончивший впоследствии самоубийством.

В Балаханском районе я встретил следующих лиц: тов. Апостола[3]), кроме того, помогавшую энергично партийной организации Райсу Моисеевну Окиншевич, жену врача Окиншевича, который точно так же принимал некоторое участие в партийной работе в то время; кроме того, я встретился с Сергеем Ракотяном (?), служившим в качестве инженера на «Электрической Силе». Необходимо еще отметить тов. Бархатову, Лидию Николаевну, которая служила заведующей библиотекой совета с'ездов нефтепромышленников в Балаханском районе. Сторожем этой библиотеки служил тов. Смирнов, известный в Балаханах в то время под кличкой «Саратовец», впоследствии сыгравший довольно крупную роль, ныне умерший. Из рабочих наиболее яркой фигурой был Ваня Фиолетов.

Положение Балаханского района и примыкающего к нему Сабунчинского было в то время особенно тяжелым. Общие усло-

[1]) Ушел от нас.
[2]) В настоящее время член РКП.
[3]) Ушел от нас.

вия работы, в которых приходилось быть рабочим, губительно сказывались на их здоровьи, а жилища, представлявшие грязные ящики, разбросанные между промыслами, прокоптелые и пропитанные запахом нефти, являлись причиной громадной смертности, в особенности детской. Вопрос о жилищах был одним из самых больных и долго неразрешимых.

Но, прежде чем перейти к тем событиям, которые были обусловлены общей экономической обстановкой и жилищным вопросом, необходимо дать некоторую характеристику состояния Баку в то время.

Начало 1905 г. было фактически разгаром политических свобод для Баку. До Баку, находящегося за несколько тысяч верст от Петербурга, только что докатилась волна политического под'ема, власти находились в состоянии смущения, и, несмотря на то, что во всей остальной России уже свирепствовали карательные экспедиции, в Баку можно было пользоваться относительной свободой. Эта свобода позволяла иметь свои легальные социал-демократ. газеты; поэтому можно было приступить к изданию и большевистской газеты, не только меньшевистской. Фактически редактором и работником, выносившим всю тяжелую работу по изданию газеты на своих плечах, был Радус-Зенкович, которому помогали в этой работе Тихон и Алеша Джапаридзе.

Собрания партийного комитета и межрайонных конференций происходили достаточно открыто. Конференции обычно происходили в Белом городе, или на «Электрической Силе», или на одном из соседних с ней заводов. Обыкновенно, эти конференции бывали по субботам; постовые городовые рассматривали их, как совершенно закономерное явление, и бывали иной раз удивлены, почему не идет тот или другой человек, к фигуре которого они пригляделись. Конференции обыкновенно происходили в течение почти всей ночи, иногда до самого рассвета, и обычно носили очень бурный характер. На этих конференциях страсти особенно сильно разгорались после приезда представителя Бакинского Комитета со Стокгольмского с'езда, так называемого «об'единительного». Как известно, этот с'езд дал большинство меньшевикам, которые проводили прекращение бойкота Государственной Думы и рекомендовали участие в выборах в нее. Между тем, большинство членов Бакинского Комитета состояло из большевиков, которые стояли на точке зрения бой-

кота. Соответствующая подготовительная кампания к выборам была уже проведена комитетом, и теперь приходилось решать вопрос, как быть и как согласовать старое решение, широко известное населению, с новым решением с'езда. Этот спор настолько взбудоражил Бакинскую организацию, что очень скоро пришлось изменить и самый состав Бакинского Комитета, так как совместная работа большевиков и меньшевиков, при старом соотношении, сделалась совершенно невозможной. Помню, на одной из этих конференций страсти настолько разгорелись, что большинство членов конференции схватились за палки, и только самообладание некоторых из товарищей удержало публику от рукопашной. Необходимо отметить, что кавказский темперамент очень быстро заражал и всех нас, приехавших из центральной России, и, в сущности, трудно было разобрать, кто наиболее горячо относился к спорам, местные ли кавказцы или же приезжая публика. После возвращения делегатов со с'езда, я и тов. Егор вышли из Бакинского Комитета и стали работать в качестве организаторов в тех же районах, т. е. я—Балаханского, Егор—Биби-Эйбатского. К этому времени я лично был уже знаком достаточно близко с экономическим положением рабочих на промыслах, и мне удалось собрать целый ряд сведений о том, что недавно завоеванные, при помощи забастовки 1904 г. и последующей, облегчения и права были нефтепромышленниками у рабочих отняты.

В декабре 1904 г., как известно, происходила крупная забастовка балаханских рабочих. Тогда был заключен так называемый декабрьский договор, и вот этот декабрьский договор очень скоро был нефтепромышленниками «забыт», так что от него не осталось и следа.

Что касается Шендриковых. руководителей забастовки 1904 г. со стороны меньшевиков, то старший брат Касьян (Илья) сыграл достаточно крупную роль в конце 1905 г. Он был во главе Совета рабочих депутатов и издавал „Известия Совета", причем во всех своих выступлениях обнаруживал очень большие способности демагога, в то же время показывая большую неразборчивость в политических средствах и отсутствие строго выдержанной социал-демократической линии. Все это способствовало тому, что быстро завоеванная популярность была очень скоро им потеряна, и сторонниками Шендриковых была очень небольшая группа таких же, как и он, демагогов, которые довольно быстро стали ориентироваться на меньшевиков. Это

создало в комитете новые осложнения и, в то же время, заставило большевиков более внимательно разобраться в прошлой деятельности братьев Шендриковых, а также подойти поближе и к их новым выступлениям. Оказалось, что Илья Шендриков повел кампанию за организацию трудовых артелей, пытаясь при помощи их разрешить безработицу, которая сильно развилась в то время в Бакинском районе. К сожалению, я не помню сейчас фамилий его соратников, но необходимо отметить, что некоторыми из них были сообщены сведения о деятельности Шендриковых [1]), заставившие Бакинский Комитет назначить расследование. В качестве следователя по этому делу был назначен я. Мне пришлось обойти все районы города, побывать в большом количестве квартир рабочих, ознакомиться, таким образом, с историей бакинского рабочего движения и с теми его проявлениями, которые были, когда во главе движения стоял Шендриков. Я наткнулся на целый ряд интереснейших картин бакинской жизни и, в то же время, обнаружил ряд фактов, нашел ряд документов, свидетельствующих, что деятельность Шендриковых была, безусловно, подозрительна. Прежде всего, можно было установить связь между Шендриковым и Джунковским, чиновником особых поручений при кавказском генерал-губернаторе, при помощи которого Шендриковым была получена значительная сумма денег из министерства финансов, приблизительно тысяч 30, якобы, на борьбу с безработицей. Эти деньги, очевидно, было вложены в организацию того завода, который был в одной из трудовых артелей, во главе которой стоял Шендриков. Одновременно с этим, обнаружен был еще ряд других фактов, выявивших, именно, неразборчивость средств и делавших, вообще, фигуру Шендрикова подозрительной. Суд над Ильей Шендриковым дал возможность вскрыть точно также странное отношение меньшевиков к деятельности Шендрикова. Они все время пытались покрыть его деятельность, и на этой почве фракционная борьба между большевиками и меньшевиками сделалась еще более резкой. Точного решения суда, протекавшего со всей торжественностью, которую только могла создать тогдашняя организация, я сейчас не помню, но, во всяком слу-

[1]) Меньшевик Тер-Нерсесов (кличка Герасим), ныне покойный, первый дал эти сведения, которые—копия письма Льва Шендрикова к Джунковскому, послужившего исходным пунктом для обвинения — он обнаружил на столе у Шендрикова и передал в об'единенную тогда организацию. (Прим. ред.).

чае, это решение фактически исключило Шендрикова совершенно из рядов социал-демократии [1]).

Приблизительно в начале января недовольство бакинских рабочих Биби-Эйбатского района своим экономическим положением приняло настолько сильные размеры, что уже можно было говорить о необходимости найти форму, в которую вылилось бы это недовольство, чтобы принести наибольшие результаты. К сожалению, большой помехой была боязнь бакинских рабочих перед всеобщей забастовкой, боязнь, которая была внушена им теми же Шендриковыми, всюду подчеркивавшими, что всякая всеобщая забастовка—это политическая забастовка, а политическая забастовка—это слишком опасная вещь в то время, когда кругом, на Кавказе и в других частях России, происходили карательные экспедиции. Необходимо отметить, что громадный процент бакинских промысловых рабочих составляют тюрки, и персы, большей частью незнающие русского языка и бывшие в то время совершенно неразвитыми в политическом отношении. Для специальной работы среди мусульман Бакинским Комитетом была создана подсобная организация еще в 1904 г., называвшаяся „Гуммет". Эта организация включала в себя несколько молодых товарищей мусульман; некоторые из них были очень способными людьми.

Для того чтобы найти форму выхода и подготовить правильное выступление, мне пришлось начать организовывать вместе с этой организацией. С одним из товарищей, который работал, кажется, под кличкой «Елдаш», мы обходили одну казарму за другой. Я говорил по-русски; он переводил это на соответствующее наречие. Я очень скоро убедился, что так называемые «темные» мусульманские рабочие настолько быстро воспринимают нашу пропаганду, что можно было всецело рассчитывать на их дружную поддержку и массовое выступление. Опасность заклю-

[1]) Здесь память изменяет тов. Ногину. Шендриковых было три брата—Лев, Глеб и Илья. Жена последнего, Клавдия, была также видной работницей. Главой был Илья — крупнейший демагог, прекрасный оратор и наиболее влиятельный в этой семейке. Несомненно, что о заигрывании с Джунковским были осведомлены все братья, и, пожалуй, инициатива принадлежала Илье, но с поличным был пойман один Лев (лучший и наболее порядочный среди братьев), который и был один судим и исключен из партии и вскоре после этого в Баку же умер. Остальные братья вышли сухими из воды, а Илья, будучи вынужден уехать вскоре после этого из Баку, еще долго подвизался в Петербургской организации меньшевиков (где, между прочим, он выпустил 3, кажется, номера «Братского Дела» и откуда еще долго поддерживал тесную связь с оставшимися в Баку единомышленниками), в качестве правоверного меньшевика. Впрочем, его там быстро раскусили и окончательно дискредитировали. (Прим. ред.).

чалась лишь в том, что можно было ожидать каких-нибудь эксцессов со стороны рабочих, которые могли выразиться в тех же самых явлениях, как и в 1904 г., т. е. в поджогах вышек, а, следовательно, в громадном разорении промыслов; это, само собой разумеется, не могло быть нами ни в коем случае допущено и против этого необходимо было сразу принять соответствующие меры.

Это время почти что открытой широкой подготовки к забастовке было одним из самых интересных в моей работе в Баку. Ближайшими моими помощниками в то время были члены того пропагандистского кружка, который руководился мною лично. Одной из наиболее ярких фигур в этом кружке был Митя Балаханский, занимавший место сторожа в библиотеке после уехавшего тов. Саратовца. В наш кружок входил, между прочим, тов. Габриелян и целый ряд других товарищей, большинство которых я знал лишь по кличкам, фамилий их сейчас я не помню. Наши собрания, опять-таки происходившие все время то на квартирах рабочих, то в какой-нибудь из вышек, стали уже обращать все большее и большее внимание полиции, и хотя она не осмеливалась нас захватывать на квартирах, все же стала мешать нам собираться. Я помню одну из таких конференций, происходившую за Балаханами, где недалеко имеется потухшая сопка с грязевыми извержениями на склонах; около сопки несколько глубоких ям; некоторые из них заполнены водой, остальные представляли довольно удобное место для наших собраний; там мы и собирались ночью. Я помню, как одно из таких собраний было замечено полицией; она тогда была настолько трусливой, что не осмеливалась подойти близко к нам, а, обнаружив нас, открыла стрельбу с довольно далекого расстояния. Собрание благополучно разбежалось, но этот факт уже показал нам, что время так называемых «свобод» подходит к концу. Вместе с тем, я обнаружил очень скоро среди тюркских и персидских рабочих некоторое течение, которое свою боязнь политики довело до таких размеров, что сделалось опасным для самого движения. Поэтому пришлось принять целый ряд мер для облегчения нашей работы. В то время мы воспользовались для расширения нашей агитации и пропаганды еще следующим обстоятельством: для нас было ясно, что момент политической свободы нужно было использовать для организации профсоюзов. Начался спор между большевиками и меньшевиками о формах организации этих союзов. Я лично от-

стаивал необходимость организаций, которые бы охватывали всех промысловых рабочих, меньшевиками же отстаивалась точка зрения, доказывавшая возможность организации по узким профессиям, не одного союза всех промысловых рабочих, а нескольких союзов по отдельным отраслям. Это, безусловно, разбивало бы рабочих и привело бы фактически к организации по национальностям, увеличивая ту национальную вражду, которая и без того достаточно ярко сказывалась; с другой стороны, становилось невозможным какое-либо выступление промысловых рабочих: так, рабочие-слесаря, например, работавшие, главным образом, в ремонтных заводах, не могли влиять на непосредственно промысловых рабочих, работавших в вышках, на буровых и при тартании. Для обсуждения этого вопроса мы устраивали открытые собрания, с разрешения полиции и в ее присутствии; на собраниях вместе с вопросами профессиональной борьбы, вопросами о формах профессиональных организаций, мы обсуждали вопросы, что такое социализм, политическое положение России и пр. Эти собрания давали нам большую возможность раз'яснять ряд вопросов, связанных с забастовкой.

Я не помню, к сожалению, сейчас, когда началась эта забастовка, но самый факт начала этой забастовки запечатлелся в моей памяти.

Мною была написана прокламация, которая называлась «А где же декабрьский договор?»; в ней было описано общее положение промысловых рабочих и указывалась необходимость восстановления утерянных ими прав и завоеваний, а также борьба за дальнейшее облегчение рабочего класса, и делались общие политические выводы. Эта прокламация была единогласно одобрена Бакинским Комитетом. Необходимость начать экономическую забастовку как бы об'единила на некоторое время большевиков и меньшевиков, и началась уже более планомерная подготовка во всех районах к общему выступлению.

Забастовка началась очень дружно, всюду открыто шло обсуждение тех вопросов, которые были выдвинуты в наших прокламациях. Нам, непосредственным руководителям движения, можно было выступать на целом ряде собраний в присутствии полиции; правда, иногда такие выступления были невозможны, потому что противники всеобщей забастовки, зная нас очень хорошо в лицо, не давали нам выступать, говоря, что вы, дескать, погубите нашу забастовку, сделав ее политической. На этой почве произошел следующий инцидент. Был выбран от всех

промыслов совет, стачечный комитет, который собирался довольно регулярно на одном из промыслов Нобеля, при громадном стечении рабочих. На этих собраниях обсуждались вопросы, связанные с забастовкой. И, вот, в день разгона I Государственной Думы, когда мы получили известие об этом, на собрании пришлось председательствовать мне. Рабочие узнали, что получена какая-то большая новость, и требовали, чтобы она немедленно была им сообщена и об'яснена. Потребовали, чтобы я сделал доклад. В своем докладе я об'яснил причины разгона I Государственной Думы и произнес речь, в которой призывал к борьбе с царизмом и ставил все политические задачи, которые нами были в тот момент формулированы. Не успел я кончить речь, как, вижу, выделяется один из моих слушателей с маузером в руках, с определенным намерением меня пристрелить. К моему счастью, окружавшие вышибли у него из рук револьвер. Но этот инцидент сразу всколыхнул всех. Большинство покинуло зал, и все вышли на улицу, причем было трудно понять нам, незнающим тюркского языка, чего, в сущности, хочет толпа, но было совершенно ясно, что есть два лагеря: один—мои сторонники, другой—противники, бывшие на стороне Гасан-Хана. Этот мой приятель, надсмотрщик у Нобеля, и был одним из тех, на которых опирался «Гуммет». Он был очень предан рабочему движению и очень искренно отстаивал его интересы; никоим образом нельзя было его заподозрить в том, что он был на стороне нефтепромышленников. Это подтверждается следующим обстоятельством. Через несколько лет я получил от него известие, в котором он говорил, что на коленях просит у меня прощения, что он теперь понял, что я был прав, а он неправ, и что теперь он—член нашей большевистской организации. Это было приблизительно в 1908-10 г. После этого факта забастовка начала сходить на-нет. Вместе с тем, мое пребывание в Балаханах сделалось достаточно затрудненным, т. к. решительно все и вся знали меня в лицо, и ходить по улице Балаханов мне было опасно. Необходимо было скрываться. Между тем, я занимал некоторое легальное положение, т. к. служил в качестве конторщика на «Электрической Силе».

Необходимо отметить, что в самом городе Баку была достаточно большая группа товарищей большевиков, которая, не принимая активного участия в нашей работе, оказывала нам значительную поддержку своей литературной работой, своими

связями и помощью при разрешении различных общих вопросов. К таким товарищам нужно отнести Н. М. Флерова, ныне умершего, Н. Н. Карташева, также умершего, А. М. Стопани [1]), Н. И. Соловьева и И. Э. Гуковского (умер). Некоторую помощь нам оказывал также В. В. Старков, бывший в то время директором «Электрической Силы».

Широкая политическая кампания, которая была поднята Бакинским Комитетом в связи с выборами в Государственную Думу, а потом—в связи с разгоном ее, всколыхнула также широкие слои бакинских обывателей. В этой работе я принимал мало участия. Таким образом, отметить что-либо выдающееся в ней я не могу. Необходимо только остановиться, в дополнение ко всему тому, что я сказал, еще на роли некоторых товарищей, которые тесно были с нами связаны и которые работали исключительно в области легальной работы.

Нами были организованы типографии. Одну из таких типографий я устраивал в Нобелевской бане, в Балаханах. Она просуществовала довольно долго. Правда, в связи с этой типографией у меня сохранились не совсем ясные представления кое-о-ком из работников, которые нам помогали в то время. Важно лишь отметить, что мною была выпущена литература, помогавшая нам за все время забастовки.

Из работников, с которыми мы были связаны, необходимо еще отметить тов. Енукидзе, на обязанности которого лежали заботы о центральной типографии.

* * *

Вторично мне пришлось быть в Баку в начале 1910 года. Это был год запустения. Тяжелое впечатление осталось у меня на этот раз от Баку.

Я приехал туда в качестве члена ЦК для ознакомления организации с решениями последнего пленума ЦК, бывшего в январе 1910 г. в Париже. Говорить о каких-либо широких выступлениях было абсолютно нельзя. Шла лишь кропотливая работа в подполье, носившая очень не широкие размеры. Из старых активных работников прошлого периода я встретил лишь тов. Степана Шаумяна, который работал в качестве заведующего одним из промыслов. Тут же встретил я тов. Габриеляна, и в глубоком подполье находился тов. Сталин (Коба), широко

[1]) Тов. Ногин ошибается. А. Стопани в это время активно работал секретарем Костромского комитета и вернулся в Баку (нелегально) летом 1907 г. (Прим. ред.).

известный в то время на Кавказе и принужденный тщательно скрываться на Балаханских промыслах. Кроме того, тут был тов. Сельдяков, работавший под именем Кузьмы; он был в довольно тяжелом положении, ибо своей обычной горячностью создал вокруг себя атмосферу, которая мешала ему работать.

В самом городе Баку было какое-то подобие комитета, опиравшегося на некоторые из полулегальных профсоюзов, но общее настроение Бакинской организации было все же достаточно хорошее. Товарищи, стоявшие фактически во главе организации, были вполне солидарны с ЦК партии или, вернее, с его большевистской частью, и в вопросе об оценке положения и в вопросах о методах работы. Во главу угла они выдвинули именно то, что наиболее необходимо было в тот период нелегальной партийной работы. Они не смущались размерами работы, которую приходилось вести, а упорно боролись за поставленные цели.

История показала, что они были правы.

В. Ногин.

Страничка былого.

(1906 г.).

Работа моя в Бакинской организации продолжалась с ранней весны до половины августа 1906 г. Появились мы там маленькой, но по совместной работе в нескольких организациях тесно сплоченной большевистской группкой. Кроме меня, одновременно были направлены в Баку т. В. П. Ногин (Макар) и Е. П. Шнеерсон (Дуня).

В день приезда мы познакомились с рядом работников, как мы вскоре убедились, основных в тогдашней Бакорганизации. Группа стариков: Флеров, Фролов, отчасти Гуковский и, особенно, Н. И. Соловьев играли роль литературного центра и, в то же время, они до некоторой степени блюли преемственность работы и связей. Около них по части литературной держался ближе других тов. Тихон [1]), в то же время работавший, как пропагандист и агитатор, и ведший одновременно и оргработу в городском районе; около него же сосредоточивалась работа среди учащихся. Алеша Джапаридзе являлся душой и направляющей силой в организации. Сил, в общем, было мало. Меньшевики держались в городском районе, в Черном городе, отчасти в Белом, преимущественно среди рабочих механического производства; слабы они были на Биби-Эйбате и совсем почти их не знали в Балаханах (и в Сабунчинском и Раманинском районах). Общую организацию в ее большевистской части ни в коем случае нельзя было назвать крепкою. Связи в промысловых районах были единичные, порою случайные, нуждались в солидной разработке. Поэтому наши желания направиться в промысловые районы вполне отвечали мнению товарищей, и мы разбрелись: я получил Биби-Эйбат, тов. Макар с Дуней—Балаханы.

Помню гнетущее впечатление, которое произвела на меня картина опустошений на большей части площади Биби-Эйбатских промыслов в результате пожаров и разрушений во время

[1]) Тихон—нелегальная кличка Мышкина (он же Иван Санжур), в ту пору активно работавшего в качестве профессионала в Баку. Впоследствии, в годы реакции, покончил самоубийством в Москве. (Прим. ред.).

армянской резни 1905 г. [1]) Положительно, отвратительное впечатление оставляли жилища рабочих, вытянутые по окраинам промыслов, под горой и на откосе ее. Казармы на отдельных промыслах, например, у Манташева и у отдельных подрядчиков по бурению, были пригляднее, но жилищный вопрос, вообще, кричал своей неналаженностью, и пункт о постройке жилищ являлся одним из остро выдвигавшихся требований при каждой забастовке.

Общая атмосфера на промыслах оставалась напряженной, особенно, во взаимоотношениях армян и тюрок. Я не помню сейчас ни общей численности рабочих в той и другой промысловой группе, ни в Белом и Черном городе, не помню также соотношения в цифрах по отдельным национальным группам, но отчетливо отмечаю, что в машинных отделениях и механических мастерских на промыслах работали почти исключительно русские и армяне, на промыслах же (в буровых и по добыче и тартанию нефти) исключительно тюрки и персы. Характерная черта, которая еще до летнего забастовочного движения поражала меня, это определенное неприязненное отношение, облекавшееся не в чисто национальную вражду, а выражавшее борьбу двух слоев рабочего класса—квалифицированной верхушки и массы чернорабочих[2]). Характерной местной особенностью было то, что эти два слоя со столь резкой враждебностью во взаимоотношениях оказывались в Баку и различных национальностей. От тюрок приходилось слышать нарекания, что рабочие-металлисты думают только о себе, что промысловые рабочие от прежних забастовок имели слабый выигрыш и, в сущности, являлись массой, опираясь на которую механические рабочие добивались для себя лучших условий. Позже, во время летних забастовок, мы могли, в полном соответствии с этим, отмечать, что тюркская рабочая масса, впервые пробуждаясь к массовой инициативной борьбе, выступала с энтузиазмом и держалась твердо, уверенно, настойчиво, механические же рабочие поднимались с трудом, очень недружно и слабо.

Тяжелы были материальные условия, в которых работали рабочие на промыслах. Но, рядом с этим, рабочих-тюрок давила среда, начиная с многочисленных родичей хозяина, про-

[1]) Это относится, главным образом, к Балаханам. (Прим. ред.)

[2]) О неприязненном отношении квалифицированной части рабочих к неквалифицированной в ту пору говорилось уже в I сборнике Истпарта при БК АКП «Из прошлого» («Празднование 1 мая в Баку»). Корни этого крылись в декабрьской забастовке 1904 г., давшей более или менее удовлетворительные результаты квалифицированным рабочим и очень мало неквалифицированным. (Прим. ред.).

должая фигурой бурового мастера и надсмотрщика за работами и кончая муллой. Рассказывали мне на Биби-Эйбате случай, когда тюрок, твердо пошедший наперерез традициям и рабской покорности, исчез бесследно; говорили, что он нашел своей конец в одном из колодцев на промыслах.

И, все-таки, эта масса летом поднялась, дружно и беззаветно уходила в борьбу, выделяя из своей среды неизвестных нам до той поры ораторов, притом не только горячих, но и умелых, в достаточной степени развитых и сознательно разбирающихся в своем положении. В то же же время работниками-организаторами из тюрок мы располагали в единицах.

Когда мы задумали и организовали издание легальной газеты на русском и тюркском языке («Призыв» «Коч»-«Девет») и на меня было возложено редактирование ее, я из-за отсутствия работников бился над русским изданием, но еще больше над тюркским. Вспоминаю, как я измучился в течение шести дней, пока генерал-губернатор терпел нашу газету. За время выхода газеты я ни разу не разделся, ел урывками, летал из района в район, вытаскивая чуть не клещами каждую писаную строку, и просиживал ночи за прочитыванием и обработкой материалов; кстати сказать, у нас не было уверенности, что газета долго продолжится, и этим, до некоторой степени, об'яснялось то холодное отношение к значительно кустарническим приемам работы, которое мы, в силу сказанного, должны были допустить и допускали. И все же я был рад-радешенек, когда на 7-м номере мы были прикрыты и я смог передохнуть. Поводом послужила заметка о казаках, заключавшая в себе ряд призывов к последним, причем нашими «цензорами» была обнаружена у нас, вообще, определенная антимилитаристская тенденция и склонность к соответствующей агитации.

Тут я вспоминаю тов. Азиза, как я называл покойного тов. Мешади Азизбекова. Он был как раз одним из редакторов наших легальных газет. С ним я скоро близко сошелся; мы вместе бродили по собраниям; смотря по обстановке, тов. Азиз переводил и приспособлял к пониманию слушателей мои выступления. Вскоре я и поселился у него в тюркской части города. Меня поражало, как могли уживаться в Азизе пережитки прадедовской старины (старозаветная семья, жена, жившая взаперти на женской половине, и проч.), с передовыми воззрениями революционной социал-демократии и соответствующей деятельностью.

Азиз подходил к движению промысловых рабочих-мусульман как-то недоверчиво, сам как будто не веря, что растет массовое твердое движение. Он рос на моих глазах. Мы часто и много говорили о формах вовлечения в борьбу мусульман и о трудностях этой работы. Значительная часть мусульман являлась пришлой из Персии; состав этих рабочих тек и менялся. Но на промыслах был также слой постоянных рабочих, длительно работавших и сжившихся с ними, был также определенный слой бывших владельцев небольших земельных участков, согнанных с земли их разбогатевшими единоверцами и или пресмыкавшихся перед ними, или таивших в своих сердцах жгучую ненависть и поджидавших только случая, чтобы достойно отплатить волку за свои слезы. Все же революционно-классовый характер движения рабочих-мусульман выступал еще до такой степени слабо, что в рядах обслуживавших собрания их агитацией и летучей пропагандой мог еще появляться, например, сын известного тогда в Баку богача, неизменного думца и ярого черносотенца Ашурбекова. В ту пору Ашурбеков-сын оказывал нам существенную помощь, т. к. масса мусульман, темных, полных предрассудков и несознательных политически, шла на собрания и на забастовку по доверию к нему, как сыну «всем известного и всеми уважаемого» Ашурбекова.

Но нарывались мы и на неприятные столкновения. Один раз в Балаханах, на собрании мусульман, в казарме, во время забастовки, мы едва избежали крупной неприятности: кто-то из родственников Ашурбекова возмутился тем, как сын такого уважаемого отца может выступать против нефтехозяев. Так же на Биби-Эйбате раз, во время летнего забастовочного движения, после собрания на одном из промыслов, когда говорил я и Азиз и работа была остановлена, какой-то буровой мастер бегал с винтовкой, грозя убить Азиза, и нам стоило труда угомонить буяна, и невредимым вывести Азиза с промыслов.

Вообще, по промыслам мы путешествовали свободно и скоро так освоились с местностью, что в темноте, после полуночи, когда на промыслах гасилось электричество, проходили, не смущаясь, когда натыкались в темноте на часового-черкеса. Кстати, уже в нашу бытность на промыслах, последние вновь обносились каменной оградой и устраивались одни входные и выходные ворота со стражей. Мы застали еще положение, когда беспрепятственно можно было лазить по всем промыслам, и во всех направлениях, не рискуя быть остановленными.

Здесь я должен вспомнить тов. Георгия (грузина), нашего рабочего-боевика, знавшего промысловый район. «как свои пять пальцев», и во многом облегчавшего, например, мне на Биби-Эйбате нахождение и восстановление связей.

Вначале я не решался расстаться с револьвером и даже одно время таскал за поясом пару тяжелых револьверов системы «Смит-Вессон» (калибр 480), но скоро решил бросить их ввиду явной бесцельности. Если бы кому захотелось прикончить меня, это можно было бы легко и в любой момент сделать из-за угла пулей и кинжалом, с кавказской ловкостью, так что револьвер мне даже не пригодился бы.

Я вспоминаю, как мило «клали» наши шпионов в городе, на людных улицах, ударом кинжала в шею, уходя спокойным шагом, причем никто не рисковал броситься ловить, и даже смятения не получалось.

Вопрос о мусульманских рабочих стал перед нами опять в той же, как я выше указывал, постановке, когда мы решили повести агитацию за организацию профсоюза. Мы выкинули лозунг общего производственного союза нефтепромышленных рабочих. Меньшевики, в противовес, предлагали нам организацию двух отдельных союзов: 1) нефтяных рабочих и 2) рабочих механического производства. Напрасно мы указывали им, что фактически это привело бы к созданию двух национальных союзов, не привело бы к изживанию национальной розни, а укрепляло бы ее и, вообще, по существу положения, отрывало бы кучки механических рабочих на промыслах в угоду тому, что механические рабочие были бы в большинстве или большей численности в Черном и Белом городе. В конце концов, действовало, вероятно, и то, что среди рабочих механического производства были у меньшевиков кой-какие связи и растворять их в массе рабочих-мусульман, сразу связавшихся с нами, большевиками, и вставших под наше руководство, они не хотели.

Как бы то ни было, борьбу мы выдержали довольно ожесточенную, со спорами на местных собраниях рабочих, с ожесточенным спором на общерайонном (общегородском) собрании и на районных. В конце концов, мы все же увлекли за собою часть рабочих механического производства, организовали общий союз нефтепромышленных рабочих, но все же и меньшевики тоже основали свой союз рабочих механического производства. Конечно, поражение на этом пути было обес-

печено им заранее, но временно воду они замутили этим значительно. В ту минуту мы гордились сознанием того, что мы сделали правильный шаг в своей тактике, тем самым идя единственно целесообразным путем к разрешению национального вопроса.

Что касается физиономии самой тогдашней Бакинской организации, то общий характер ее был довольно-таки серый. По приезде мы застали еще неликвидированной историю с бр. Шендриковыми, своеобразными бакинскими Гапонами или, вернее, зубатовцами, из которых младший, Лев Шендриков, вступил в сношения с генерал-губернатором, получал от него деньги на организацию, газету и проч. Тов. Макару пришлось разбираться в этой истории. Шендриков исчез с горизонта, шендриковцы же долго не могли нам этого забыть; в общем, между частью бакинских меньшевиков и шендриковцами была какая-то, довольно ощутимая, связь. Позже мы слышали, что Шендриков пытался заграницей себя реабилитировать и что поддержку ему в этом, основываясь на сообщениях бакинских меньшевиков, оказывал Мартов и др. меньшевики. Как бы то ни было, революционно-классового сознания у бакинских рабочих той поры было недостаточно, чтобы легко распознать и выбросить сразу, без следа, из своей среды этого предателя и карьериста[1]).

Как я указывал уже, лето 1906 г. прошло в перемежающихся забастовках. Положение рабочих не было прочно. Промысла с трудом оправлялись от пожаров и разрушений. Нефтепромышленники дрались в особом совещании, деля 20 миллионную правительственную ссуду-субсидию, менее всего думая об удовлетворении запросов и о благе рабочих. Бурение развивалось бойко, но оплата и др. условия работы не изменялись к лучшему. Ни копейки из барышей и субсидий нефтепромышленники не проявляли желания бросить на постройку, например, жилищ и улучшение положения рабочих. Почва для агитации была великолепна. Выход в забастовку, при общем приподнятом настроении рабочих, был легок.

[1]) О Шендриковых см. сноску на стр. 20. Здесь надо лишь добавить, что связь «между частью бакинских меньшевиков и шендриковцами была» не только «какая-то довольно ощутимая», но вполне реальная; другими словами, меньшевистская организация была единой, общая же тактика шендриковской организации получила признание со стороны меньшевиков еще задолго до 1906 г., а именно, непосредственно после декабрьской забастовки. Илья Шендриков написал по поводу нее брошюру, изданную меньшевистской «Искрой» с одобрительным предисловием Мартова в 1905 г. Поощрительный отзыв о шендриковцах был помещен и в самой «Искре». (Прим. ред.)

Но, все же, в видах меньшего истощения рабочих и думая, таким образом, растянуть забастовку на более продолжительный срок и, тем самым, дезорганизовать работу промыслов и исполнение по заказам, мы ввели забастовку попеременную. Но, при этом, мы не учли того, что нефтепромышленники будут поддерживать друг друга и выполнять заказы один за другого. В конце концов, те немногие числом крупные фирмы, которые сосредоточивали в своих руках основную площадь промыслов и основную добычу, диктовали свою волю мелкоте, которая пошла бы, в иных условиях, на уступки. В силу этого, наша забастовка, поражавшая как раз мелкие и средние промысла, в общем, не приводила к заметному выигрышу, а то и вовсе не приводила ни к какому выигрышу.

Настроение нефтепромышленников я имел возможность оценить очень близко и точно, так как в эту часть своего пребывания в Баку я вел секретарскую работу раз или два в неделю на совещаниях при совете с'ездов нефтепромышленников, на которых нефтепромышленники делили царскую подачку в 20 милл. и где обычно присутствовали с мест представители крупных, средних и мелких нефтепромышленников и фирм подрядного бурения, а также фабричный инспектор, представители горного надзора, управляющий казенной палатой и др.

Вскоре после нашего приезда Бакинская организация направляла делегатов на об'единительный с'езд. Мы, как только что появившиеся в Баку, не могли быть избранными, и делегация была послана из намеченных ранее меньшевиков и большевиков. Среди меньшевиков был Семен (грузин)[1]), который после с'езда поселился в Германии, наблюдая в работе германские профессиональные союзы, и, по возвращении в Баку, увлекся профессиональным движением, ушел в агитацию за отдельный союз рабочих механического производства и позже ушел от политической работы в профессиональную.

---

[1]) Семен Черногородский (Гамбашидзе)—впоследствии посол «демократической» меньшевистской Грузии в Англии (литературный псевдоним Саванелли). Этот самый Семен поехал на с'езд не от меньшевистской части об'единенной с.-д. организации, а большевистской. Лишь после с'езда он стал меньшевиком, использовав свое старое влияние, как большевика, на пользу меньшевиков, точнее, меньшевистского союза механических рабочих, где он работал по возвращении со с'езда. Но этой эволюции он не остановился, окончательно порвал с социал-демократией и перешел затем к национал-демократам.

По случайному совпадению, подобную же эволюцию (от большевизма через меньшевизм к национал-демократам) проделал и другой делегат большевистской части об'единенной Бакинской с.-д. организации на этот с'езд, Нико. (Прим. ред.).

Результаты нашей работы в промысловых районах скоро подняли общий тон организации; на общественных собраниях биби-эйбатцы и балаханцы наносили поражения меньшевикам. Я вспоминаю, как лидер меньшевиков Сандро в бессильной злобе ломал в мелкие куски свою камышевую тросточку. Обычно из Биби-Эйбата и Балаханов мы являлись на общегородские собрания в Белом городе (на электростанции) солидной группой; собрания происходили ночью; под утро, на глазах у постового городового, не то обезвреженного нашими патрулями, не то изображавшего нейтральную державу, мы расходились по домам в приподнятом настроении, в степи затягивая революционные песни.

Упомянутое выше издание легальной газеты возникло из стремления распространить шире ощутительно разраставшееся наше влияние. Агитация листковая шла своим чередом. Велась кружковая пропаганда. Балаханцы давали организацию более устойчивую и солидную по наличию политически развитых товарищей, чем биби-эйбатцы. Обслуживающих работников (пропагандистов, агитаторов, организаторов) там было больше. Крупным культурным центром там была библиотека. На заведывании последней и в обслуживающем ее персонале были члены парторганизации. Ваня Фиолетов и другие товарищи, сознательные пролетарии, с опытом революционной работы в других местах, были незаменимыми помощниками в работе. На Биби-Эйбате группа меньшевиков (Юстус и др.) была сильнее, и одно время даже, пользуясь неособенно большой аккуратностью членов нашей части организации в посещении собраний, меньшевики, во главе с Сандро, попытались в условиях об'единенной организации осуществить чисто демократическое свое право на избрание организатора, каковым для себя они и наметили торжественно Сандро.

Мысль о нелегальной газете возникла давно. Нам удалось осуществить выпуск газеты, хотя и с большим трудом. Из ряда предлагавшихся названий остановились на названии «Бакинский Рабочий». Помню горячие споры по поводу статей в первом выпускавшемся нами номере. Мою статью, пошедшую, в конце концов, передовою, мы упорно и с большим трудом отстояли от возражений стариков. Прочного издания нелегальной газеты мы все же не поставили. Трудности постановки нелегального издания лишний раз заставляли нас стремиться к легальной газете, возмещая остальное листовками.

ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Общие условия работы в полицейском отношении были довольно сносные. Мы свободно могли разгуливать по промыслам и вступать в пререкания с хозяевами. На Биби-Эйбате наши районные собрания обычно происходили на электростанции. Из других излюбленных мест была столовая на промыслах «Биби-Эйбатского Т-ва», где у нас была довольно хорошая и значительная ячейка. На самом т-ве часто устраивались собрания в обеденный перерыв, причем ни в каких особых мерах предосторожности для охраны не было нужды. Во время забастовок на одном из промыслов мне пришлось с делегацией от рабочих вести переговоры с управляющим промыслом и, как раз, довольно крупно поговорить с ним; вся беседа происходила в присутствии толпы рабочих, так что агитационное использование беседы особенно занимало.

Разгон Думы усилил надзор; были введены патрули и постоянные посты по городу; казаки (кубанцы) были размещены на промыслах. Их-то мы и облюбовали и очень легко встретили отклик. Странное чувство испытывал я, когда впервые появились у нас на лужку эти бородачи, уйдя из казарменного помещения через окно, надув свое начальство. Помню задушевный тон наших бесед, как-то легко и сразу установившихся. После первого собрания они часто и регулярно ходили к нам на тот же лужок, приводя с собою приятелей.

Из работников-профессионалов в Бакинском районе выделялся тов. Апостол (грузин), прекрасный агитатор. Значительную помощь в работе организационной и как пропагандистка оказывала жена врача Балаханской больницы, Окиншевич.

Летние забастовки были использованы в отношении развертывания агитационной работы великолепно. Одно время, в наиболее дружный период забастовки, ежедневно, в определенные часы, устраивались на окраине промыслов открытые собрания, на которые стекались тысячи. На первых собраниях не удалось задевать политические темы; кончали же их откровенными политическими речами и призывами.

Воспитательное значение забастовки для массы рабочих было определенно большое. Полиция, в конце концов, озлилась, и позже пристав, например, в Балаханах не раз облавами разгонял собрания рабочих и мешал своей слежкой регулярной работе.

Хотелось бы остановиться еще на Алеше. Секретарь и действительная душа организации, Алеша вспоминается мне не только как революционер с ясным умом и крепким револю-

ционным сознанием, но и как прекрасный товарищ. В деле установления общей линии работы и урегулирования отношений с другими партгруппировками, особенно с «Дашнакцутюн», мы путешествовали на такие собрания обычно совместно с ним. При этом я, со своей несдержанностью, мог научиться у него уменью владеть собой и холодно и твердо вести к намеченному результату.

Азиз, Алеша и группка рабочих, лучшие из которых погибли вместе с ними, всплывают сейчас в воспоминаниях, как милые, близкие образы не только прошлого.

Азиз вырос на волнах движения мусульманского пролетариата, вместе с последним. В наше время он только начинал свой рост, весь же он был еще впереди. Но Азиз сросся с революционным ростом мусульманского рабочего движения и от него неотделим. Много потом появилось и выдвинулось из массы рабочих-мусульман отважных борцов, Азиз же был основоположником движения, сразу рвавшим со старым и утверждавшим новое.

Алеша связал с Баку основную свою революционную работу и вырос в обстановке борьбы бакинских рабочих, питая свое революционное чувство и сознание фактами из жизни и борьбы бакинского пролетариата. Все борцы той поры были революционными семенами, которые дали на бакинской почве богатейший плод современного нам состояния Бакинской организации.

Мне лично период бакинской работы в ряду других моих работ всегда вспоминается с особенной теплотой. Ведь, каждый из нас рос одновременно с ростом всей рабочей борьбы. Период 1905-6 г.г., когда мы впервые соприкоснулись с возможностями того победоносного рабочего восстания, которое привело нас к победам Октября и к власти, у каждого из старых борцов особенно богат переживаниями и дорог, как революционный опыт. Пусть об'ективно мы переживали к концу 1906 г. уже ощутительно когти злейшей реакции, которая должна была снова толкнуть в подполье наши организации и до крайности с'узить возможности соприкосновения с широкой массой и воспитательно-политического воздействия на нее, но тогда еще по всей России и, особенно, в нефтяном бакинском уголке мы жили во всем обаянии широкой массовой работы, питая и выковывая в массах бакинских рабочих силами нашей маленькой, но крепкой организации, революционеров-большевиков, классовое пролетар-

ское сознание и на деле осуществляя наш великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ко дню двадцатипятилетия Бакинской организации нашей коммунистической партии шлю горячий сердечный привет движению, выросшему из семян, которые мы забрасывали в условиях, порою весьма суровых. Вместе с товарищами скорблю о дорогих наших братьях, погибших в борьбе.

Егор (В. А. Радус-Зенкович).

С 1901 по 1907 год в Баку.

В мае 1901 г. я приехал из Тифлиса после освобождения из Метехской тюрьмы и увольнения из Тифлисских ж. д. мастерских за участие в организации в них августовской забастовки 1900 г.

Я постараюсь, насколько мне позволит память, восстановить и осветить некоторые эпизоды моего кратковременного и периодического пребывания в Баку. По прибытии в Баку, я поступил на новостроющуюся Баиловскую электростанцию «Электросила», где работал в качестве слесаря по установке паровых котлов, а впоследствии старшим кочегаром котельного отделения; в это время я познакомился со следующими т. т.: Л. Б. Красиным, который заведывал работами электростанции, А. С. Енукидзе, работавшим чертежником; Н. П. Кизеренко, бухгалтером станции; Корыстолевым, кладовщиком; Гальпериным, конторщиком (все интеллигенты), Н. Кирилловым и А. Савищевым (рабочие). Здесь же я познакомился с тов. Ладо Кецховели (он же Давид) и Трифоном Енукидзе (он же Семен); все вышеупомянутые т. т. принимали активное участие в нашей в то время молодой Бакинской партийной организации, подготовляя и воспитывая разрозненные, еще совершенно сырые и неоформленные в то время массы для упорной и длительной борьбы с сильнейшим врагом—бакинским промышленным капиталом и царской опричниной.

Самое близкое и активное участие в этой подготовительной организационной работе принимали Авель Сафронович Енукидзе, Кецховели, Дедушка и Н. П. Кизеренко.

Ладо и Авель и Трифон Енукидзе принимали самое активное участие в организации первой нашей Бакинской типографии, которая впоследствии печатала «Искру» и др. брошюры и листовки и обслуживала, кроме Закавказья, всю Центральную Россию и окраины. В этой организации не мало поработали Л. Б. Красин и Н. П. Кизеренко; начиная с 1900 г., эти два товарища играли в нашей Бакинской организации центральную роль, а около т. Красина все время группировались крупные большевистские силы

по 1904 г., до его отъезда в Москву, после снятия с него пятилетнего запрета жительства в столичных городах. Вскоре по приезде в Баку я познакомился с небезызвестным в Баку зубатовцем Матюшинским. Матюшинский очень мною интересовался, старался как можно ближе познакомиться и, повидимому, возлагая на меня какие-то надежды, рисовал передо мною большие и заманчивые перспективы. Я в то время был еще новичек, мало разбирался в тактических и организационных вопросах, а, тем более, в политических, но, будучи по природе бунтарем, с остро развитым классовым чутьем, я поражался, что мною, заурядным рядовым рабочим, так интересуются. Я сообщил об этом знакомстве и о заигрывании со мной Матюшинского Енукидзе и Кизеренко, которые предупредили меня быть с этим волком в овечьей шкуре осторожным.

В ноябре этого же года, за столкновение с техническим директором станции «Электросила» Классоном во время служебных обязанностей, мне пришлось уйти с электростанции. После этого я работал на Биби-Эйбатских промыслах Ротшильда и хлопотал о разрешении на выезд в Харьков, но 8 февраля 1902 г. был арестован по тифлисскому делу и снова отправлен в Метехскую тюрьму.

Вторично я вернулся в Баку в 1903 г., в октябре или ноябре, точно не помню, работал на Балаханских нефтяных промыслах помощником электромонтера в «Электросиле», где встретился с Алешей Джапаридзе. В это время работа по организации масс на промыслах расширялась. В начале 1904 г. я перебрался в Черный город, где работал на керосиновом заводе Манташева слесарем, а затем нам городском водопроводе.

Работа нашей Бакинской организации крепла и росла количественно и качественно; в ней принимали активное участие многие видные опытные работники, приехавшие из Центральной России и Тифлиса, как-то: В. А. Шелгунов[1]), Стопани, Н. И. Соловьев, Н. М. Флеров, К. Норинский, Морозов-Якутянин и много других. В особенности плодотворно работал покойник Джапаридзе. К этому времени его кипучая натура, недюжинные организационные способности, а также неутомимая, могучая энергия развернулись во-всю, и он был любимцем низовых пролетарских масс всех национальностей. Из тифлисских т. т. ак-

[1]) Василий Андреевич Шелгунов, впоследствии ослепший, здравствующий и поныне в Москве, работал в Баку на «Электрической Силе» (на Баилове) не позже 1901 г. (Прим. ред.).

тивно работали Соколовский (землемер), Георгий Ртвеладзе, Миша Кучуев, Захарий Чодрошвили, Вано Стуруа, Яков Кочетков и многие рабочие, уволенные из тифлиских ж. д. мастерских после ряда забастовок.

Правительство своими репрессивными мерами к передовым рабочим и передовой интеллигенции промышленных городов Центральной России и Тифлиса способствовало накоплению передовых революционных сил в Баку. Благодаря этому, наша Бакинская организация, как я уже говорил, крепла во всех отношениях. Поэтому правительство обратило на Баку сугубое внимание и нагнало туда целую свору жандармов «высшей марки», как-то: Лаврова, Рунича, Цисса и много другой нечисти, с зубатовскими приемами и черносотенной окраской, рассчитывая посеять национальную рознь и разжечь религиозный фанатизм, чтобы помещать росту рабочего движения.

В июне 1904 г., по распоряжению наместника Кавказа князя Голицына, я был выслан из пределов Кавказа в Центральную Россию[1]).

В мае 1905 г., после освобождения из Московской тюрьмы, я был выслан из Москвы, снова вернулся в Баку и работал на Биби-Эйбатских промыслах в „Электросиле". К этому времени и репрессии и провокационные методы, посредством которых присяжные охранники, а, вместе с ними, услужливые добровольные радетели всех толков обрабатывали рабочих, потерпели полное поражение. Правительство после этой неудачи пошло на открытую гнусную провокацию, чтобы помешать росту стачечного революционного движения; оно воспользовалось религиозно-национальным фанатизмом и организовало два армяно-татарских погрома. На подготовку ко второй, августовской, армяно-татарской резне бакинский пролетариат ответил всеобщей забастовкой.

На всех промыслах запылали вышки, поджигавшиеся головорезами. Пожары угрожали поглотить все горючее и живое, что попадалось на пути. Промысловый район превратился буквально в настоящий ад, город же в это время представлял пустынное кладбище.

В средних числах августа в Баку приехал Мартын Лядов, агент Ц. К., чтобы ознакомиться с местными условиями, а также познакомить бакинский пролетариат с событиями, проис-

[1]) См. «Мои воспоминания 1905-1908 г.» в «Красной Летописи» за 1923 г.

ходившими в это время в промышленных районах Центральной России (волна стачек). На 29-ое августа, по инициативе местных властей, предполагалось устройство собрания известным бакинским черносотенцем Петровым. Собрание должно было состояться на Биби-Эйбате для обсуждения вопроса о ликвидации забастовки. Наша организация собрала для этой цели все лучшие боевые силы, наши представители от всех районов явились своевременно на указанное место, но инициатора собрания и его сторонников не оказалось. Заподозрив его в провокации и опасаясь, чтобы он нам не устроил ловушки, а полиция и войска не задали нам горячей бани на вольном воздухе, решено было распустить собрание.

Тов. Лядов предложил тогда воспользоваться случаем и устроить закрытое собрание с представителями наших районных организаций[1]), на котором он сделает доклад о событиях в Центральной России и ознакомится с положением дел на месте, в районах Баку; тогда можно будет обсудить совместно вопрос о дальнейших действиях по отношению к забастовке. Это было принято, и мною было предложено собраться на территории станции „Электросила", в одной свободной квартире жилого здания станции, где мы и собрались в количестве около 70 чел. Предварительно, на всякий случай, были расставлены патрули. Приблизительно, часа через полтора, если мне только не изменяет память, во время доклада т. Лядова, патруль сообщил, что по Баилову по направлению к станции идет отряд войск. Обсудив бегло положение, собрание решило не расходиться, если даже отряд направлен „по наши души" и войдет во двор станции. Через полчаса отряд вошел во двор станции и окружил здание, где происходило собрание. Тов. Лядов призвал всех к спокойствию и выдержке и продолжал доклад. Минут через десять явились жандармы и полиция и предложили немедленно прекратить собрание и разойтись. Мы ответили отказом и продолжали обсуждать намеченные вопросы о дальнейших действиях наших организаций, в связи с ликвидацией забастовки, и о последствиях нашего ареста (в чем мы не сомневались, так как заключительная часть нашего собрания происходила в присутствии жандармов). Обсудив детально и всесторонне в небольшой группе вопрос, как вести себя

[1]) На самом деле, на „Электрической силе" состоялась междурайонная партийная конференция большевиков. (См. ниже „Материалы"). (Прим. ред.).

в дальнейшем тем, которые останутся на воле, мы заявили жандармам, что готовы к их услугам. Мы все были переписаны (многие товарищи успели тут же уничтожить компрометирующие документы).

После продолжительной процедуры беглого обыска, всех нас, в количестве 60 чел., отправили под усиленным конвоем только что прибывших из Киева войск в Баиловскую тюрьму. Солдаты окружили нас тесным кольцом, ощетинив штыки, направили винтовки на нас и, изредка свирепо покрикивая, повели. Но нам не повезло: ни в одну из бакинских тюрем нас не приняли, вследствие переполнения, и, проплутав всю ночь по городу, утомившись до изнеможения, мы под утро сделали привал около военного собора, в центре города. Здесь мы уже дружелюбно обменивались репликами с нашими свирепыми ночными конвоирами, которые наивно смеялись и признавались, что они нас очень боялись, принимая за опасных бандитов и поджигателей, и поэтому держали ружья наперевес, опасаясь, как бы кто из нас не пырнул в бок кинжалом. Часов около 10 утра, наконец, мы были у желанной „пристани", жаждая отдыха и покоя после бессонной ночи. Нас водворили в каком-то частном доме, где-то на Шемахинке (точно места не помню), и в сентябре отправили в Карсскую тюрьму (33 чел.)

В четвертый раз я вернулся в Баку в ноябре того же года, после освобождения из Карсской тюрьмы. Последний же раз я приехал после побега из архангельской ссылки, в апреле 1907 г., и на третий же день был арестован, случайно, вместе со всем составом Бакинского Комитета: т.т. Енукидзе, Степаном (Спандарян), Каспаровым (покойником), Н. Н. Карташевым (покойным), Н. И. Соловьевым, Тер-Габриэляном, М. Б. Касумовым, О. С. Енчмен, Борисом Легран и др.[1]).

В июле того же года я был освобожден на поруки под поручительство нашего товарища, инж. А. В. Винтера, заведывавшего Белогородской станцией «Электросила», что допускалось властями, ввиду «особенностей» бакинской администрации).

В августе того же года, с благосклонного разрешения своего поручителя и с паспортом Евстафия Руденко, согласно письма и телеграммы Л. Б. Красина, я надолго покинул «гостеприимный» Баку и выехал в Питер.

С. Аллилуев.

[1]) См. ниже «Материалы». (Прим. ред.).

Борьба с меньшевиками.

(1907 г.)

Это был период бури и натиска большевиков на Баку. Разгромленная меньшевиками в Грузии, наша фракция решила перебросить все силы в Баку, дабы выбить меньшевиков из пролетарского центра Закавказья.

Если в это время в Тифлисе и во всей Грузии было беспредельное господство меньшевиков и нас можно было перечесть по пальцам, то в Баку мы имели солидное меньшинство. Если в крестьянской Грузии трудно было растолковать массам большевизм, то в пролетарском Баку мы были уверены в своей победе. В Грузии в то время спор между большевиками и меньшевиками решался не только на партийных собраниях, но и на тысячных митингах грузинских крестьян. Это делалось так: на зов церковного колокола собиралось почти все село, а иногда устраивалось собрание нескольких сел, и на этих собраниях открывалась дискуссия между большевиками и меньшевиками.

Голосованием присутствовавших крестьян, никогда в партии не бывших, решался вопрос о большевизме и меньшевизме.

Так было во всей Грузии, кроме Тифлиса, где, все-таки, борьба носила характер борьбы внутри партии. Как я уже сказал, наша фракция решила перебраться в Баку. Лично я, по приезде в Баку, поступил фельдшером на промысел Ш. Асадуллаева, 1 мая был арестован на горе «Стенька Разин» во время первомайской демонстрации и просидел под чужой фамилией (Кучхишвили) в Баиловской тюрьме 26 дней, после чего большинство арестованных, в том числе и я, были освобождены. В мае наша публика только подбиралась, но тут случился провал нашего первого фракционного собрания, и всю головку нашей фракции арестовали (Леграна, Сакварелидзе Нико, отошедшего впоследствии от нас, Тимофея (Спандаряна), Авеля Енукидзе, Саака Тер-Габриэляна, Алешу Джапаридзе, В. Фиолетова, Петербуржца, С. Жгенти и др.). С приходом этих товарищей в тюрьму, у нас начались генеральные бои с меньшевиками. Обычно, доклад-

чиками с нашей стороны выступали Легран, Нико (Сакварелидзе), а со стороны меньшевиков Сейд Девдариани. Вскоре все наши товарищи были освобождены, кажется, за небольшую сумму, заплаченную нами жандармскому ротмистру Зайцеву, который весьма охотно брал взятки. К этому времени вернулись с Лондонского с'езда т.т. Шаумян, Коба Сталин, Саратовец, приехали из Тифлиса Буду Мдивани, Ф. Каландадзе, Елисабедашвили, Аршак (покойный), Якубов; кроме приезжих, в Баку у нас была очень сильная группа товарищей, во главе с Алешей Джапаридзе, Апостолом Гванцаладзе, В. Фиолетовым, Вацеком, Боковым, Князевым, Якубовым, Плешаковым, Фаро и др.

Кроме этих, из тюрок у нас были: Качал Мамед Мамед'яров (нынешний наркомсобез, тогда буровой мастер), Турецкий, Гамид, с промысла Асадуллаева, и Расул Заде (оба брата ныне мусаватисты), Асадулла Ахундов, Кази Мамед, Ханлар, Маленький Мамед и другие. Это с нашей стороны.

Меньшевики тоже не дремали и также потянули свои резервы — Исидора Рамишвили, Зурабова и еще несколько бывших депутатов, а также Лордкипанидзе, Петрова, Вольского, Ларина. В самом Баку у них был ряд великолепных рабочих: Перов (рабочий с Биби-Эйбата, блестящий оратор), Китаев (солидно подготовленный рабочий, положивший голову за Советвласть в начале 1919 года на северном Кавказе), Калинин, Емельянов (из Балаханов) и др. Генеральные бои открылись с докладов о Лондонском с'езде, которые делались на районных партийных собраниях. Сразу стало ясно, что меньшевики не выдержат боя; мы их стали вытеснять из всех районов; крепко держались они только в городском районе. Но беда была в том, что партаппарат—Бакинский Комитет и большинство районных комитетов—был в руках меньшевиков. Надо было отвоевать его у них. Имея большинство в организации, мы потребовали созыва конференции. Меньшевики отказались. Тогда мы, переизбрав районные комитеты, выступили от имени четырех пролетарских районов (Балаханов, Сабунчей, морского и Биби-Эйбата) и попробовали взять на себя инициативу созыва конференции. Нашим четырем районам они противопоставили законный комитет и об'явили нас раскольниками. (Это на второй день после Лондонского с'езда). ЦЕКА прислал комиссию в лице Кострова (Жордания), Германа (Данишевского). Они нас обвинили во всех смертных грехах, но, конечно, никакого впечатления на нас комиссия не произвела.

Жордания для нас был фракционный противник-меньшевик, и больше ничего. Этот формальный организационный раскол сохранился в Баку, если я не ошибаюсь, до 17 года, когда короткое время существовала об'единенная организация.

Это было летом 1907 года. В это время был поднят вопрос о заключении коллективного договора между нефтепромышленниками и рабочими и устройства с этой целью совещания последними и нефтепромышленниками. Мы отнеслись к этому в первое время резко отрицательно, считали, что разговаривать с капиталистами нам неприлично, и стали готовиться к забастовке нефтепромышленных рабочих. Мы выработали требования, при участии наших товарищей, работавших в совете с'ездов нефтепромышленников, и стали подготавливать открыто забастовку. Меньшевики выступили против забастовки, противопоставив ей совещание с нефтепромышленниками по заключению коллективного договора.

Через несколько времени для решения вопроса нами было созвано собрание уполномоченных заводов и промыслов. Свыше двухсот рабочих собрались в Балаханах ночью на каком-то заброшенном промысле. После опроса каждого представителя в отдельности выяснилось, что солидное меньшинство против забастовки. Также было выяснено, что, благодаря меньшевикам, среди рабочих замечается колебание, и что, при таких условиях, всеобщая забастовка не удастся. После этого перед нами опять стал вопрос о совещании с нефтепромышленниками. Ясно было, что после провала забастовки рабочая масса пойдет на совещание и что, если мы не примем участия, руководство полностью окажется в руках меньшевиков. Внутри большевистской фракции обнаружилось разногласие по этому вопросу. Часть товарищей, во главе с Алешей Джапаридзе и Степаном Шаумяном, и раньше колебалась, а после неудачи забастовки окончательно стала за участие в совещании. Другая часть, во главе с Кобой Сталиным и Нико, стояла резко против совещания, но после неудачи забастовки тоже поставила вопрос о пересмотре старой позиции. На собрании нашей фракции в одном из помещений Сабунчинской больницы (кажется, в прачешной), после довольно жарких дебатов, нами было принято решение участвовать в совещании, при условии предоставления нам полной свободы печати, собраний, неприкосновенности личности, юридического признания профсоюзов, представительства рабочих и т. п.

Это называлось совещание с гарантиями[1]). С этим решением мы пустились в рабочие массы. Меньшевики оказались одураченными. Выступать за гарантии они не решались, выступать против—это значило без боя сдаться нефтепромышленникам. Так и не оказалось у них ясной и определенной платформы, и вся кампания прошла под нашим руководством. Не помню, как власть ответила официально на наши требования о гарантиях, но фактически, явочным порядком, нами была завоевана почти полная свобода. Наша газета, орган союза нефтепромышленных рабочих, «Гудок» Саши Самарцева (он был официальным редатором)—фактический орган нашей фракции—гремела в то время на всю Россию.

На собраниях совершенно открыто выступали наши ораторы, и их не смели арестовывать. Как-то в то время был арестован Алеша Джапаридзе. На второй день в меньшевистской печати появилось сообщение об аресте нескольких товарищей, в том числе и Алеши; так и было написано: «Арестован Алеша Джапаридзе». Власть знала, что знаменитый бакинский Алеша в ее руках, и, несмотря на это, вынуждена была через 2-3 дня освободить его.

В конце 1907 года начались собрания уполномоченных промыслов и заводов для выработки требований к нефтепромышленникам. Громадное большинство выборных оказалось на нашей стороне. Председателем был выбран рабочий-большевик Тронов, и около двух недель, в то время как по всей России господствовала черная реакция, в Баку заседал настоящий рабочий парламент. В этом парламенте открыто разрабатывались все требования бакинских рабочих, развертывалась нашими ораторами вся наша программа-минимум. Но, конечно, долго продолжаться так не могло. Реакция докатилась и до Баку и беспощадно взялась за разгром бакинского пролета-

[1]) В этой совещательной кампании выступали три основных силы со своими платформами: большевики (легально—союз нефтепромышленных рабочих), как правильно указывает тов. Орджоникидзе,—за участие, при указанных выше гарантиях, меньшевики (легально—союз рабочих механического производства)—за безусловное участие, и блок с.-р. с дашнаками—за безусловный бойкот. Об этой блестяще проведенной кампании имеется богатейший архивный материал, часть которого использована Ю. Лариным (в его книге „Рабочие нефтяного дела“) и в 1 сборнике „Из прошлого“ Истпарта при БК АКП („Празднование 1 мая в Баку“). Кампания эта была „неожиданно“ прервана в середине мая 1908 г., когда выяснившаяся „ситуация“ позволила администрации и нефтепромышленникам резко изменить фронт. (Прим. ред.).

риата. Бакинской вольнице был положен конец. Я в то время уже вторично сидел в тюрьме. Вскоре туда же привели других наших товарищей. Реакция принесла с собой склоку, дрязги, провокацию. Ряды организации стали расстраиваться. Но, все-таки, бакинский пролетариат в самые черные дни торжества реакции находил в своей среде хотя бы небольшие группки передовых пролетариев, беззаветно и бесстрашно отдававших свою силу, энергию и жизнь за интересы своего класса. Эти маленькие группки с началом под'ема рабочего движения превращались в мощные организации нашей партии, а в дни торжества рабочего класса они становились во главе пролетарской революции и шли бесстрашно на фронты в дни гражданской войны, а в дни мира выдвигали лучших бойцов на хозяйственный фронт.

С. Орджоникидзе.

Воспоминания старого подпольника.

Будучи еще железнодорожным рабочим Тифлисских главных мастерских, я, по поручению Тифлисского Комитета, в первый раз приехал в Баку в 1898 году с нелегальной литературой.

Тогда оформленной организации в Баку еще не было. Была только партийная верхушка, состоявшая из интеллигентов. Я имел явку к товарищу Кизеренко, который тогда сотрудничал в газете «Каспий» и вел в ней нефтяной отдел.

Вторично, с такими же поручениями от Тифлисской организации, я побывал в Баку в 1899 году. Этот раз я повидался с некоторыми товарищами в Балаханах, со слесарем-механиком завода Бенкендорфа тов. Гаглоевым, а в Черном городе, на керосиновом заводе Манташева,—с тов. Илико Унапкашвили (Унапковым), заведывавшим электрической станцией. Кроме того, я навестил своих двух товарищей, служивших на табачной фабрике Мирзабекянца, а именно, Алексея Хатуташвили и Хечо.

Все эти товарищи были тифлисские. Они были уволены с места службы за участие в забастовке и выехали в Баку, где и устроились.

В это время, т. е., в 1899 году, Бакинская рабочая организация только что начала оформляться.

В конце 1900 года я вынужден был бежать из Тифлиса в Баку, дабы избегнуть ареста за участие в августовской железнодорожной забастовке.

Нас, тифлисцев (членов Тифлисской организации), собралось в Баку до 70 человек.

Я устроился на службу на заводе «Вишава» в Раманах.

Первые кружки (ячейки) составились из рабочих заводов Нобеля, Бенкендорфа, «Вотана», Тер-Акопова и «Вишава». Организаторами этих кружков были товарищи: С. Енукидзе, Титман, Брага, Будников и Газаров. Занятия в кружках вел тов. Авель Енукидзе, приезжавший с этой целью с Биби-Эйбата,

где он служил на электрической станции, которой заведывал тов. Л. Б. Красин.

14 февраля 1901 года я был арестован по тифлисскому делу; в момент ареста я находился в квартире Семена Енукидзе, в дома Киаса, в Сабунчах. До ноября того же года я просидел в Метехском замке, в Тифлисе, а в конце 1901 года вновь, через посредство тов. Унапкашвили, поступил на завод Манташева, в Черном городе.

В этот период наша организация уже вполне окрепла. В ней тогда насчитывалось до 150 стойких и выдержанных товарищей, кружков же (ячеек) было около пятнадцати. Они находились как в центре города, так и на окраинах, а также и за городом, в Балаханах и Сураханах. Потребность в нелегальной литературе была столь велика, что мы с товарищем Ст. Горобченко сами изготовили массу для гектографа и стали печатать на нем листовки, прокламации, отчеты и прочее. Гектограф наш находился в квартире тов. Дмитрия Варсемашвили, в Белом городе.

В 1902 году Бакинский комитет постановил открыто праздновать первое мая.

Вопрос об открытом праздновании 1 мая обсуждался долго. Последнее собрание для решения этого вопроса было устроено в поле, в Кишлах. На этом собрании в числе других присутствовали: Богдан Кнунянц (Радин, в старой «Искре» печатался под псевдонимом «Кавказец»), Николай Вишневский, петроградский рабочий; Иустин Гогодзе, литейщик Левенсоновского завода; Янушевская, акушерка; тов. Дмитрий Варсемашвили; Степан и Николай Горишвили; Соломон Долидзе, слесарь «Биби-Эйбатского Товарищества»; Ст. Горобченко, токарь Мальниковского завода; Куликовский и Кузнецов—из депо Баку, Аршак Хачиев, рабочий завода Хатисова, и другие.

По новому стилю, 1 мая (18 апреля) приходилось на четверг. В силу различных соображений (во-первых, полиция и жандармерия готовились именно к 18-му апреля, во-вторых, в праздничный день легче было собрать большее количество рабочих), празднование решено было перенести на воскресенье, 21 апреля.

Решено и сделано.

21 апреля, в 12 часов дня, на Парапет, около армянской церкви, со всех районов начали стекаться рабочие. Ожидали сигнала—воздушных шаров. Знаменосцем был назначен я. Со

знаменем и с палочкой в три складки (на шарнирах) в руках, я ожидал начала торжества в лавочке Раждена Рухадзе, на Татарской улице. Ко мне подходили и уходили товарищи сигнальщики. Я отдал распоряжение начать торжество за четверть часа ранее назначенного времени, т. е. в 11 с половиной час., так как к этому времени армянский священник кончал обедню, и мне хотелось захватить в круговорот нашей маевки и публику, выходящую из церкви, в ограде которой стояли толпы рабочих.

Развернув знамя, я произнес краткое слово по поводу значения дня 1 мая. Рабочие тесно сомкнулись вокруг своего знамени, двинулись медленно вперед и запели «Варшавянку». Картина была величественная! Демонстрация длилась около 20 минут, в течение которых процессия достигла гост. «Метрополь», а оттуда повернула обратно на Колюбакинскую улицу. Здесь участники демонстрации стали расходиться, а я, моментально свернув знамя, успел переменить пальто и шапку и медленно пошел по улице, спокойно щелкая заранее приготовленные для этого мелкие орехи. Раз'езжавшие по улицам казаки не раз угрожали мне нагайками, но, тем не менее, я благополучно добрался до Шемахинки и зашел к своей знакомой Като Мукашариан-Итриашвили. Оставив у Итриашвили знамя, я отправился на квартиру Авеля Енукидзе в Завокзальном районе и вкратце рассказал товарищам о событиях дня. О всех подробностях этого знаменательного дня я не буду здесь упоминать, так как о нем писалось в № 22 «Искры».

В 1903 году я перешел на нелегальное положение и стал работать в типографии, оборудованной тов. Ладо Кецховели и находившейся на Тазапирской улице. Впоследствии типография была расширена и переведена на 1-ую Параллельную улицу. Типография эта обслуживала всю Россию и выполняла все задания ЦК РСДРП (большевиков).

В 1908 году я снова вернулся из ссылки в Баку, застав там товарищей Спандаряна (Тимофея), Кобу (Сталина), Степана Шаумяна, Алешу Джапаридзе и других.

Мне было поручено оборудовать типографию для Бакинского Комитета, что и было мною выполнено. Типография эта находилась на Бондарной улице, в доме № 112.

Бакинский пролетариат занимает одно из первых мест в революционном движении. Недаром еще в 1904 году тов. Ленин прислал нам, работникам нелегальной типографии ЦК больше-

виков, письмецо, в котором он, называя нас «кротами революции», указывал на важное значение Баку для дела революции. И бакинский пролетариат вполне оправдал ожидания тов. Ленина! Он первый после Октябрьского переворота об'явил Советскую власть в Закавказье.

Потерпев, вследствие происков меньшевиков, дашнаков, мусаватистов и эс-эров, поражение в 1918 году и потеряв 26 лучших своих товарищей и бойцов, в лице Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Фиолетова и других, бакинский пролетариат, вкупе с трудовым крестьянством, 28 апреля 1920 года водрузил красное знамя на могиле погибших бойцов и провозгласил твердо и навсегда Советскую власть в Закавказье.

Впервые бакинский пролетариат и азербайджанское крестьянство устами тов. Наримана Нариманова заявили: «Отныне бакинская нефть является достоянием всего Союза Советских Социалистических Республик». Я не владею хорошо пером, но товарищи поймут и без того мою глубокую душевную радость, когда я пишу о бакинских рабочих, ибо свое революционное детство я начал в Тифлисе, а революцинную юность провел в Баку.

Я хотел бы отметить здесь, в заключение, что, когда мы, по выражению тов. Ленина, «кроты революции», вели в Баку подпольную работу, нам оказывали величайшие услуги и помощь следующие лица: Клара Петровна Коган, владелец частной типографии Арон Гюльзадян, семья Берцинских, бр. Агаевы: Асан-Ага, Али-Ага и Гусейн-Ага, по профессии кучер.

Вано Стуруа.

Первый большевистский комитет в Баку.

(Июнь—декабрь 1904 г.). [1])

Появляюсь в Баку первый раз почти непосредственно после возвращения со II с'езда РСДРП, впервые резко выявившего два течения в нашей партии: левое—революционное и правое—оппортунистически-соглашательское. Появляюсь в Баку, получив первое крещение по проведению в жизнь нового устава партии в нашем центрально-промышленном районе (именно, в Ярославле, где в согласии с новым уставом партии реорганизовываю остатки прежнего Сев. Рабочего Союза, от которого я был на II с'езде, в Северный Комитет и где, в результате, через 8 месяцев проваливаюсь).

В Баку летом 1904 г. застаю большевистский «генеральский» центр, получающий директивы от ЦК партии и, в то же время, далеко стоящий от низовой работы (Гуковский, Кизеренко, Флеров, Фролов, Старков, кажется, Красин) [2]) и, вместе с этим центром, Бакинский Комитет, почему-то еще не сорганизовавшийся на большевистских началах и по большевистской платформе; возглавлялся этот комитет Митровым, определенным меньшевиком (впоследствии член II Государственной Думы). Получив директивы и полномочия от Бакинского цекистского агенства (Гуковского и др.) принять дела и связи Бакинского Комитета, сверх ожидания, у головки последнего (кстати, весьма слабой и, видимо, растерявшейся), я не встретил прямого сопротивления и «ввелся во владение» довольно безболезненно. Не совсем так обстояло дело в районах. Например, балаханские

[1]) См. статьи А. Стопани в газете «Бак. Рабочий» за 1923 г. и сборник «Из прошлого», издание БК АКП. (Прим. ред.).

[2]) Первые три умерли, четвертый—Фролов—давно от нас ушел и далеко. Этот «Цекистский центр», главным образом, видимо, имел целью поддержку подпольной типографии Ц.К. (о ней см. ниже у А. Енукидзе и др.). (Прим. ред.).

связи, находившиеся у Левы Шендрикова, пришлось брать с боем: прямого отказа хотя и не было, но саботаж—определенный[1]).

Подбираю с помощью «Цекистского центра» ядро активных работников, среди них в самом же начале, помнится, были т. т. Бекзадян Ал. Арт. («Юрий»), Саша Рыжий [2]) (давно исчез с горизонта—умер где-то, хороший товарищ!) Аветис, Николай Бекзадян (отошел), Ваня Фиолетов, Георгий (Черногород.) и др.; последние трое работали на промыслах и имели там связи Налаживаем районные комитеты, пропагандистскую группу, с помощью «Цекистского центра» ставим типографию (в числе первых ее работников был Георгий Стуруа—еще совсем юнец); сочувствующую публику об'единяем в финансово-техническую группу; [3]); создаем свое паспортное и шифровальное бюро (Яким и отчасти Саул Ландсберги). Мне, в качестве секретаря к-та пришлось проделать всю организационную работу. Кажется, осенью появляются новые силы—Р. М. Окиншевич (организатор городского района и член комитета), А. И. Окиншевич (пропагандистская группа), Парижер (Кир—тоже пропагандистская группа), Е. А. Кучковская, О. А. Готфрид (тоже); пропагандистская организация получилась превосходная; настолько, что мы позволили себе роскошь создания кружков даже «высшего типа».

Еще позднее (видимо, уже в начале зимы) появляются Бобровские: Ц. С., она же Ольга Петровна—организатор какого-то [4]) района и член комитета, а впоследствии, кажется, и секретарь, В. С.—Ефрем (пропагандист) и, наконец, Алеша Джапаридзе, которого я принимал и который сразу же стал душой комитета и главным организатором всей работы непосредственно в рабочих массах. Вскоре же получаем от «Цекистской группы»

---

[1]) Тут несомненная ошибка. Покойный Лев Шендриков рассказал в «Правом Деле», что большевистский комитет не хотел пускать его, как меньшевика, в Балаханы. В конце концов, он туда попал, но отсюда ясно, что большевистский комитет существовал до начала работы Льва Шендрикова. (Прим. ред.)

[2]) Саша Рыжий или Саша Биби-Эйбатский (Патушанский) жив и поныне, отошел от движения. Слухи о его смерти, действительно, были. Мало того, после октябрьских погромов, в Баку было получено известие, что он убит черносотенцами, кажется, в Нижнем. По сему поводу был выпущен листок, в котором «покойнику» воздавалось должное. Но не успели распространить этот листок, как «покойник» приехал жив-живехонек. Шутили в свое время над этим не мало. (Прим. ред.).

[3]) В этой группе активное участие принимали Ольга Семеновна, М. А. Васильева-Южина (у нее же конспиративные собрания), Муссури и друг. (Прим. ред.).

[4]) Завокзального. (Прим. ред.).

организатора техники (т. Ашот), с помощью которого ставим и 2-ю типографию, великолепно оборудованную. И тогда меня удивляла та легкость, с какой нам удалось это дело. Только недавно, после воспоминаний т. А. С. Енукидзе о Бакинской цекистской типографии, мне стало ясно, почему нам так везло по части «техники»... А тогда мы и не подозревали; настолько хорошо конспирировалась цекистская типография, печатавшая вторым изданием «Искру» и проч. для всей нашей партии [1]).

Большинство листков того времени приходилось писать мне. Само собой, располагая двумя «техниками», мы имели возможность прямо-таки засыпать нелегальной литературой свои районы; мало того, вскоре же мы стали печатать ее и на тюркском и армянском языках.

Мы работали, действительно, по-большевистски. Создав сильный аппарат—центр, не боявшийся провалов, имея твердокаменные базы, в то же время, в районах (районные комитеты), мы ставим серьезно и пропагандистскую работу, подготовляя кадры вполне сознательных и надежных большевиков-рабочих. Вместе с тем, мы систематически воздействовали на массы широко поставленной через печатный станок агитацией, что, по условиям того времени, только и было возможно. В то же время, мы ставим себе целью подготовить события, а, вместе с тем, и рабочую массу к выступлению против нефтяного капитала, а также и царского самодержавия; мы прекрасно понимали, что поднять рабочую массу на чисто экономическую забастовку ничего не стоит, настолько вопияла к небу вся наглость эксплоатации рабочих нефтяными королями. Но мы, будучи революционными марксистами и, вместе с тем, учитывая назревающую остроту политического момента в России, ставили себе целью подготовить всеобщую забастовку не только экономическую, но, одновременно, и политическую, согласуя этот момент с нашим партийным центром. Мы рассчитывали начать военные действия в январе-феврале (мы были по существу правы: наше выступление совпало бы с январьскими днями 1905 г.—9 января).

Однако, мы не учли одного весьма важного обстоятельства и в этом, конечно, наша ошибка: мы недооценили авантюристской подлости меньшевиков и, в то же время, переоценили свои силы. Кучка авантюристов, спрятавшая свой меньшевистский

[1]) О существовании нелегальной типографии ЦК и даже о печатании «Искры» кое-кто из местных работников знал. (Прим. ред.).

хвост за беспартийную «Организацию балаханских рабочих», во главе с бр. Шендриковыми, желая нажить себе капитал на настроении рабочих масс, не договорившись ни с нами ни с др. революционными партиями, бросила искру в тот порох, каким в то время была нефтепромышленная рабочая масса. Шендриковская группа от имени «Организации балаханских рабочих» выпустила в декабре 1904 г. требования, чисто экономические, подкрепив их угрозой забастовки. Чтобы не разбивать рабочего движения, нам пришлось перестраивать свои ряды и итти рядом с «Балаханской организацией», как и другими революционными (национальными), всячески углубляя и оформляя эту декабрьскую забастовку не только как чисто экономическую. Правда, наша попытка подкрепить забастовку политической демонстрацией той же шендриковской группой была сорвана, тем не менее, Бакинский Комитет (б-в) в то время многого достиг, чтобы декабрьское забастовочное движение преломилось в умах рабочей массы и как классовая борьба, в полном смысле этого слова, т. е., как борьба политическая.

Заканчивая эти строки, я замечу, что, в результате этой забастовки, благодаря нашей революционно-марксистской выдержанности, мы вышли из борьбы окрепшими, готовыми и к последующим боям и событиям 1905-1906 г. г.; меньшевистская же организация в Баку ни тогда ни после (несмотря на кажущиеся «лавры» декабрьской забастовки) не имела влияния и силы среди нефтепромышленных рабочих. От авантюризма и предательства не бывает прока; это подтвердила и вся история меньшевизма.

А. Стопани.

Резня 1905 г. и выступление нашей организации.

Я приехал в Баку в конце 1903 года. В это время в Бакинской социал-демократической организации господствовали еще меньшевики. Войти в их организацию и работать вместе с ними я не мог, несмотря на то, что среди бакинских меньшевиков я встретил нескольких старых товарищей, например, Митрова, впоследствии члена 2-й Государственной Думы. Отношения между большевиками и меньшевиками к этому времени обострились уже достаточно резко.

Но уже с весны 1904 года, с приездом в Баку Александра Митрофановича Стопани, Алеши Джапаридзе, Ц. С. Бобровской-Зеликсон (Ольги Петровны) В. С. Бобровского (тов. Ефрем, он же Николай Иванович) и др., Бакинский Комитет становится большевистским. Однако, у меньшевиков, все-таки, были довольно сильные организации среди бакинских рабочих. Особенно крепко сидели они в Балаханах, где господствовали братья Шендриковы, создавшие беспартийный «Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих», весьма подозрительную организацию зубатовского типа.*) Шендриковцы доставили нам немало хлопот, систематически срывая все наши политические демонстрации и забастовки.

О роли шендриковцев и, вообще, меньшевиков в жизни и борьбе бакинского пролетариата уже много писалось и будет еще писаться другими товарищами. Подробнее расскажут другие

*) Из семьи Шендриковых (3 брата) особенно выделялся Илья — истерический оратор - демагог и большой авантюрист. Поведение его во время забастовки 1904 года и весной 1905 года казалось нам весьма подозрительным. Вынужденный на время эмигрировать за границу, я в апреле 1905 года сделал в Женеве доклад о бакинских событиях и, остановившись на странных действиях бакинских меньшевиков во время декабрьской забастовки, осторожно высказал подозрение относительно некоторых «связей» Ильи Шендрикова. Женевские меньшевики устроили мне шумный скандал и чуть не избили меня. Однако, скоро обнаружилось, что у Шендриковых были, действительно, подозрительные связи не только с нефтепромышленниками, но и с тифлисскими властями. (Прим. ред.).

оставшиеся в живых работники-большевики и о нашей организационной, агитационной и пропагандистской работе среди бакинского пролетариата в ту эпоху. Я в настоящей заметке хочу остановить внимание на очень ярком открытом выступлении нашей Бакинской организации в феврале 1905 года, после первой армяно-мусульманской резни, с величайшей наглостью и откровенностью организованной царскими сатрапами, с губернатором Накашидзе во главе.

Есть серьезные основания думать, что эта резня была организована с ведома, а, может, и по прямому указанию тогдашнего министерства внутренних дел. В январе 1905 года бакинский губернатор Накашидзе выехал в Петербург. Нельзя себе представить, чтобы там не обсуждался вопрос о только что закончившейся бакинской забастовке, длившейся целый месяц, привлекшей к себе всеобщее внимание и, главное, имевшей победоносные результаты. Несомненно, что ставился вопрос и о мерах предупреждения подобных явлений, о способах борьбы с рабочим и революционным движением на Кавказе, вообще. И несомненно, что испытанный прием погромов и разжигания национальной розни был в первую очередь поставлен в порядок дня. Удавались еврейские погромы, отчего не попробовать устроить армянский погром! Тем более что дикое царское правительство ненавидело не только армянских рабочих, но и армянскую буржуазию не менее, чем евреев, считая армянских буржуа крайними либералами, чуть не главными революционерами на Кавказе. А тут как раз прошла знаменитая полоса либеральных «банкетов», которыми перепуганные явно надвигавшейся революцией буржуа и буржуазная интеллигенция пытались убедить глупое самодержавное правительство царя пойти на «конституционные» уступки, чтобы предупредить страшную революцию. Многие армянские буржуа и армянские интеллигенты в Баку приняли живое участие в этой банкетной шумихе. Наконец, разразилось историческое 9 января, страшное «кровавое воскресенье», немедленно вызвавшее грозную волну политических забастовок, прокатившуюся по всей царской России.

Нужно было торопиться.

Во всяком случае, очень скоро после возвращения Накашидзе из Петербурга, по Баку стали носиться слухи о готовящемся погроме.

Тов. А. М. Стопани в своей статье, помещенной в бакинском сборнике «Из прошлого», пишет, что «возникновение первой

татаро-армянской резни начала 1905 г. было полной неожиданностью не только для Бакинского Комитета РСДРП и других партийных организаций, но и, вообще, всех..., кроме, конечно, как потом документально было установлено, самого Накашидзе и небольшой группы полицейских чинов и близких ей головорезов и 23 богачей» (стр. 17 сборника). Это неверно. Тов. Стопани, очевидно, забыл обстановку и подробности этого чудовищно-кровавого и гнусного преступления.

Слухи о подготовлявшемся погроме, повторяю, стали носиться вскоре после возвращения Накашидзе. Наш же комитет не только знал о подготовке погрома, но и пробовал предупредить его. Впоследствии это обстоятельство много содействовало укреплению популярности нашей организации в самых широких слоях бакинского населения.

Приблизительно за неделю до погрома ко мне прибежал взволнованный Сеид [1]) и сообщил мне, что среди мусульман идет открытая агитация и подготовка нападения на армянское население; агитацию поддерживает полиция, которая снабжает мусульман оружием.

— Это серьезно, очень серьезно! Нужно немедленно предпринять что-нибудь, чтобы предупредить страшную резню!— горячо и тревожно говорил Сеид.

Чуть ли не в тот же день у меня на квартире состоялось заседание Бакинского Комитета партии. Я немедленно передал товарищам содержание рассказа Сеида. Большинство членов комитета отнеслось скептически к погромным слухам. Но, все-таки, мы решили обратиться с предупреждающим воззванием к рабочим и населению на трех языках: русском, армянском и тюркском. Написать воззвание было поручено мне, что я и сделал немедленно. Я не помню, было ли выпущено воззвание на русском и армянском языках; кажется, мы не успели отпечатать их. Но перевод на тюркском языке был отпечатан и распространен своевременно, за несколько дней до начала резни. Вероятно, в Баку сохранились у кого-либо или где-либо экземпляры этого воззвания. Его следовало бы розыскать.

Нужно отметить, что существовавшие тогда армянские политические организации («Дашнакцутюн», гнчакисты и армянские социал-демократы), ознакомившись с нашим воззванием,

[1]) Молодой, подававший большие надежды рабочий-мусульманин. После поражения революции 1905 года, он, кажется, сбился с пути, об'явил себя анархистом и был затем убит чуть ли не по подозрению в предательстве. Ныне установлено, что он был провокатором. (Прим. ред.).

подсмеивались над нами, считая совершенно невозможным какие-либо столкновения между мусульманами и армянами в Баку. Они очень плохо знали правительство и царскую полицию.

Погром и резня начались в ближайшее воскресенье, в первых числах февраля (кажется, 4 февраля). В этот день был убит на Парапете, близ армянского собора, повидимому, из мести, мусульманин Бабаев, насколько помнится, заведомый бандит. В убийстве обвинили армян. Труп Бабаева положили на арбу и повезли по мусульманским кварталам. А вечером загремели выстрелы и вспыхнули пожары...

В понедельник, утром, я пошел в реальное училище, помещавшееся близ Парапета и против армянского собора. Я в то время состоял учителем естествознания в Бакинском реальном училище. Улицы были почти пусты. Кое-где в лужах крови лежали уже трупы убитых армян. Близ Парапета, спиною к рынку и лицом к армянскому собору, стоял значительный отряд верховых казаков с винтовками наготове. За спиной его шел открытый грабеж армянских магазинов. Рядом стояли вооруженные солдаты и городовые. Из магазинов и домов выбегали с охапками награбленных вещей не только амбалы и босяки, но и хорошо одетые господа. Они сначала тревожно озирались, но видя, что солдаты и казаки не обращают на них внимания, а полицейские даже улыбаются, спокойно шли дальше. Некоторые делились похищенными вещами с городовыми и солдатами. То и дело трещали револьверные выстрелы. Здесь окровавленные трупы валялись уже десятками.

— Разве вы не видите, что у вас творится за спиной?— обратился я к офицеру, стоявшему во главе казачьего отряда.

— Проходите, проходите! Не вмешивайтесь не в свое дело!—угрюмо буркнул он и отвернулся.

Было ясно, что они стояли здесь для охраны грабителей от возможного нападения со стороны армян. Наглость действий полиции и администрации казалась поразительной, даже по тем временам.

Я собрал страшно перепуганных детишек, пришедших, все-таки, в училище, и развел их по домам. Количество трупов на улицах значительно увеличилось. Нам пришлось во многих местах итти, буквально, по лужам крови. Я жил по Красноводской улице, в районе, густо населенном армянами. По улицам ходили группы мусульман в 5-7 человек, вооруженных револьверами военного образца. Эти револьверы и патроны к ним были роз-

даны им полицией с казенных складов еще за несколько дней до резни. Время от времени они стреляли по окнам домов, высматривая, не покажется ли кто у окна. Большинство окон было закрыто ставнями, двери и ворота плотно заперты. Кое-где стояли на постах городовые, спокойно смотря на совершаемые убийства. При мне городовой подошел к трупу недавно, видимо, убитого молодого армянина, лежавшему на мостовой близ тротуара. Он внимательно осмотрел сапоги убитого, затем стал на одно колено и преспокойно начал стаскивать их; потом так же спокойно и с довольной улыбкой присел на тротуар близ трупа, снял свои стоптанные сапоги и начал обувать снятые с убитого. Все происходило, как видите, удивительно просто и откровенно.

Вечером у меня собрались несколько человек из нашего Бакинского Комитета. Мы стали обсуждать, что можно предпринять, чтобы прекратить чудовищный погром. Решено было, прежде всего, направить все наши силы в промысловые районы и не допускать резни и погромов там. Вместе с тем, предполагалось организовать из сознательных рабочих отряды для борьбы с погромщиками в городе. Нужно заметить, что дашнакам и гнчакистам удалось организовать самооборону, но некоторые армянские отряды и одиночки, с своей стороны, занялись грабежами и убийствами мусульман, даже не имевших отношения к погрому. Многие мусульмане, наоборот, прятали у себя армян от погромщиков.

Погромы в рабочих районах предупредить удалось, но организовать значительные отряды мы не смогли. У нас почти совершенно не было оружия, а полиция заранее выставила сильные воинские заслоны по дорогам к Биби-Эйбату, Балаханам и другим промысловым районам.

Погромы и убийства в городе продолжались три дня. Вырезывались целые семьи, не щадились ни старики, ни женщины, ни дети. Пылали не только дома армян-богачей, но и скромные жилища бедноты. А губернатор Накашидзе спокойно раз'езжал по городу, и к нему сбегались вооруженные погромщики и убийцы, радостно и шумно приветствуя его криками «ура»!...

Нужно было что-нибудь делать. По поручению комитета, я написал большое воззвание к рабочим, населению и войскам, с призывом всеми силами обрушиться на действительных виновников чудовищного преступления—полицию, администрацию и других агентов царского правительства, на самого самодержав-

ного царя, как главного виновника всех бедствий и преступлений. Мы спешно отпечатали и распространили это воззвание.

На четвертый день, по просьбе перепуганной мусульманской, русской и армянской буржуазии, Накашидзе, наконец, дал сигнал к окончанию погрома. Были организованы лицемерные религиозные процессии, трупы спешно стали убираться с улиц. Их возили целыми возами, ибо было убито много сотен, если не тысяч людей.

Но общее возмущение, наконец, прорвалось и захватило самые широкие слои населения. По нашему призыву, забастовали рабочие на промыслах, фабриках и заводах. Администрация предприятий не только не препятствовала нашей агитации, но нередко предупредительно предоставляла помещения для митингов. Начались уличные демонстрации. Не помню, по чьей инициативе, стали собираться митинги и в центре города, в большом зале общественного клуба.

На первом таком митинге сначала выступали преимущественно представители либеральной интеллигенции. Они робко, намеками, аллегорически говорили о вине местной администрации в только что пережитых ужасах, делились своими наблюдениями над проделками и преступлениями полиции и намекали на необходимость добиваться перед центральным правительством «конституционных гарантий». Помнится, особенно много и красноречиво говорил на эту тему местный присяжный поверенный князь Андроников. Выходило повторение, в более широком масштабе, лойяльной «банкетной» кампании. Было нудно и противно слушать эти робкие намеки, наблюдать трусливое топтание вокруг самого существенного.

Но вот с хор полетели в толпу листки с нашим воззванием. Кто-то немедленно огласил его с эстрады. Митинг ответил бурей рукоплесканий.

—Вот то, что нужно! Да здравствует социал-демократическая партия!—раздались дружные возгласы.

Тогда, по соглашению с Алешей Джапаридзе и несколькими другими товарищами, присутствовавшими на митинге, я потребовал слова и выступил с большой речью от имени Бакинской социал-демократической организации. Высмеяв пустозвонную болтовню и конституционно-сладкую тактику буржуазно-либеральной интеллигенции, я подробно остановился на роли самодержавного царя и его буржуазно-помещичьего правительства во всех несчастиях страны. Вывод был ясный: от-

крытая революционная борьба с существующим строем и уничтожение не только самодержавия, но, вообще, царизма, установление республиканского строя и, в дальнейшем, борьба за социализм. После меня стали говорить в том же тоне и другие товарищи.

Впечатление от нашего открытого выступления получилось громадное. На следующий день зал клуба оказался битком набитым представителями всех слоев населения и всех местных национальностей. Меня уже выбрали председателем собрания. Мы целиком овладели вниманием и настроением масс. После наших выступлений и другие ораторы вынуждены были говорить в более революционном тоне. Собрания продолжались в течение нескольких дней. Чтобы использовать их более существенно в интересах партии, я предложил устраивать денежные сборы, открыто заявляя, что деньги пойдут на приобретение оружия. Давали, помнится, охотно и щедро.

Одновременно шли политические митинги в рабочих районах и даже на улицах. Я, как уже упоминал, был в то время учителем реального училища. По моему предложению, реалисты тоже об'явили забастовку и устроили уличную демонстрацию. Забастовка немедленно перекинулась в остальные учебные заведения. Лихорадочное возбуждение быстро охватило весь город. Администрация и полиция, только что устроившие чудовищную национальную резню, моментально растерялись и явно струсили. Полиция исчезла с улиц, а Накашидзе заперся в губернаторском доме под охраной большого отряда казаков.

В эти дни мы, пожалуй, легко могли бы захватить город в свои руки, несмотря на отсутствие у нас оружия. Вопрос об этом мельком даже обсуждался. Но ясно, что долго удержаться мы не могли бы. Для таких действий время еще не приспело, да и не было еще у нас соответствующих навыков и достаточно решительных людей. Мы использовали эти дни для агитации, для подготовки масс к будущим действиям.

Вскоре мы узнали, что из Тифлиса спешно двинуты в Баку значительные воинские силы.

Видя, что мы к действиям не приступаем, очнулись от страха и местные власти. На улицах снова появилась полиция и патрули. Начались обыски и аресты.

Однажды, вечером, квартал, в котором находилась моя квартира, был окружен значительным нарядом полиции и солдат. Кватиру тщательно осмотрели, разыскивая меня; это было просто

глупо, ибо я, конечно, даже не показывался к себе домой, ночуя преимущественно в квартирах товарищей-рабочих. Организация решила, что мне пора уже скрыться из Баку. На вокзале и пристанях кишели шпионы и сыщики. Хотя я несколько изменил наружность и переоделся, ехать по железной дороге или на пароходе было рискованно. Тогда сговорились с владельцем небольшой паровой шхуны. Он собирался итти в Петровск и захватил меня. Я выехал в Петербург.

Генерал-погромщик Накашидзе был, как известно, в том же году убит.

М. Васильев-Южин.

Бакинская тюрьма 1905 года.

Положительно, она не походила на другие русские тюрьмы.

Прежде всего, она была уголком Востока, где так быстро вспыхивала национальная рознь.

Это был Восток, так любивший в те времена пускать в ход, при любом споре, в качестве аргумента оружие и умевший запасаться даже за тюремными запорами длиннейшими ножами. Ножи эти проникали внутрь ее стен с гораздо большей легкостью, чем в другие тюрьмы запретный табак...

А затем ее корпус политических заключенных.

Он не был обычным по тем временам узилищем, куда большинство попадало всерьез и надолго.

Большая часть населения этого корпуса менялась с такой калейдоскопической быстротой, что скорее всего он напоминал своеобразный постоялый двор. Всерьез и надолго там задерживались немногие: либо тот, кто слишком намозолил кавказской полиции глаза, либо тот, кто, будучи случайно схвачен, не смог хорошенько скрыть свое настоящее имя, не сулящее ему ничего хорошего, и не успел заменить его другим, более надежным, а равно тот, кто попался с типографией или имел то или иное касательство к какому-нибудь террористическому акту. Но таких было мало, и политический корпус едва успевал закрывать и открывать свои двери, чтобы, выпустив старую группу или надоевшего ему одиночку, вновь принять свеженьких. Две недели, месяц, самое большее три,—вот средний срок заключения, дольше которого он, обычно, не мытарил своих жертв.

Чтобы раз'яснить эту странную особенность бакинской политической тюрьмы, придется хоть парой штрихов обрисовать ее хозяев—бакинскую полицию и жандармерию.

Было бы неправильным об'яснить то растяпство, которое проявляли в Баку охранные власти, тем, что Баку был далекой окраиной. Тифлис лежит еще дальше от центра, а, между тем, политическая охрана и сыск там действовали в те времена во всю, и слежка за нашим братом в Тифлисе была отчаянная.

Не в том дело. Баку был крупнейшим торгово-промышленным центром, куда, главным образом, на нефтяные промысла, тянулся не только поток квалифицированных пролетариев из центральных губерний России, но и не меньший поток малокультурных рабочих из Персии и других восточных стран. Урегулировать все это по своему и наружной полиции и жандармам было крайне трудно, и они, казалось, как-то не приспособились в описываемый момент к своеобразию этого крупного колониального центра царской России, к этому благословенному для нелегального работника городу. Полиция почти все свое внимание уделяла разбоям и грабежам, процветавшим в Баку, и в городе не без основания утверждали, что она, начиная с высших чинов, не столько ловила грабителей и разбойников, сколько делила с ними добычу. А бакинская жандармерия, быть может, тоже причастная к этому прибыльному занятию, свое главное политическое внимание почему-то уделяла дрошакистам—этой националистической партии армянской буржуазии, имевшей свои корни и в Турции. Партия располагала вооруженными отрядами четников, и изловливать последних бакинская жандармерия считала одной из главных своих задач.

Чтобы на наглядном примере показать всю примитивность приемов наружной и внутренней полиции Баку, опишу наш арест, приведший и нас, группу в 14 человек, в бакинскую тюрьму.

Дело было после знаменитой национальной резни в начале февраля 1905 г., открыто организованной бакинским губернатором и прекращенной по его же приказу. Вскоре в городе было об'явлено военное положение. Работа нашего Бакинского большевистского Комитета неожиданно тормозится. Нельзя собираться не потому, что появилась отсутствовавшая ранее хоть сколько-нибудь заметная слежка, а просто по той причине, что город буквально наводнен войсками—всюду отряды полиции и солдат с ружьями, зорко следяще за каждым прохожим, а, кроме того, запрещено выходить на улицу с 6 или 7 ч. вечера до утра. Неожиданно в Баку нет квартир для собраний! А у нас намечено большое собрание пропагандистов, на котором поставлен доклад о причинах раскола партии. Кому-то приходит в голову на первый взгляд блестящая мысль: с разрешения заведующего статистическим отделом городской управы, собрание устроить в помещении этого отдела, после конца дневных занятий. Заведующий охотно дал согласие, так как

это его ни к чему не обязывало. И, вот, после 4-х часов начинаем собираться. Сторожа управы подметают комнаты и корридоры, косо поглядывая на незванных «статистиков». Собралось человек 14. Начался доклад и вдруг в комнату, нами занятую, врывается пристав (а, может-быть, и «сам» полицмейстер — чорт их упомнит) с отрядом солдат, штыки наперевес: вот сейчас переколят. Грозный окрик: «Что за собрание?» Отвечаем: «Собрались на вечерние занятия по статистике», а у самих полны карманы нелегальщины, записей, кой у кого револьверы.

Грозный чин оставляет часть солдат внутри комнаты на часах, с ружьями; часть уводит и расставляет в соседних, а сам усаживается в кабинете заведывающего статистикой, у телефона. Мы тут же, при часовых, начинаем рвать в клочки брошюры, листки, а, главное, все записи с адресами и проч. Видим — стоят часовые, не протестуют. Кто-то предложил одному из часовых нелегальную брошюрку—тот взял и углубился в чтение. Время идет, и пол нашей комнаты покрыт, как снегом, целым слоем изорванной в клочки бумаги. Револьверы порассовали по полкам со статистическими бумагами. Мы чисты, как агнцы. Что могло быть нелепей? — Случайно, глупо влопались с уликами, которые для Москвы и другого любого города были бы равносильны долголетней ссылке, а то и крупному процессу! И так же случайно, счастливо извернулись из лап этого важного полицейского чина, который, как мы узнали потом, дежурил со своей ротой с утра в той же управе. Быть может, наше собрание, на которое он должен был наброситься со штыками, по доносу управских курьеров, помешало его большим планам совсем иного порядка...

Такая мысль пришла невольно мне в голову в тот момент, когда я предстал пред очи начальства, сидевшего в кабинете заведывающего. «Как ваша фамилия?». Я уже успел решить, что назовусь Александром Алексеевичем Алексеевым, а потому смело называю «свою» новую фамилию. «Ваше занятие?» — «Статистик». «Где живете?» — «Только сегодня приехал из Курска и прямо сюда в управу, квартиры не имею» — Реплика: «Молодой человек! Как необдуманно и неосторожно с вашей стороны ехать искать работы в город, об'явленный на военном положении». (Какая доверчивость и какой безразличный тон!) — Дальше: «Я вынужден вас задержать за незаконное собрание».

Все 14 весело встречаемся в тюрьме, знакомимся с теми, кто туда раньше нас попал.

Но, чтобы покончить с характеристикой бакинских властей предержащих по части их политической наивности, не могу не досказать следующего. Нашу компанию 14-ти решили держать недолго — вроде того, что две недели за незаконное собрание, а там до установления личности и на волю. Выпустили через две-три недели 12 человек. Остался я да еще один товарищ, тоже нелегальный и тоже назвавшийся каким-то вымышленным именем, из такого-то города. [1])

Когда из Курска курская жандармерия на запрос бакинской ответила, что за статистиком А. А. Алексеевым ничего предосудительного не числится (то, что его и на свете не было, это бакинскую, очевидно, не интересовало), а равно когда такая же справка была получена и о втором упомянутом товарище—нам об'явили, чтобы мы собирали вещи и на волю. До сих пор не забуду насмешек над нами эс-эровской публики—«вот, вас, эсдеков-большевиков, как легко освобождают» (наш корпус знал, что мы оба нелегальные). Повезли нас двоих на освобождение в жандармское управление. Все было готово, чтобы выйти на волю после месяца отсидки. Но тут вмешался рок в виде какого-то матерого прокурора, как на грех приехавшего из Москвы и решившего: «Они не те, кем себя называют». А так как мы ничем не могли доказать права на новые наши фамилии, то нас обоих под усиленным конвоем возвратили вспять. Это досадное обстоятельство, повлекшее за собой многомесячное заключение, и позволило автору этих воспоминаний ближе познакомиться со своеобразной обстановкой жизни всей бакинской тюрьмы.

В первый же день прибытия в тюрьму я был поражен видом некоторых товарищей: ходят с повязками—кто на голове, кто на руке. Оказалось, что это—результат их избиения конвойной командой во время неудачной попытки их помочь побегу тов. Гавриила Ивановича Хундадзе, который засел в тюрьме крепко. Дело побега налажено было так. Один товарищ,[2])выходя на волю, оставил свою дорожную корзину, очень больших размеров, специально для побега Хундадзе купленную. Так водилось, что товарищи иногда, выходя на волю, оставляли на пару дней свои пожитки, чтобы затем за ними прийти.

---

[1]) Речь идет о тов. Таратуте (ныне председатель треста Моссукно), назвавшемся Лозинским. Впоследствии он был неизменным секретарем МК (Виктор). (Прим. ред.)

[2]) Монтин. (Прим. ред.)

В условленный день он явился за своей корзиной, а в ней был уже уложен тов. Хундадзе, весь укутанный к чему-то ватой, корзина увязана и заперта на замок. Четверо товарищей потащили тяжелую ношу, но кто-то из уголовных выдал тайну. И, вот, на втором от нашего дворе на них напал тюремный конвой и избил всех до полусмерти прикладами и даже штыками кололи. Запертую корзину внесли в контору тюрьмы уже конвойные. Когда ее открыли, Гавриил Иванович—худой, высокого роста человек, выскочил из нее, весь облепленный ватой, и грозно спрашивает плюгавого начальника тюрьмы: «Кто приказал бить моих товарищей?» «Я»,—ответил начальник. Гавриил Иванович тут же отвесил ему такую ошеломляющую пощечину, что тот свалился на пол, а беглец получил 14 ударов прикладами по голове... После того его изолировали от «политиков» и поместили в больнице, где он и сидел в первый день моего прихода в тюрьму.

Горячий он был человек. Раз как-то шел у нас доклад о меньшевизме и докладчик употребил выражение, что меньшевики опошляют марксизм. Вспылил т. Хундадзе: «Как? Революционеры, сидящие по тюрьмам, опошляют марксизм?» Собрание было сорвано. Он требовал товарищеского суда над нашим докладчиком...

Описывать бакинскую тюрьму того времени и не рассказать о Хундадзе абсолютно невозможно. Его знали все уголовные, и среди них он пользовался исключительной популярностью. Он писал им и письма домой, писал для них прошения и жалобы во все инстанции, и часто это облегчало их тяжелую участь. Уже впоследствии на этапе в Ростовской тюрьме встретил я одного осетина, уголовного каторжника. Спрашивает: «Хундадзе знаешь?» Отвечаю: «Знаю».—«Хороший человек! Был у меня кандалы, пришел Хундадзе—нет кандалы». В срок, установленный законом, не успели доставить этого осетина на каторгу и должны были снять кандалы здесь, в России, но не снимали, и Хундадзе помог.

По рассказам товарищей, еще до моего водворения в тюрьму был такой случай. Усилиями тюремного начальства, ненавидевшего нас всем своим нутром, среди уголовных был пущен провокационный слух, будто политика требует отнятия у них ножей и, вообще, оружия. Там пошло волнение, и уголовные собрались громить политических. Товарищи просят Хундадзе вмешаться в дело. Тот говорит: «Дайте мне табурет». Достают

табурет, Хундадзе бежит на громадный двор уголовных, становится на табурет и произносит перед уголовными на тюркском, грузинском и армянском языках горячие речи о том, что обвинение против политики ложно, что полиция и всякое начальство всегда сеет и разжигает рознь везде и повсюду, и буря, готовая разразиться, на этот раз стихает.

Однако, это не помешало тюремному начальству и впредь делать новые попытки натравливания на нас уголовных...

Положение политических в бакинской тюрьме было совершенно особенное. Мы были брошены в наш каменный мешок с целым рядом камер—малых и больших, но в них, этих камерах, мы проводили только ночь, т. к. с утренней и до вечерней поверки двери их были открыты и мы свободно общались между собой, проводя большую часть дня на общем нашем дворе. Не были мы изолированы, как по другим тюрьмам, и от уголовных.

Такое отношение к нам было крайне выгодно, так как мы могли и в тюрьме не терять даром времени, и более опытные товарищи вели занятия с менее подготовленными, читали на общих собраниях рефераты. Помимо того, мы устраивали дискуссии с эс-эрами и меньшевиками, а равно через часто меняющуюся публику держали связь с волей. Полезно было и для уголовных, что они могли почти беспрепятственно общаться с нами. Но, с другой стороны, именно, это последнее обстоятельство нередко создавало тяжелые осложнения в жизни нашего корпуса.

Нередко через наш двор тащили в больницу изувеченных или даже убитых людей с уголовного двора, как результат происшедшей там драки или поножовщины. Как пример того, насколько легко возникала на том дворе поножовщина, вот случай. В жаркий июльский день мороженщик-уголовный продавал мороженое своим сотоварищам и не додал одному сдачи 1 копейку, за что ему и распороли живот... С мороженщиком-тюрком и у нас на дворе вышло столкновение. Он предложил мороженого одному товарищу-политику, грузину. Тот отказался, так как был болен, и, показав на свое горло, сказал: «У меня здесь катарр». Тот принял это слово за «татар»—его национальная честь была затронута, и он так свистнул по лбу товарища больного грузина, что у него над глазом образовалась шишка в кулак величиной...

А то шли через наш двор в воскресенье уголовные в тюремную церковь. Наша молодежь стала подсмеиваться над рели-

гией... Те не стерпели и говорят: «Вы не смотрите, что мы походя самыми бранными словами ругаем и бога и святых. Это мы так. Мы в бога верим, и вы нас не троньте, а не то плохо будет...» Но если все эти стычки грозили нам, мужчинам, конечной потасовкой, в которой мы, бесспорно, были бы биты, так как перевес был бы на той стороне, то для товарищей-женщин были более жуткие моменты. Корпус наших товарищей женщин был размещен на заднем дворе, и, к счастью, туда уголовным можно было проникнуть лишь через нас. Не забуду одного дня, когда две миловидные девушки подверглись преследованию двух нахалов уголовных. Потребовалось наше энергичное вмешательство, прекратившее этот кошмар...

В таком-то окружении уголовных протекала наша жизнь. Мы жили полной коммуной с общим котлом, которым сами заведывали, и считалось позором, если кто утаит в конторе свои деньги и не внесет в общую кассу. Все одинаково всегда недоедали. Суровую, но полезную школу прошел каждый из нас в бакинском застенке. Делились всем, не только деньгами, но и бельем и проч.

Но и внутренне жизнь, как уже выше было упомянуто, была полна содержания.

Любопытны наши взаимоотношения в тюрьме с меньшевиками. Во главе бакинских меньшевиков стоял талантливый демагог, некто Лев Шендриков. Попав к нам в тюрьму, он быстро сколотил свою группу,в которую вошло и несколько отсталых рабочих (Хундадзе не входил в эту группу) и все время до своего освобождения он, Шендриков, умел поставить дело так, что и он и его группа держались от нас, большевиков, в стороне.

В один прекрасный день, собрав свою кучку в углу двора и указывая на нас рукой, Шендриков кричал: «Вон они, большевики-интеллигенты, в крахмалах. Придет революция, и мы, рабочие, их на фонарях вешать будем!» К сведению, крахмалом от нас и не пахло, а Шендриков и сам был интеллигент, и группа его была в большинстве интеллигентская.

Были у нас и анархисты, правда, раз-два и обчелся. Но вели они себя тоже геройски по отношению ко всем эсдекам и мекам и бекам. Раз поздно вечером, когда уже все камеры были закрыты, один такой анархист высунул голову в форточку двери и не менее получаса на весь корпус ругал эсдеков самыми площадными словами...

Но был день, когда все страсти, иногда так бурно кипевшие внутри нашего корпуса, сразу улеглись и среди всех нас, политических, настала жуткая тишина. Вернулся из суда один товарищ, рабочий, большевик грузин (к стыду своему, фамилию его забыл) со смертным приговором. Его судили за убийство одного неистовствовавшего в Баку пристава, не дававшего своими полицейскими заставами возобновить работу в одном из районов города (кажется, в Белогородском районе). Несмотря на все старания, защите не удалось доказать его непричастности к убийству, что было тем труднее, что товарищ был там же, при нападении, опасно ранен в ноги и в тюрьме ходил на костылях.

Никогда не забыть спокойного ответа его на наш общий безмолвный вопрос, когда он после суда вернулся к нам: «Что же, товарищи, от них другого ожидать нам, кроме виселицы?».

Товарища смертника изолировали от нас и поместили над нашим корпусом, в тюремной больнице. Меня, как имеющего некоторое отношение к медицине, начальство иногда пропускало в больницу, и я, как теперь, помню хорошее, славное лицо этого товарища. И тут мне пришлось познакомиться с одним уголовным, славным, чутким человеком, с большой душой. О нем, нашем славном товарище, которому грозила скорая петля, этот уголовный заботился, как самая нежная сестра. Он все время проводил с ним, стараясь отогнать от него черные думы, постоянно играл с ним в шашки и не давал ему оставаться одному. Где ты теперь, редкой души человек, если только тебя не с'ела тюрьма? Долго после того, уже в сентябре 1905 г., уходя этапом из бакинской тюрьмы, я оставил за ее стенами товарища-смертника, все еще в ожидании исполнения приговора, и это давило камнем грудь. Уже много лет спустя я узнал, что товарищу удалось-таки бежать и спастись от виселицы.

Ни в одной тюрьме не было такого неровного темпа жизни, какой выпал нам на долю в бакинской. На нашем дворе то веселье, то игры, а то и настоящие демонстрации, со знаменами из красных платков. Делаем все, что хотим, никто не вмешивается и не мешает. А потом, вне всякой видимой зависимости от нашего поведения, какое-нибудь острое осложнение или происшествие в тюрьме, вроде описанных выше. Целую ночь однажды просидели мы, запертые по своим камерам, не сомкнув глаз, так как ждали прямого нападения конвоя.

В эту ночь двери были заперты не только снаружи, но и изнутри: мы забаррикадировались. Осложнение кончилось благополучно для нас—нападения не последовало. А то помню—вызванный начальником из-за какого-то пустяка конфликт грозил вылиться в открытое столкновение: уже бегут, ругая нас, на чем свет стоит, конвойные, с ружьями наперевес; вот уже добежали до дверей нашего корпуса, но так и не пустили и на этот раз в ход своего оружия, т. к. дело было улажено до их прибытия...

Владимир Бобровский.

Из прошлого.

...Покойный С. Г. Шаумян, переехавший из Тифлиса в Баку в 1917 году, говорил мне как-то, незадолго до февральской революции, что здесь (в Баку) он «впервые» ознакомился с конкретными вопросами рабочего движения и «по-настоящему» понял природу пролетарскоой классовой борьбы. Помнится, что слова эти не произвели на меня впечатления несколько излишней скромности, которой, к слову сказать, Шаумян того времени порой отличался. Не произвели они на меня этого впечатления не только потому, что покойный Степан Георгиевич до приезда в Баку практически работал только в Тифлисе, где классовая борьба в значительной степени затемнялась мелкобуржуазными элементами и с'уживалась отсутствием крупной промышленности и «крепкого» пролетариата, но и потому, что эти слова в сильной степени выражали мое собственное настроение и настроение других товарищей, имевших возможность сравнить опыт революционной работы в Баку с опытом работы в наших крупнейших пролетарских центрах.

Наши дореволюционные (1905) подпольные организации, в силу ряда совершенно понятных причин, не в состоянии были охватить все стороны рабочего движения, обслуживать все многогранные нужды рабочего класса. Прежде всего, это были подпольные, по необходимости, строго законспирированные, стало быть, немногочисленные организации и, при том, единственные пролетарские организации, так как других—профсоюзных, культурно-просветительных и т. д., конечно, не было. Далее, это были партийные, политические организации, в качестве каковых они должны были, и не могли иначе (особенно, в «искровский» период), уделять главное свое внимание политике, политике по преимуществу. А так как заводы, фабрики, предприятия, рядом полицейских мер, обносились высокими заборами и превращались для всех «посторонних» в недоступные крепости, то вся сложная внутренняя, повседневная трудовая жизнь фабрично-заводского рабочего отрывалась от общего и целого, про-

текая изолированно от случая к случаю (массовый конфликт, стачка, открытое выступление), когда жизненные и частные интересы рабочих данного завода, фабрики, предприятия партийной организацией приобщались к таким же интересам рабочих других фабрик, заводов, предприятий и обобщались этой организацией в классовом, революционном, политическом целом. Но и тут нередки были случаи,—поскольку дело касалось второстепенных, но для рабочих данного предприятия порой чрезвычайно важных вопросов,—когда между организацией и массой замечалась некоторая отчужденность, некоторое взаимное непонимание, порой даже как бы скрытая борьба, борьба частного с целым, «конкретного» с «абстрактным», «грубой» «экономики» с «чистой» идеальной «политикой». На этой почве рождалось некое молчаливое, недоговоренное, инстинктивное разделение ролей, при котором частная и местная масса решала и проводила—упорно и настойчиво—без, а порой и вопреки организации; последняя же пользовалась огромным и нераздельным авторитетом во всем том, что хоть в малейшей мере выходило за рамки этого частного и местного. Надо тут же, однако, отметить те весьма нередкие случаи, когда выработанные рабочими данного завода, фабрики, предприятия первоначальные метровые требования, скажем, фартуков, рукавиц, воды, полотенец, мыла и т. д. быстро исчезали и заменялись многозначительным лаконическим требованием учредительного собрания.

Изложенное станет ясней, если мы ближе присмотримся к внутреннему строю подпольной организации, который, конечно, сильно отличался в зависимости от места и времени. Прежде всего, низовая парт'ячейка. Ну, разумеется, ячейки имели место не всегда и не везде. Наличие ячеек—признак высоко развитой подпольной организации, больше всего характерной для 1905-1906 гг. В остальное время—до и после первой революции—дело ограничивалось наличием на фабриках, заводах, в ремесленных предприятиях и мастерских нескольких работников или единиц верных людей, а то и просто более или менее определенными, более или менее случайными связями, которые то и дело прерывались уходом «связующего» из предприятия либо, чаще всего, полными провалами.

Провалы, т. е. аресты—особенно массовые—иногда разрушали кропотливейшую работу многих месяцев, не оставляя камня на камне от подпольной организации, хотя жандармам это удавалось не часто и только там, где они имели хорошо налажен-

ную внутреннюю агентуру (провокаторов, которых, как теперь известно, было—увы!—слишком много), да и в этих случаях они (жандармы, охранка) часто бывали связаны собственной «конспирацией» (надо, чтоб не догадались, кто провокатор), либо не все знали; бывали также случаи, когда они волей-неволей оставляли выслеженных работников на воле «для разводки».

Численно наши организации—опять-таки, в зависимости от места и времени—доходили порой до сравнительно ничтожных размеров. В пору наибольшего расцвета—в период об'единительного с'езда—вся партия, в целом, (большевики, меньшевики, бундовцы, с.-д. партия Литвы и Польши) насчитывала, если память нам не изменяет, около 150.000 членов, а платящих членские взносы и входящих в те или иные партийные организации вряд ли насчитывалось больше половины этого числа. В ту же, примерно, пору (1906-1907) Петербургская организация большевиков насчитывала всего около 10.000 человек (платящих вряд ли было более одной трети). А в Баку к моменту об'единения с меньшевиками (декабрь 1905 г.) обе организации имели не более двух тысяч, платящих и не платящих вместе. И это число опускалось в годы реакции до нескольких десятков (Баку), в лучшем случае, до 1-2-3 сотен (Петербург) чрезычайно слабо связанных между собой членов организации.

При такой численной слабости, подпольные организации, в отдельности, и партия, в целом, тем не менее, нераздельно политически господствовала над помыслами и умами многомиллионных масс и, худо ли хорошо ли, обслуживала широкой агитацией и пропагандой партийные и непартийные массы. «Литературы», как общее правило, не хватало. Все, что печаталось на месте и доставлялось центрами, распространялось даром. Даже в период легальных изданий (1906-1907) газеты и брошюры распространялись среди партийных масс, не говоря уж о беспартийных, без денег, которые партия должна была добывать на стороне. Только в позднейшее время, в период «Правды», «Луча» и т. д. (1912 и следующие годы) рабочие не только покупали газеты, но и широко организовывали сборы на рабочую печать. Что касается тиража, то петербургские, например, газеты периода «Волны», «Вперед» и т. д. печатались, примерно, в количестве около 10.000, а в период «Правды»—за 50-60 т., при чем до провинции газеты доходили в ничтожных количествах. Нелегальные же листовки, например, в Баку печатались, в среднем, в количествах до 5000, при чем листовки эти во

время под'ема движения, главным образом, в 1905 году, выпускались одной только нашей большевистской организацией не реже 8-10 раз в месяц, и при том весьма часто на трех языках.

Изустной пропаганде партия придавала особенное значение. Но надо прямо сказать, что она нам плохо давалась. Не только потому, что пропагандистов было мало, гораздо меньше, чем массовиков-агитаторов,—беда заключалась в том, что частые провалы—либо кружка либо пропагандиста—обрывали занятия. И наши многочисленные кружки чаще всего распадались после первой или второй лекции (обычно, «противоречия классового общества» или «противоречия капиталистического строя»), тогда как курс был рассчитан, примерно, на 6-10 лекций. Кружки распадались, а отдельные, так или иначе уцелевшие, члены кружка начинали все с начала—и так не раз, и не два.

Кроме более или менее регулярных районных и междурайонных делегатских собраний и конференций, которые являлись «законодательными» для данной организации, последние возглавлялись и руководились комитетами. В зависимости от места и времени, комитеты конструировались различно—от чистого назначенства (до 1905 г. и отчасти в после-революционную реакцию),через смешанную конструкцию(частью по выборам,частью по кооптации, частью путем делегации от районов), до чисто выборного начала на междурайонных делегатских собраниях, при чем число комитетчиков колебалось от 5-7-9 (до 1905 и во время реакции) до 15-30 членов в годы революции.

Душой комитета был тогда секретарь, особенно, дельный секретарь. Он сносился с центрами, фактически — через соответственного заведывающего, не всегда входившего в состав комитета из конспиративных соображений,— руководил «техникой», т. е. нелегальной типографией и, вообще, издательским делом, руководил финансовой группой, часто состоявшей из «сочувствующих», сносился с «красным крестом помощи заключенным и ссыльным»,ведал «явками», паспортным бюро, литературной группой и т. д. Неизменным нашим секретарем бывал Алеша Джапаридзе. Остальные члены — в классическую, так сказать, пору подполья (до первой революции),—остальные немногочисленные члены комитета имели специальные функции (комитетчиков «без портфеля» одно время вовсе не было) заведывающего пропагандой, заведывающего агитацией, заведывающего районными организаторами и т. д. Выше мы сказали, что душой комитета был секретарь. Надо сказать: душой, мозгом, лучше,

двигателем организации был, вообще, «профессионал». Профессионал, т. е. активнейший из активных. Активнейший работник, т. е., профессионал. На нем держалась организация, особенно, наша, большевистская, организация; недаром тов. Ленин придавал такое большое значение штабным революции — профессиональным партийным работникам.

Партийные профессионалы периода 1903-1907 г. г. (они были и позднее, но их осталось мало), в силу ряда совершенно об'ективных причин, должны были отличаться, и на деле отличались, большой непоседливостью. Если организация, в целом, насчитывала в своих рядах не мало оседлых, местных, порой вросших в местный—относительно, конечно, говоря—быт и даже порой — опять-таки, относительно говоря — несколько обмещанившихся и, волею случайностей, отяжелевших на местных хлебах, то профессионал, наоборот, был легок на под'ем, «гражданином вселенной». В этом было много плюсов, но были и немалые минусы. Поскольку дело касалось партийной линии, общих задач движения, больших кампаний, широких политических лозунгов,— профессионал был неподражаем. Тут он был, что называется, у себя дома. Разбудите его в 3 часа ночи (если вам удастся найти его «ночевку», так как одному Аллаху и, пожалуй, иногда секретарю комитета известно, где он ночует, как питается и на какие средства живет), разбудите его и предложите немедленно выступить с речью на любую тему,— и он исполнит это поручение быстро и хорошо, не дав себе труда предварительно хотя бы в течение пяти минут продумать тему. Попади он куда-угодно, хотя бы, скажем, в Южную Африку или Персию, попади только он на собрание, пусть с чемоданом в руках, и он непременно попросит слова. И если по существу обсуждаемого вопроса ему положительно сказать нечего, он, все-таки, будет говорить, хотя бы «к порядку прений». Широкий охват событий, обобщенный опыт, опыт не только всероссийского, но и, очень часто, непосредственное знание западно-европейского революционного движения,— эти качества подымали профессионалов на большую высоту среди партийной массы. Но чуть что дело касалось практических, конкретных, живейших и важнейших для данного завода, фабрики, предприятий частных и местных вопросов, столь существенных для всякой работы, как профессионал очень часто самым постыдным образом попадал впросак. Были, конечно, разные профессионалы. Но само положение этого активнейшего работника, обстановка его жизни вырабатывала

в нем черты быстроты, натиска, беззаботности и верхоглядства ко всему, что в широких рамках «общих задач» и «конечных целей» имело локальное, местное, случайное, преходящее значение. И поэтому бывали случаи, когда какой-нибудь наилюбимейший, наипопулярнейший политический оратор — Степан, Петр или Демьян — не совсем разобравшийся в «тонкостях» путал, скажем, тартание с бурением или с пафосом призывал к борьбе за 8-мичасовый рабочий день, там, где, скажем, случайно, по условиям производства, работа длилась 7 часов, путал эти деликатные предметы наш Степан, Петр или Демьян и только в конце спохватывался, что только что восторженная и наэлектризованная им аудитория под конец держала себя как-то неладно. А она, действительно, в этих случаях держала себя «неладно» и крепко запоминала, что «их» видно, дело—политика, стало быть, что касается «экономики», то следует самим о себе позаботиться.

Взятые примеры, разумеется, исключительны, и, при том, примеры эти надо отнести к профессионалам революционного времени, когда профессионалов было очень много и тип этот, естественно, качественно понизился. Хуже и вредней было то, что, как общее правило, профессионалы, т. е. наиболее подвижные и активные работники партии, за краткостью срока пребывания их в данном месте, мало осмысливали и, по сути дела, не могли осмыслить всю сумму конкретных условий, бытовой обстановки и жизненной среды, в которую их заносила революционная буря. А так как профессионалы связывали (и очень часто, преимущественно, они одни связывали) рабочую массу с организацией, с партией, то их невольные «грехи» масса относила на счет всей организации, дав это («ваше дело—политика») почувствовать (в довольно, порой, неделикатной форме) в период профессиональных организаций и других легальных возможностей. Что касается Баку, то этот момент, отмеченный резкими чертами и связанный с именем Самарцева, принес не мало горечи. Но горше всего пришлось покойному Алеше Джапаридзе.

Впрочем, Баку особая стать.

Помню, с каким удивлением я в годы реакции читал и перечитывал единственную в своем роде книгу супругов Уэбб «Теория и практика английского трэд-юнионизма». Коллективный договор, арбитраж, рабочий день, биржи труда, примирительные

камеры, вопросы тарифа, найма, заработной платы и т. д.,— да, ведь, это те вопросы, над которыми мы здесь, в Баку, бились и, худо или хорошо, конкретно и практически разрешали в самые бурные революционные годы! В каком еще городе, кроме Баку, существовал с конца 1904 года коллективный договор, договор плохой, односторонний, на каждом шагу нарушаемый сильнейшей стороной—капиталистами, но, все-таки, коллективный договор! Где еще, кроме Баку и разве лишь Петербурга, до начала октябрьской революции 1905 года существовали заводские и промысловые комиссии, да еще с такими широкими функциями! В какой еще отрасли промышленности специально, широко, открыто, после дискуссий и по платформам избранные представители от всех рабочих этой промышленности заседали и вели переговоры с представителями всех предпринимателей этой промышленности, заседали не где-нибудь, а в Петербурге, с участием министров, на виду у всей страны, заседали, декларировали, договаривались и подписывали соглашение накануне революции 1905 года! Заседали и соглашались не большевики, которые бойкотировали это совещание, а меньшевики, шендриковцы, но и среди них были на совещании подпольные революционеры с фальшивыми паспортами, и ими почти открыто или, если память нам не изменяет, совершенно открыто руководил ЦК меньшевистской партии!

Наша Бакинская большевистская организация, как это ни покажется парадоксальным, была лишь в малой степени политической организацией в том общем смысле, как это относится к организациям других крупных городов. Ведь, один только местный «национальный» вопрос, проще говоря февральская и августовская тюрко-армянская резня, требовал от нас такой гибкости, такой степени знания местных условий, находчивости, такта, умения лавировать, приспособляться, учитывать еле уловимое и обращать все на пользу революции! А эта волна требований—улучшение жилищных условий, больничной помощи, вознаграждение при увечьях, улучшение школьного, библиотечного дела, внешкольного образования и т. д. и т. п. требований, расширенных и углубленных позже, в 1907 году, но тогда уже время было другое и опыт был иной, а раньше, до первой революции, в каком еще городе, кроме Баку, партийные организации конкретно занимались резрешением таких вопросов! Разумеется, мы занимались этими вопросами как бы нехотя, почти вынужденно и, пожалуй, плохо, гораздо хуже, чем мень-

шевики-шендриковцы, которые делали это дело вдохновенно, мастерски, которые в пылу приспособленчества чурались даже названия «социал-демократ. организация», называя себя сперва «Союзом балаханских и биби-эйбатских рабочих», а после «Союзом бакинских рабочих», и приспособились до... почти голой зубатовщины; где в ту пору, кроме как в Баку, были такие меньшевики и где еще была столь удобная почва для процветания такого рода меньшевизма. История щендриковщины любопытна и поучительна. Но, ведь, надо прямо сказать, что с конца 1904 и до начала 1906 года щендриковцы фактически вели за собой бакинские массы, а мы, при всем нашем политическом влиянии, вынуждены бывали (по крайней мере, в области экономической борьбы) равняться по их фронту. Разумеется, не «безоговорочно», как любили выражаться меньшевики. Мы боролись—и еще как!—с теми элементами морального и политического маразма, который они вносили в рабочее движение. В октябре 1905 года они выкинули лозунг организации примирительной камеры, в противовес чему мы доказывали, они (совершенно неслыханное для меньшевиков явление!) нас за это высмеивали, мы доказывали необходимость немедленной (единственный в своем роде случай для большевистской организации октября-декабря 1905 года) организации профсоюзов, без чего какая бы то ни было «камера»—чепуха. В Совете рабочих депутатов и при выборах в этот Совет (о котором, к сожалению, не имеется пока ни в архивах, ни в печати никаких данных), где они имели подавляющее большинство и где нашим ораторам почти не давали говорить, их главным лозунгом, вокруг которого так умело сплачивались ими массы, было требование... уплаты за 30 дней холостым и за 45 дней семейным (компенсация за простой промыслов вследствие пожаров и за убытки, понесенные во время августовской резни, в возмещение чего нефтепромышленники получили от правительства 20-тимиллионную ссуду). И надо знать, как ловко, как умело выдвигался, повторялся, вдалбивался этот «лозунг»—«30 дней холостым, 45 дней семейным»! Мы боролись не на жизнь, а на смерть с шендриковцами и ликвидировали их окончательно (большую услугу нашей организации и всем бакинским рабочим в деле разоблачения и ликвидации шендриковщины оказал после меньшевика Тер-Нерсесова—кличка Герасим —тов. Ногин). Но еще многие годы после ликвидации шендриковщины (вторая половина 1906 г.) мы вели оже-

сточенную борьбу с привитыми ими бакинским рабочим навыками и предрассудками—бешкешными, наградными и т. д. и т. д., а главное, с наивной верой, что без упорной, длительно налаживаемой, крепкой, боевой и единой профсоюзной организации можно не только добиться, но и прочно удержать экономические завоевания. Бакинские большевики, повторяю, боролись с шендриковщиной и с элементами политического и морального разврата, ввесенными ими в местное рабочее движение. Но именно эта борьба как нельзя лучше способствовала усвоению всех конкретных условий среды и обстановки, практики рабочей, классовой, деловой практики, пониманию не только жизненных условий, быта, психологии масс, но и заставляла местных активных работников (исключительное в ту пору явление) штудировать, изучать положение самой нефтяной промышленности, ее роли в общей экономике страны, ее перспектив и возможностей,—работа, которая была поднята на исключительную высоту в 1907-1908 г.г. т. т. Германовым (ныне член коллегии наркомфина Фрумкин) и, главным образом, Лариным, по инициативе которого и были созданы комиссии из знатоков нефтяной промышленности (Фролов, Флеров, Гуковский, кажется, Стопани, и т. д.), давшие исчерпывающий материал для суждения о степени обоснованности отмеченной выше веры бакинских рабочих в возможность " в два счета", шапками закидать, взять голыми руками и на ура, всерьез и надолго, и такие завоевания, которые вовсе не так легко даются. Где корни, откуда бралась эта вера, каким образом шендриковцам удалось, если не привить, то развить и крепко-накрепко упрочить эту веру?. Бакинцам нетрудно ответить на эти вопросы. Корни скрывались, прежде всего, в экономическом, политическом и правовом положении мазутной республики, неписанная «конституция» которой базировалась на экономически мощной, государственно-важнейшей, богатой, влиятельной, организованной в одно целое промышленности, на небольшой территории с головокружительной быстротой возникшей в «азиатской», национально и культурно разношерстной окраине, где правительственная власть была слаба, где она была представлена далеко не лучшими (с точки зрения ее интересов) элементами. И, при том, на окраине, куда, начиная от караульщика, городового, рабочего и кончая высшим представителями капитала и власти—из всех почти губерний обширнейшей страны, из Персии и Западной Европы люди приез-

жали, как в какую-нибудь Калифорнию, пожить, елико возможно нажиться и вернуться во-свояси из очумелого места, где почти всегда можно найти работу и сносную оплату труда, но куда рискованно брать семью, где дети мрут, как мухи, где солнце жарит нестерпимо, где надо вести упорную борьбу за лишних пол-ведра воды, где нет самых примитивных средств передвижения, где отсутствуют родные поля и леса, где зелень является диковиной. Какая психология должна была выработаться у городового, который получал жалование от нефтепромышленника (был специальный штат полиции по охране промыслов, содержавшийся на средства капиталистов); у нефтепромышленника, сторожем у которого служит бывший собственник нефтяного участка, купленного за грош и обогатившего нынешнего владельца; у рабочего, получающего, правда, раза в два больше, чем его коллега в России, но на глазах которого били фонтаны, создавались и росли сказочные капиталы; у высшей административной власти, почти целиком (градоначальство) содержавшейся на средства совета с'езда нефтепромышленников; у высшей власти, ограничивавшейся «особым присутствием», куда входили представители того же с'езда нефтепромышленников и где решались важнейшие полицейские, административные и т. п. вопросы! «Поставьте виселицы на Парапете для анархистов и экспроприаторов»—громко и публично потребовала собравшаяся в думском зале буржуазия в 1909, кажется, году. И та же буржуазия, вкупе с местной и краевой властью, вынуждена была терпеть наше «хозяйничанье»—допускать перманентные выборы по всем правилам искусства на бесконечные «совещания», с выдачей на руки представителям разных течений специальных удостоверений о том, чтоб им не чинить препятствий при исполнении ими агитационных обязанностей, терпеть наши профсоюзы, органы печати, вынуждена была передать, правда, на короткое время, в наше фактическое заведывание содержимые на средства совета с'езда народные дома (персонально заведывал Шаумян), с поразовой оплатой наших лекторов за доклады, которые мы ставили в этих народных домах. А на местах, на промыслах и заводах?

Там, вплоть до самых темнейших дней реакции (1909-12), когда подпольные организации и остатки профсоюзов представляли из себя величины невесомые, там можно было в любое время, почти беспрепятственно, почти безнаказанно устроить любое собрание, говорить открыто от лица организации,

давая сражения эс-эрам или дашнакам, которых доводили до белого каления и которые нередко подкрепляли свою нехитрую аргументацию прямыми угрозами расправы, тут же хватаясь за револьверы и потрясая ими в воздухе. А общие полицейские условия? Кто не помнит, что тут можно было жить по самой грубой фальшивке или даже без всякого «вида», что тут—по бездарности ли, халатности или продажности «чинов» полиции, жандармерии, тюремного начальства—можно было десятки раз избегнуть ареста, а будучи задержанным—скрыться, откупиться, наконец, попав (1905 г.) в тюрьму, немедленно выйти на волю, вместо имевшего быть освобожденным какого-нибудь тов. Иванова, который через час-другой подымет шум: на каком, дескать, основании его еще держат, когда сегодня—срок его заключения, или—за мзду—смениться с товарищем с воли, менее нужным в данное время организации, как это имело место незадолго до октября 1905 г., когда, вместо Лядова и Алеши, организация «посадила» рабочего Лефаса («Святой») и еще одного товарища, уплатив за эту операцию начальнику тюрьмы что-то около 200-300 рублей. Общие политические условия были здесь, относительно говоря, до того благоприятны, что десятки разыскиваемых по всей России виднейших работников, которым грозила ссылка и каторга (втородумцы Зурабов и Митров, сопроцессники Вайнштейн и Кнунянц, Ежов и десятки других), совершенно свободно и долго жили в Баку, как у бога за пазухой. И только покойные Кнунянц и Вайнштейн поплатились (первый смертью от тифа в Баиловской тюрьме, а второй —каторгой) за собственную, впрочем, неосторожность, ибо были предупреждены о грозящей им опасности. Лучшей характеристикой полицейских условий в Баку может служить то обстоятельство, что, при наличии внутренней информации (провокаторов было и здесь не мало—Егоров, Леонтьев, Прусаков, Козловская, Серегин, Бакрадзе, Чуркин и много нераскрытых псевдонимов) и частых, как никак, отдельных арестов и крупных провалов типографий (1902, 1907, 1911), двух конференций (1905), двух коллективов (1907 на кв. Левита и в 1911), ареста в клубе «Наука», большого провала в 1916 году,—жандармам редко удавалось сколачивать политические процессы (таких помнится несколько: дело двух типографий, дело Хундадзе, процесс по делу об убийстве Накашидзе и околоточного, дело Вайнштейна, дело эс-эров в связи с союзом моряков, дело Чхаидзе, Зевина и Колесниковой) и все ограничивалось админи-

стративными мерами. Таковы, в общих чертах, были полицейские условия, составлявшие лишь часть тех общих политических условий, которые позволяли подпольным организациям даже в наихудшие времена находить ширмы, под прикрытием которых (санитарно-гигиеническая комиссия, художественно-литературный кружок в 1909-1911 гг., интернациональный комитет помощи беженцам, о-во «Народный дом» и гражданские комитеты во время империалистической войны) так или иначе удавалось вести революционную работу.

Само собой разумеется, что эти условия были лишь следствием отмеченных выше более общих условий. Эти же последние придавали неслыханный размах всей работе и держали авторитет партийной организации даже в глазах матерых нефтепромышленных волков на очень большой высоте еще и после того, как один из высших представителей капитала злорадно об'явил перводумцу Рамишвили, что «слава Богу, диктатура пролетариата кончилась», а известный Гукасов цинично провозгласил, что классовая борьба имеет свою логику: вчера вы нам диктовали условия, а сегодня мы их продиктуем вам. По нашей рекомендации охотно принимали на работу; из колоссального количества конфликтов, разрешенных союзом нефтепромышленных рабочих (1907-1908), подавляющее большинство принималось нефтяными фирмами безоговорочно; безоговорочно эти фирмы вносили в кассу союза безработных наложенные на них этим и другими союзами денежные штрафы за те или иные проступки. Представители крупнейших фирм не раз и не два вносили деньги на те или иные нужды партийной организации (наша большевистская организация, нечего греха таить, не брезгала и этим источником дохода, хотя — это надо отметить — тут не было ничего похожего на те даяния, которыми пользовались шендриковцы: укажем, хотя бы, на 10-титысячный куш, полученный ими от нефтяников при заключении декабрьского (1904) договора, т. е. при обстоятельствах, которые придавали получке характер подкупа. Те же крупнейшие фирмы не раз и не два искали у нас защиты (помню случай обращения Манчо к Биби-Эйбатскому райкому уже в самое тяжелое время, кажется, в 1911 г.) от приставаний и налетов разного рода «эксистов», борьбу с которыми пришлось вести и нам (в 1907 году наша об'единенная боевая дружина арестовывала их и высылала из города), конечно, не теми дикими и безобразными мерами, какими с ними боролись дашнаки, одно время истре-

блявшие их на улицах среди белого дня (вспоминается случай в конце 1906 года или в начале 1907 г., когда в помещение редакции издававшейся нами армянской газеты, близ Парапета, вбежали два обезумевших человека и, кинув мне на стол маузеры, бросились прятаться от настигавших их дашнакцаканских «зинворов»).

Отмеченное отношение нефтяных магнатов к пролетарским организациям свидетельствует об их уважении к силе (поскольку они, действительно, были силой) этих организаций. Но, кроме того, едва ли не большую роль—особенно в примитивный период развития—тут играла боязнь. Нефть легко воспламеняется. Нефтяники это помнили еще с 1903 года. В декабрьскую забастовку шендриковцы подожгли промысла в тот момент, когда забастовка грозила полным провалом, и этим поджогом обеспечили относительную победу забастовавшим рабочим. Позже безработными в эту практику было даже внесено некоторое усовершенствование: подобие стрелы, пущенной из-за угла умелой рукой. Оно давало желаемые результаты с полной гарантией безопасности. Л. С. Сосновский не так давно рассказал, как можно «тартать нефть»... в холостую. Нет ничего мудреного в том, чтоб ловко пущенный в скважину бурильный инструмент надо было вылавливать неделями, если не месяцами.

Вот вам не первые, но и не последние причины, хорошо об'ясняющие и состояние сил (по крайней мере, в известный период развития движения) в мазутной республике, умонастроение масс и нефтяников-предпринимателей.

Велика была сила частного и местного в практике Бакинской организации нашей партии. В предлагаемом очерке всего не расскажешь. Но надлежит отметить и подчеркнуть то обстоятельство, что эта работа проделана—и временами довольно недурно проделана—подпольной организацией, руками наиболее активных ее работников, т. е. профессионалами, т. е. людьми заезжими, ни в какой мере не людьми местными, которых в Баку было так мало, которых почти не было.

Возьмите, в самом деле, рабочих. Но это вам не ткацкая промышленность, где рабочие—их отцы и деды—тут родились и выросли. Общая продолжительность пребывания бакинских рабочих в нефтяном производстве навряд ли не наименьшая продолжительность среди прочих отраслей промышленности. А интеллигенты? Возьмем их по национальностям. Тюрки?—Но кто же

не знает, что их было так мало, что роль и влияние «Гуммета» не только в период первой революции, но и вплоть до второй революции ограничивались работой десятка хороших, правда, товарищей (Муса Касумов, Эфендиев, Азизбеков, Султанов, Ибрагим Абилов и т. д.). Армяне?—Но тут дело обстояло не многим лучше, поскольку дело идет о нашей, по крайней мере, партии. Если почти весь армянский пролетариат шел за «Дашнакцутюном», то об интеллигентах и говорить нечего. Наша Бакинская организация на всем протяжении истекшего времени насчитывала армян-работников почти единицами—братья и сестра Кнунянц, Шаумян, Спандарян, Бекзадян, Варя и Станислав Каспаровы, Габриэлян, Шант, Ионисян, Дедушка—и больше почти никого. Грузины?—Их было много, но они, в том числе и покойный Алеша, не были бакинцами. Грузины, ясное дело, ориентировались в местных делах гораздо быстрей и лучше, чем русские и евреи, но, как и эти последние, были элементом пришлым.

«Пришлый», «чуждый» «посторонний» элемент,—разумеется, об этом тогда не только никто не говорил, об этом никто и не думал. Об этом заговорили гораздо позже, совсем недавно, и надо ли говорить, как это резало и режет ухо!

Бакинская организация нашей партии, вся четвертьвековая история этой организации создавалась работой сотен и тысяч людей, которые разбредались затем по всем краям обширной страны, в любом городе которой вы в любое время можете встретить «бакинца».

«Бакинцы»—это огромное число виднейших членов партии, которых вы встретите у любого дела в обширном Союзе Республик.

Баку «своих«, местных работников почти не имел. И в тоже время, нам почти казалось, что Баку работает «на других». В редакции первой «Правды», в ЦК времен реакции, в крупнейших профсоюзах тех же времен, на всякого рода с'ездах, в тюрьмах и ссылке,—всюду орудовали бывшие бакинцы—рабочие и интеллигенты, которые выгодно отличались богатым опытом и практическими знаниями в области рабочего движения.

Бакинцы не по рождению, а по работе, которой бакинский пролетариат им обязан, которой они обязаны бакинскому пролетариату.

А. Рохлин.

На заре рабочего движения в Баку.

11 августа 1895 г. бакинским губернским механиком была отправлена телеграмма в департамент торговли и мануфактуры, в Петербург, следующего содержания:

«На табачной фабрике братьев Мирзабекянц, в Баку, 82 мальчика, занятые выделкою папиросных мундштуков, сегодня прекратили работу, требуя увеличения задельной платы. Прекращение это вызвало остановку всего папиросного отделения фабрики. Присутствие властей предотвратило более значительные беспорядки. Рабочие спокойно разошлись».

17 августа отправлена была другая телеграмма:

«Недоразумения с рабочими на табачной фабрике улажены, работы второй день производятся правильно».

В том же деле фабричной инспекции (№ 63—8/117), откуда извлечены нами данные телеграммы, губернским механиком дается подробное описание как общего положения рабочих на фабрике бр. Мирзабекянц, так и указанного столкновения их с владельцами фабрики в августе 1895 г. По отчету губернского механика,

«фабрика (в то время еще помещалась на углу Красноводской и Николаевской ул.) занималась выделкою папирос (около 75 милл. штук в год) и приготовлением курительного табаку (около 10.800 пуд. в год), всего на сумму в 700.000 руб. в год. Всех раб. на ней 382 человека, из коих армян 222 чел., татар 100 и русских 60 человек. Из числа последних 44 мужчин и 16 женщин (туземные женщины работой на фабриках в Баку не занимаются). В числе рабочих находится 83 человека несовершеннолетних, в возрасте от 14 до 18 лет, преимущественно, армяне и татары. Рабочие помещения на фабрике не имеют, все они живут на квартирах в разных частях города, нанимаемых ими самими за свой счет. Рабочая плата установлена на фабрике двоякая, месячная и задельная. Месячную плату получают исключительно только работающие при машинах, как гильзовщики (8 человек от 15 до 20 р. в месяц), крошильщики (9 человек от 40 до 60 руб., остальные 25 человек от 18 до 30 руб. в месяц), а также работающие в литографии (14 чел. от 14 до 60 руб. в месяц) и оклейщики бандеролей (25 человек от 18 до 34 р. в месяц), все же остальные рабочие получают плату задельную, при чем на этой фабрике введена специализация работ

при выделке папирос, какая не практикуется на других кавказских табачных фабриках. Так, напр., забивка табаку в готовые гильзы производятся одними рабочими (папиросниками), свертывание и вдавка мундштуков — другими (мундштучниками), обрезывание головки мундштуков и укладка готовых папирос в коробки — четвертыми (упаковщиками), приготовление коробок—пятыми (коробочниками) и оклейка бандеролями—шестыми (оклейщиками). Точно так же и приготовление курительного табаку распределяется между крошильщиками, работающими при крошильных станках, набойщиками, набивающими его в готовые пачки, и оклейщиками, оклеивающими их бандеролью. Рабочая задельная плата за эти работы существует следующая.

За набивку табаку в готовые гильзы папиросники (110 человек) получают: за тысячу папирос первого сорта 40 коп., за тысячу папирос второго сорта 30-35 коп. (в зависимости от продолжительности службы рабочего на фабрике).

Мундштучники (91 человек) за 1000 свернутых и вдавленных мундштуков в папиросы 1-го сорта получают — 14 коп., в папиросы 2-го сорта — 12 коп.

Коробочники (20 человек) за 1000 штук коробок на 10 папирос или за 500 штук коробок на 25 штук папирос получают 1 руб. 50 коп.

Упаковщики (29 чел.) за 100 пачек для папирос, за обрезку и укладку в коробки, за 1000 папирос 1-го сорта получают — 11 к., 1-го же сорта в пачках — 10 коп., 2-го сорта в пачках — 9 коп.

Сортировщики (20 человек) за сортировку табаку с пуда получают 50 коп. Набойщики (18 человек), набивающие табак в пачки, за пуд табаку 1-го сорта получают — 1 руб., 2-го и 3-го сорта по — 50 коп.

Расплата с рабочими производится правильно 2 раза в месяц, 1 и 16 числа каждого месяца; вычетов у работающих поштучно никаких не делается, у месячных рабочих вычитывают стоимость рабочих дней, пропущенных по уважительной причине; на притеснения какие-либо со стороны владельцев в этом отношении рабочие не жалуются. Работы начинаются в 6 час. утра и оканчиваются в 6 часов вечера, с перерывом в летние месяцы на 2 часа, зимою на один час, для обеда. Условия найма рабочих изложены в имеющихся у них на руках расчетных книжках, образец которых при сем прилагается.

Управление фабрикою находится в руках самих ее владельцев и приказчиков, нанимаемых ими, преимущественно, из своих родственников-армян. При столкновении, имевшем место в августе, рабочие заявляли жалобу на одного приказчика, осматривающего их при выходе из фабрики, указывая на грубое отношение к ним. Обстоятельство это принято было во внимание разбиравшим причину происшедших беспорядков исправляющим должность бакинского губернатора, который предложил хозяевам фабрики внушить виновнику обращаться с рабочими с должным вниманием, а, в случае повторения на него жалоб, заменить его другим лицом.

Перейдя к описанию августовской стачки, губернский механик писал:

«Волнение рабочих на означенной фабрике выразилось следующим образом. 2 августа, утром, собравшись на работу, мундштучники, между которыми исключительно почти состоят мальчики-армяне и татары, заявили, что они не станут более работать, пока им не увеличена будет плата за свертывание и вставку мундштуков в папиросы 2-го сорта до 14 коп. за 1000, как это платится за 1-й сорт, в числе 83 человек вышли из фабрики и, столпившись перед конторою на улице, подняли шум и гам, вступая в пререкания с хозяевами и приказчиками. За ними вышли также и папиросники, мотивируя свой выход тем, что без мундштучников они работать не могут. Толпа на улице возрастала, к ней стали присоединяться посторонние лица, и возбуждение увеличилось настолько, что потребовалось вмешательство полиции для очистки улицы и разогнания толпы. Извещенный и. д. губернатора, г. бакинским вице-губернатором, я отправился вместе с ним на фабрику Мирзабековых, у которых застали уже только часть рабочих фабрики, ожидавших нашего прибытия. При расспросе мальчиков, заявивших требование об увеличении платы, оказалось, что они претендуют на то, что администрация фабрики уплачивает им за скручивание и вставку мундштуков в тонкие (дамские) папиросы, как за папиросы 2-го сорта, т. е. по 12 коп за 1000 штук, тогда как это—папиросы 1-го сорта и работа их труднее, в виду чего она должна оплачиваться дороже, да и, вообще, разницу в плате между 1-м и 2-м сортом они находят неправильной и желали бы ее уравнения. Поднимались голоса за установление общей платы за выделку 1000 готовых папирос, которая выдавалась бы мастеру-папироснику, с тем чтобы он от себя уже платил подручному мундштучнику, как это, будто бы, практикуется на табачных фабриках в Тифлисе. Последнее заявление, хотя и делалось некоторыми из мундштучников, но, видимо, исходило от папиросников, желающих забрать в свои руки заработок подручных, дабы пользоваться и частью его, как это бывает в подобных случаях.

Указав мальчикам всю незаконность того способа, который ими избран для пред'явления своего требования об увеличении платы за производимую ими работу, и об'яснив, что всякий из них, недовольный своим заработком, может просить об увеличении его только по истечении того срока, на который он нанят, заявив о своем нежелании оставаться дальше на прежних условиях конторе фабрики за две недели до истечения этого срока, а в данном случае, как работающим помесячно, за 2 недели до истечения месяца, г-н вице-губернатор предложил им возвратиться на фабрику и приняться за дело, обратившись к указанной им дороге для достижения своих требований. Что же касается до желания введения расчета за готовые папиросы с одними мастерами, то таковые, как нежелательные в интересах их же, подручных-мундштучников, он не может рекомендовать вводить на фабриках. После ответа

вице-губернатора, при дальнейших переговорах с мундштучниками и владельцами фабрики, выяснилось, что, собственно, плату за производство мундштуков для тонких папирос (дамских) последние готовы возвысить до 13 коп., на что присутствовавшие мундштучники согласились, оставив плату за второй сорт прежнюю, но на следующий день на работу большинство из них на фабрику, все-таки, не явилось, и мастера-папиросники, не имея возможности без них работать, предъявили уже сами требование установления платы за выделку готовых папирос, мотивируя его тем, что подручные их мундштучники, находясь вследствие этого от них в зависимости, не будут иметь возможности своевольничать так, как теперь, и лишить их, вследствие этого, заработка. Владельцы фабрики, Мирзабековы, усматривая во всем случившемся стремление лишь мастеров забрать в свои руки заработок подручных и приписывая уклонения от работы последних по договору самих же мастеров, решительно отказали им в исполнении этого требования.

Вслед затем несколько дней работы на фабрике шли еще не вполне правильно, часть мастеров и их подручных не являлась, некоторые приходили позже и уходили раньше, уводя с собою других, человек 15 заявили требование расчета, если их условия не будут приняты, наконец, мало-по-малу все успокоились, и 17 августа фабрика уже работала в полном своем составе, а большинство требовавших расчета просило оставить их на прежнем месте.

В виду описанных столкновений с местными рабочими, бр. Мирзабековы, желая устранить в будущем возникновение новых притязаний и требований с их стороны, выписали из Ростова-на-Дону небольшую партию русских рабочих, заключив там с ними контракты, по которым они обязались изготовлять при готовых гильзах 1000 папирос 1-го и 2-го сорта по 45 коп., с укладкой их в коробки. Цена эта, по сравнению с уплачиваемой в настоящее время на фабрике, оказывается для 1-го сорта папирос ниже на 20 коп., для 2-го сорта на 6 коп. за 1000 штук, вследствие чего приехавшие мастера, ознакомившись с существующими на фабрике условиями, стали просить о переводе их на условия общие, что и исполняется владельцами постепенно, по мере подготовки для них подручных мундштучников.»

В приведенном докладе даются контуры нарождающегося в Баку рабочего движения, рисуется один из эпизодов борьбы бакинских рабочих в стихийный период движения.

В Баку, выросшем буквально за четыре последних десятилетия, на глазах живущего еще поколения превратившемся в короткий срок из маленькой малозначущей приморской крепости в мировой индустриальный центр, в один из крупнейших и богатейших городов СССР, как известно, рабочее движение началось несколько позже, чем в других закавказских рабочих центрах, Тифлисе и Батуме. До 1901-8 г.г. Тифлис и Батум

были центром ряда крупных железнодорожных забастовок (1899 г.—с участием 3000 раб., 1900 г.—с уч. 2000 раб., с уч. 4000 рабоч. забастовки 1900 в Батуме, сопровождавшиеся арестами участников и высылкой их). До 1901 г. в Тифлисе велась уже социалистическая пропаганда, были рабочие кружки, организованные социалистически настроенной интеллигенцией, издавалась соц.-дем. газета «Квали» на грузинском языке.

В Баку, если и велась до 1899 г. какая-либо работа среди рабочих, то, насколько нам известно, по преимуществу, среди армян, и то питомцами армянских национальных мелкобуржуазных партий—дрошакистов и гнчакистов, сделавших тогда центром своей работы Турецкую Армению и рассматривавших бакинскую рабочую массу, как источник для выкачивания материальных средств в пользу турецко-армянских революционных организаций, а также для вербовки кадров революционно-настроенных зинворов—(боевиков) для отправки в Турцию. Работа их, в первые годы появления в Баку, ограничивалась, главным образом, сбором денег и культуртрегерскими начинаниями. Место действия в указанные годы—город, как наиболее доступный для оторванных от рабочих масс интеллигентов.

Социалистическая «зараза» впервые была занесена в Баку из Грузии через отдельных пионеров, попавших случайно в Баку.

Как доклад губернского механика, так и воспоминания участников забастовок табачников 1881-1895 г.г. показывают, какими гигантскими шагами шел бакинский рабочий по пути борьбы за свое освобождение от власти капитала. До грандиозных забастовок 1903-4 годов, с ясно оформленными классовыми требованиями, под руководством пролетарской классовой организации с.-д. партии, оставалось бакинскому рабочему пройти путь лишь в несколько лет, а какой он был, как увидим ниже, еще наивный, беспомощный, беспринципный: борьба против применения труда подростков, ненависть к машинному труду, патриархальные взаимоотношения между старым и молодым поколением рабочих, забитость, рабская трусость и пр. и проч.

Нефтепромышленный район в указанные годы еще спал. Отдельные группы квалифицированных русских рабочих, зараженных революционным движением в России, пока ничем себя не проявляли.

Чтобы выяснить движущие силы данной забастовки 1895 г., мы обратились к ряду старых рабочих бывш. фабрики Мирза-

бекянц (нынешн. 1-я государственная табачная фабрика Азтабтреста), частью и ныне работающих на этой фабрике, с просьбой дать свои воспоминания о забастовке, которая стала темой для доклада бакинского губернского механика, просили указать, были ли до 1895 г. забастовки на табачных фабриках, как они возникали (стихийно или подготовлялись кем-нибудь), кто, обыкновенно, руководил ими, кто вдохновлял забастовщиков, интересовались ли тогда рабочие какими-либо вопросами рабочего движения (какими и в какой мере), в чем это выражалось. Были ли среди рабочих кружки, если да, то какие и кто ими руководил, были ли связаны рабочие табачных фабрик Баку друг с другом, если да, то в чем выражалась эта связь, была ли связь рабочих других отраслей производства.

Нам удалось лично опросить человек 8 рабочих, работавших на фабрике с 1881-1883 г.г. и довольно хорошо помнящих ранний период своего пребывания на фабрике.

При опросе рабочих, принимавших личное участие в забастовке 1895 г., выяснилось, что она была не первой, что рабочие помнят ряд забастовок и до 1895 г. Первая из них, по рассказам участников, была об'явлена в 1881 году, когда на фабрике бр. Мирзабекянц числилось 40-50 рабочих и когда вся работа велась ручным способом. В Баку в то время имелось 5 фабрик: Сарумова—самая крупная (150 чел.), Мирзабекянц—(40-50 чел.), Парсегова—(20-25 чел.), Шагиданова—(около 40 чел.) и Осепянц и Тер-Григорьянц—(30-40 чел.). Забастовка эта возникла на экономической почве. Условия жизни рабочих были крайне тяжелые. За изготовление 1000 штук папирос платили от 35-40 коп., в то время как, по отчету губернского механика, в 1895 г. платили 65 коп. за 1000 штук. Кроме того, шла сильная конкурренция между взрослыми и подростками. Последние работали гораздо быстрее и лучше взрослых, вырабатывали вдвое больше их, и так как их труд оценивался дешевле и они работали быстрее, администрация фабрики старалась набирать побольше подростков; это создавало постоянные столкновения между отдельными группами рабочих, кончавшиеся часто кулачной расправой взрослых с подростками.

Весной 1881 г. на всех табачных фабриках Баку одновременно возникла забастовка. Рабочий Крикор Ованесов, поступивший на фабрику в 1877 г., когда ему не было еще 12 лет, хорошо помнит забастовку 1881 года, так как сам принимал участие в ней. Первое совещание и дальнейшее обсуждение воп-

росов, связанных с этой забастовкой, происходило на Шемахинском шоссе, где у табачников было излюбленное место для сборищ. Ежедневно, с утра, после об'явления стачки, забастовщики со всех фабрик (чел. 400) уходили на шоссе и проводили там время до вечера. Рассказывающему об этом Ованесову неоднократно приходилось отправляться в город за питьевой водой для забастовщиков.

Основное требование рабочих во время этой забастовки было увеличение сдельной платы, прекращение приема подростков и прекращение обысков[1]), при чем требования заключали и угрозы—забастовщики угрожали систематически избивать подростков, пожелавших поступить на фабрику. Забастовка тянулась около недели, но хозяева фабрик, возмущенные неожиданным выступлением рабочих, собирались ежедневно и придумывали кары, чтобы запугать «бунтарей» и прекратить забастовку. Они решили принять все меры, чтобы разогнать забастовщиков.

Начался массовый расчет почти на всех фабриках. Так как бр. Мирзабекян были из Шушинского уезда, они в самом начале забастовки выписали из сел. Норшен, Карадах, Самед и др. 24-30 подростков и несколько мусульман из Дербента. Долго подростки эти не могли приступить к работе, боялись угроз, но взрослым надоела борьба впустую и, не дождавшись окончания переговоров, большинство из них принялось за разные ремесла. 15 человек из мирзабековской фабрики принялись за бондарное и плотничье ремесла. Другая партия в 25 человек отправилась на родину и в деревню. Так неудачно окончилась эта забастовка, длившаяся несколько недель.

После неудачной забастовки табачных фабрик в 1881 году, первая крупная забастовка на фабрике Мирзабекянц была в 1892 году. Об этой забастовке рассказывает старый боевик Багдасар Акопов, поступивший на фабрику учеником еще в 1879 году, следующее.

Мастер в указанной фабрике имел 1-2 учеников и платил им от себя. Папиросники-мастера получали по числу набиваемых папирос, а крошильщики—попудно. Он получал от ма-

[1]) По свидетельству бывш. рабочего фабрики Аванеса Арутюнянца, проработавшего там с 1892 г. по 1916 г., требование о прекращении обысков было одним из самых злободневных. Эти обыски, производимые в самой нечеловеческой форме, создавали ежедневно такие хвосты на фабрике, что большинство рабочих, окончив работу в 6-7 часов вечера, покидали фабрику в 10-11 часов ночи, особенно, если начинались придирки.

стера 10 копеек в день, но и эта сумма всегда почти задерживалась. Нередко матери учеников, которые, обыкновенно, получали 10-15 копеек в день, жаловались хозяину на мастеров за неуплату заработка, побои и проч. Хозяин фабрики, «предвидя гибель дела», как рассказывает упомянутый Акопов, «заметив, что поведение мастеров может привести к тому, что в один прекрасный день на фабрике не останется ни одного малыша, а их не легко было найти, предложил мастерам следующее: «Вы получаете 40 к., я вам дам 45 к., остальные расходы по оплате труда мундштучников, упаковщиков я беру на себя». На том и порешили. Мальчики были освобождены из-под опеки мастеров и перешли к хозяину фабрики. Они, в общем, стали получать от фабрики несколько больше (20 к. за 1000 папирос)—установленной заработной платы на фабрике не было. Фабриканты, не владея основным капиталом, сбывали товар по мере накопления его, при чем, по мере накопления товара, начинали снижать расценку. «Не 45 уже дадим теперь вам, а 40; как хотите, товару накопилось достаточно, пока всего не сбудем, мы не в силах дать вам лишнее». Обыкновенно начинались между хозяином и рабочими пререкания, кончавшиеся, большею частью, отказом рабочих от работы и выходом всех во двор. В результате, сами рабочие начали хитрить. В 1880 году было несколько мелких случаев забастовок: рабочие, улучив момент, когда запасы шли к концу, получив с субботы причитающееся им жалованье (понедельную плату), в понедельник заявляли, что не хотят работать. Так поступало, главным образом, папиросное отделение. Оно и добивалось, таким образом, гарантии не понижать расценок.

Нередко рабочие брали авансы (по случаю свадеб, похорон, родов и проч.) и затем, гонимые нуждой, покидали фабрику, не вернув долга хозяину. Хозяева всех табачных фабрик в начале 1881 года пришли к соглашению не принимать рабочих других фабрик, чтобы не было перебежничества. Забастовка 1881 года, о которой писалось выше, действительно, была неудачна. Первой наиболее крупной забастовкой тов. Багдасар считает забастовку 28 марта 1892 года. Этой забастовке предшествовал ряд фактов, существенно изменивших психологию части передовых рабочих. В эти годы группа армян-рабочих знакомится с учителем церковно-приходской школы Давидянцем, уволенным католикосом всех армян за атеизм, а также с Арсеном Амбрумян и Степаном Маркарянц (все—будущие даш-

накцаканы). Первый из них предлагает выделить из местных фабрик неграмотных рабочих для занятия грамотой. К концу 90-х годов, как рассказывает Багдасар, образовалась довольно значительная группа молодых рабочих (30-35 чел.), которая собиралась сначала у Давидянца, а после, по очереди, у рабочих, имеющих квартиры. Посещали Давидянца обыкновенно группами, по несколько человек. «Он с женой больше читали, чем занимались с нами грамотой. Читались, обыкновенно, книги, восстанавливающие нас против капитала», говорит Багдасар, «а также знакомящие с корифеями армянской литературы и публицистики.

Круг интеллигентов, которые интересовались нами, ширился с каждым месяцем. Кроме указанных выше лиц, рабочие посещали квартиры Гайка Гюльсирянца, Абрамяна (бухгалтер), докторов Залянца и Агамирзова. Эти последние стали принимать рабочих бесплатно у себя на дому, что существенно сближало их.

Невыносимая эксплоатация труда на фабрике весьма часто приводила к эксцессам. Перед забастовкой 1892 года одним из рабочих был сильно избит управляющий бывш. мирзабековской фабрики.

Хозяева не могли не заметить брожения среди рабочих армян, нередко они жаловались на последних за то, что они стали дерзкими и непослушными и читают много, много говорят. Поэтому, со времени стачки 1881 г., табачники перестали принимать армян-рабочих на фабрики, стали принимать мусульман. Кроме того, пользуясь подвижным составом рабочих, обещанные расценки в 45 к. они понизили до 30 к,, вновь поступавшим или перешедшим из одного отделения в другое они стали платить до 30 к. Стоило старому рабочему на лето уехать на полевые работы, он с осени работал уже по пониженной расценке. Так, в течение 1890-1892 г. 1/3 фабрики уже получала по 30 коп. В начале марта 1892 года расценки были еще сильнее понижены—за 1000 папирос стали давать 25. Началось волнение на фабрике. Конторщик Рустамов Баласан, «правая рука управляющего», стал уговаривать сознательных рабочих, особенно Багдасара, «молчать». «Вам дадут по 30 коп., если замолчите». И 27 рабочих, которым уменьшили расценки, решили бросить работу. Собравшись во дворе, они вслух обсуждали создавшееся положение.

В памяти Акопова замечается весьма характерный момент, как, с появлением хозяина, рабочие обратились в паническое

бегство. Хозяин рассвирепевшим голосом кричал вслед бегущим, что он завтра уволит всех, кто бросит работу. Ушли за ворота,—рассказывает Багдасар,—только четверо—Атанес Кочаров, Каспар Геокчаев, я и Акоп Едигаров (все были в возрасте 20-22 лет), удалились спокойно, дошли до угла, оглядываемся,—никто не идет. Подвели! Акоп стал грустить. Только что женился,—что будет с ним. Сообща решили вернуть его обратно. Прошло два дня, старший брат Багдасара продолжал агитировать среди рабочих, указывая на их нетоварищеский поступок по отношению к рабочим и на то, что молодежь и новички терпят такое чудовищное сокращение расценок, что дальше так жить, все равно, будет невозможно. Выдвигается в эти дни довольно горячий протестант-оратор, Егор Попов. Брожение продолжается 5-6 дней. Основной лозунг, брошенный Поповым: обратный прием уволенных рабочих и уравнение ресценок. Пока рабочие в массе настроены крайне недоверчиво друг к другу. Поступает нелепейшее предложение—вызвать священника, принять коллективную присягу в том, что все будут верны до конца друг другу и не изменят общему делу. Наивная масса, подхватив предложение, отправляет депутатов к бакинскому архимандриту Кюрегу, с просьбой дать присягу желающим бастовать рабочим. Святой отец, верный себе, категорически отказывает депутации, указав ей, что с бунтовщиками не может иметь дела, церковь не может вмешиваться в подобного рода дела. Богобоязненные рабочие, достав евангелие, крест, захватив соли, без помощи священника, во дворе фабрики дают клятву остаться верными друг другу (в этом, как рассказывает Багдасар, принимали участие все взрослые папиросники—70-80 чел. без подростков). Вслед за этим об'является забастовка. Руководит ею шемахинец Егор Попов, 35 лет. Удалившаяся тройка рабочих, узнав о забастовке, возвращается на фабрику. Часть забастовщиков, в числе которых был и рассказчик, направившаяся к Парапету, была там задержана полицией. Свиреп был сначала пристав, взявший, вероятно, впервые в Баку, забастовщиков в участок. «Я вас всех умерщвлю в тюрьмах, бунтовщики, сгниете вы там... Хлеба хотите, а не хотите ли розог!»—выкрикивал он по дороге в участок. После, в участке, он смягчился и стал уговаривать прекратить забастовку. Тут же вызвал хозяина. Тот приехал один, без управляющего. Начались пререкания между рабочими и хозяином; арестованная группа отказалась от переговоров; большинство из арестованных были молодые, неграмотные. Пристав, по предложению Мирзабекова, отпустил рабочих. Сам он куда-то

спешил. Не успели рабочие вернуться на фабрику, рассказать оставшимся товарищам о происшедшем и о примиренческом настроении хозяина, как появился делегированный последним один из упаковщиков, Атанес Амирханов, которого хозяин любил и миловал за его «тихий и скромный нрав», и передал нам, рабочим, что хозяин, желая прекращения забастовки, согласен уплачивать получающим 30 коп.—32½ коп., а получающим 35 коп.—37½ коп. Рабочие согласились на указанных условиях прекратить забастовку. Были приняты обратно и уволенные прежде 4 товарища. Забастовка эта длилась 13 дней.

Через 2 дня нас троих, меня (Багдасара), Егора Попова и Амбрумова, зовут в полицию,—передает Акопов. За время забастовки кем-то из забастовщиков (так мы и не знали, кем) был сожжен на Николаевской улице, в доме Татосова, листовой склад. Рабочие решили отправить сначала одного меня, как более молодого. Я отправился в 3-й участок к приставу Мицкевичу. Сначала угрозами, потом увещеванием пристав стал добиваться, кто виновник поджогов. Я, действительно, не знал о поджоге. В течение недели меня вызывали по нескольку раз. Не добившись толку, пристав приостановил допросы, и дело было прекращено. Других рабочих больше не трогали. Летом 1892 года фабрика была закрыта на 15 дней из-за холеры. Хозяин фабрики прекрасно использовал этот факт. Открыв через 15 дней фабрику, он стал принимать всех рабочих сызнова, на новых условиях. Снова стали фигурировать расценки в 30-35 копеек, об обещаниях, данных во время последней забастовки, и помину не было, были выброшены за борт все те рабочие, которые принимали более или менее деятельное участие во время последней забастовки, в числе их были Попов, Амбрумян, умерший вскоре от туберкулеза легких, Багдасар и др.

О третьей крупной забастовке, забастовке 1895 года, активные участники ее—Гукасов, Аванесов, Акопов и др. рассказывают следующее.

В то время на фабрике уже было около 400 рабочих. Забастовка, действительно, как указывает губернский механик в своем докладе, началась с подростков-мундштучников, так как взрослые рабочие, главным образом мастера, боясь репрессий со стороны администрации, подговорили подростков бастовать, при чем, по показаниям рабочего Крикора Ованесова (подтверждаемым его товарищем, работающим до сих пор Восканом Гукасовым, поступившим на фабрику в 1882 г.), забастовка под-

ростков была начата после ряда угроз со стороны взрослых рабочих избить их, если они не начнут бастовать. Забастовка подростков неизбежно должна была окончиться остановкой работы всеми рабочими фабрики, в виду резкого разделения труда в ней, что указывалось и в докладе губернского механика. Конкуренция с подростками, сыгравшая известную роль в забастовке 1881 года, продолжалась, желание взрослых рабочих выжить из фабрики подростков еще не было изжито. Взрослые рабочие надеялись, говорят вышеназванные рабочие фабрики, что владельцы, после забастовки мальчиков, перестанут их принимать на фабрики, положение взрослых улучшится, им легче будет бороться за повышение ставок. А, в случае удовлетворения требования об устранении спецификации труда, о котором говорится в докладе губернского механика, удастся использовать труд подростков не владельцам фабрики, а самими мастерами.

Однако, как это видно и из доклада губернского механика, забастовка[1]) окончилась поражением рабочих. Администрация

---

[1]) Габо Ненваров, поступивший на фабрику в 1900 году, рассказывает, что аналогичная забастовка всех табачных фабрик в 1895 г. имела место и в Тифлисе. Она, как видно, началась месяцем раньше бакинской, и причина ее весьма характерна для стихийного периода рабочего движения.

Рабочие всех крупных фабрик (около 5000 чел., по его подсчету), возмущенные введением машин в табачном производстве и уменьшением, вследствие этого, заработка рабочих, решили коллективно обратиться к надлежащим властям, к наместнику, если окажется возможным, попросить его заставить владельцев фабрик убрать ненавистные машины, увеличить плату и не принимать подростков (в просьбе заключались угрозы уничтожить машины).

Предварительно они, через своих делегатов, обратились за советом к Ною Жордания, редактору газеты «Квали», пользовавшемуся в то время большой популярностью среди грузинских рабочих. Тот, узнав, в чем дело, посоветовал руководителям забастовки не отговаривать рабочих, желающих итти к наместнику за помощью. Такое массовое хождение к представителю высшей власти на Кавказе, по мнению Жордания, откроет глаза бессознательным рабочим и рассеет иллюзию, питаемую ими в отношении к государственной власти. Началось с раннего утра шествие 5.000 толпы к дворцу наместника. Когда выяснилось, что наместника нет в городе, он на даче в Коджорах, толпа забастовщиков направилась пешком по Коджорской дороге к нему. Каково было ее разочарование, когда по дороге забастовщиков остановили солдаты, которые, преградив толпе путь, предложили избрать делегатов и отправить их за желательными раз'яснениями к наместнику. Толпа выполнила требование офицера, предводительствовавшего отрядом.

В числе делегатов был рассказчик Пейкаров. Наместник сам делегации не принял. Рабочих (он не помнит, кого) принял один из его приближенных, который, выслушав делегацию, с усмешкой предложил немедленно вернуться в Тифлис, пока не поздно (пока не приняты меры пресечения); относительно же уборки машин он заявил, что о требовании рабочих доведет до сведения владельцев фабрики и посоветует убрать их, если это возможно.

фабрики выписала одну партию рабочих из России, а другую из Тифлиса. Но, как рассказывают вышеуказанные лица, участники забастовки 1895 г., администрация фабрики была сильно разочарована новоприбывшим составом рабочих. Эти последние оказались гораздо требовательнее и сознательнее рабочих старого состава. Когда они узнали, для какой роли их затребовали в Баку, началось пьянство и дебош на фабрике.

Требования, выставленные ими, оказались до того неприемлемыми для доморощенных фабрикантов, бр. Мирзабекянц, что эти последние сочли более выгодным для себя оплатить их обратный проезд и вернуть на место. Таким образом, большинство приезжих, русских и грузин, вернулось обратно. Среди оставшихся же оказались те элементы, которые впоследствии сыграли большую роль в деле вовлечения рабочих фабрики в социал-демократические кружки. Известно всем, что фабрика Мирзабекова позже стала цитаделью социал-демократии в городском районе.

Ф. Ризель.

Первые шаги.

Ко дню двадцатипятилетнего юбилея Бакинской организации мы полной ее истории дать не можем. Мы можем только отметить отдельные яркие эпизоды, но описать все события в хронологическом порядке, охарактеризовать наиболее выдающихся товарищей—еще не пришло время.

Да оно и понятно, ибо мы, подпольники, были поставлены в исключительно тяжелые условия: нас преследовали, при обысках отбирали все, сажали в тюрьмы, ссылали на далекий север. Таким образом, если кто и вздумал бы записывать все то, что делалось, то это попадало бы в руки жандармов; с другой стороны, такая фиксация существующего грозила бы провалом целой организации. В деле создания истории Бакинской организации могли бы сыграть большую роль непосредственные участники бакинского революционного движения, но таких осталось мало: одни ушли в могилу, другие разбрелись по всему свету.

В настоящей статье к двадцатипятилетнему юбилею Бакинской организации мне, как старому партийному работнику, проработавшему и постаревшему в партии с 1898 года, хочется поделиться некоторыми воспоминаниями о прошлом.

Но чем? Ведь, промежуток так велик, было так много и большого и малого, что не знаешь, на чем и остановиться: тут и кружки, и митинги под открытым небом, ночью, где-либо в степи, в горах, и организация нелегальных типографий, и демонстрации, и плети казаков,—всего и не упомнишь, а все в свое время было очень важным. Да и обо всем мои сверстники по работе писали, а потому я позволю себе остановиться на том, как я получил революционное крещение в Баку.

В 1898 году я служил на заводе Нобеля в Черном городе в качестве слесаря. Механиком на заводе был некто Чельман, человек резкий, грубый и придирчивый; я с ним особенно не ладил. В это самое время туда же, на завод Нобеля, поступил токарь Попов (москвич). Однажды, после получки, Попов пригласил меня выпить, от чего я не отказался. Зашли мы в какой-то

неважный духан, и, вот, тут Попов очень осторожно, издали, стал мне рассказывать, как трудно живется рабочему: с восходом солнца приходится итти на работу и с заходом солнца возвращаться домой. Семьи совсем не видишь, а если и увидишь ее, то после тяжелого 10-тичасового рабочего дня бываешь так утомлен и так разбит, что совсем не до нее; прижмешь к своей груди курчавую головку сынишки, и тебя охватывает не чувство радости, что ты имеешь сына, а, наоборот, чувство ужаса.... Неужели и ему придется вести полуголодное существование?

Долго, таким образом, беседовали мы с Поповым на разные темы, много открыл он мне нового, но многое было мне уже известно.

Прошло некоторое время, мы снова встретились с ним при старой обстановке, и на этот раз Попов был откровеннее: он мне сказал, что у меня хорошее отношение с мастеровыми, а, главным образом, с молодежью, и что эти отношения он, Попов, думает использовать, т. е. хорошо было бы, если бы я как-нибудь и где-нибудь собрал их вместе для общей беседы. Я не замедлил претворить мысль Попова в дело. Так был мною организован первый кружок. Вначале на занятиях этого кружка Попов, главным образом, касался материального благосостояния рабочих, а потом, когда почувствовал, что участники кружка уже прониклись сознанием ненормальностей положения, он указал, что улучшение своего материального положения и улучшение быта рабочих возможно лишь только при свержении царского самодержавия. В первый кружок, насколько мне помнится, вошли два брата Мазилкины, Конушев, Ульянов, Ларионов и др. Впоследствии из первого кружка вышел очень крупный работник и большой оратор Александр Мазилкин. Попов служил у Нобеля недолго, он скоро исчез с горизонта, но появились другие работники, которые руководили работой в кружках, т. т. Бокачев и Вано Стуруа.

Не довольствуясь кружковой работой, мы стали часто устраивать и массовые собрания нескольких кружков вместе, так называемые массовки. Вскоре революционная работа начинается и в Белом городе, на заводе Шибаева, где в это время работал Илья Новосильцев и Степа Горобченко. Начало было положено, а дальше мы видим в своих рядах т. т. Енукидзе, Джапаридзе, Ногина (работавшего в Баку под кличкой «Макар»).

Революционное движение в Баку разрастается необыкно-

венно быстро, и уже в 1902 г. бакинские рабочие демонстрируют свою силу на Парапете с красными знаменами. В процессе свержения царского самодержавия Бакинская организация сыграла не последнюю роль: она была зачастую авангардом революционных выступлений во всей России, она дала ныне Советскому Союзу таких крупных работников, как т. т. Сталин, Ногин и Енукидзе. Она имела таких выдающихся учителей, как Шаумян и Джапаридзе. Она выдвинула из своей среды рабочих: Стуруа, Горобченко и др.

Оглядываясь на прошлое, надо сказать, что путь был тернист, но и победа была велика. Мы добились освобождения рабочего класса от ига самодержавия, от ига капитала. Бакинская организация в день своего двадцатипятилетнего юбилея может с гордостью сказать, что в деле этого освобождения она шла плечо к плечу с пролетариатом Москвы и Ленинграда, и в любой момент готова пойти на освобождение трудящихся всего мира от угнетателей рабочего класса.

Вечная память товарищам, работавшим в Бакинской организации и погибшим за дело революции.

Слава тем, кто своим трудом и энергией создали из отдельных кружков мощную Бакинскую организацию.

Вацек.

Баку и Тифлис.

Рабочее движение и социал-демократические организации в Баку образовались позднее, чем в Тифлисе и в Закавказском железнодорожном районе.

В Тифлисе первые ячейки рабочих и социал-демократических организаций возникли уже с 1897-98 гг., между тем как в Баку они образовались только через 2-3 года.

Причины этого странного явления подробно приведены в моей книге «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе». Они кроются в первоначальном оторванном положении Баку, ибо тогда еще не обозначился приток пролетарских сил из России, и малосознательным составом рабочих, работавших тогда на бакинских предприятиях. В те времена в Баку работали, главным образом, персы и армяне. Персы очень дешево оценивали свой труд и были невежественны, чужды классовых понятий. Армяне, под влиянием националистической пропаганды также не принимали в первые годы близкого участия в классовых организациях, будучи увлечены идеями создания «независимой Армении».

Я сказал—странного явления, т. к. Баку, являясь центром крупной промышленности и многочисленного пролетарского населения, должен был бы играть роль авангарда рабочего движения. Однако, в первоначальный период эту роль играл Тифлис, где преобладало мелкое производство, но затем, сравнительно в кратчайший срок, классовое самосознание бакинских рабочих настолько окрепло, что Баку стал играть первенствующую политическую и экономическую роль в крае. Так или иначе, социал-демократический комитет в Тифлисе существовал с 1898 года, а в Баку он образовался впервые в 1900 г. С этого года Тифлис установил правильные связи с Баку, и некоторые из тифлисских товарищей перенесли свою деятельность в Баку. В их числе были Ладо Кецховели, Авель Енукидзе, рабочий «Дедушка» (Мелик). Прибывшие из Тифлиса товарищи и местные социал-демократы образовали в Баку ядро первых работников, в результате чего и возник руководящий орган органи-

зации. Уже на второй год организованной деятельности бакинских работников, т. е. с 1901 г., был отпразднован первомайский день. В демонстрации участвовало до 500 рабочих. Маевка состоялась вне города.

Кроме перечисленных товарищей, необходимо упомянуть еще Богдана Кнунянца (Радина), игравшего активную роль в рабочем движении. Он принимал деятельное участие в «студенческих беспорядках» в России и в 1900 г. приехал на Кавказ. Я познакомился с ним в это время.

Товарищи Голикова (слушательница бывших женских курсов), другой Кнунянц, Людвиг (брат первого), и Бекзадян Александр принимали видное участие в развивавшемся в Баку революционном движении. Состав Бакинского социал-демократического комитета так же, как и в Тифлисе, был интеллигентский.

Переходя к главным моментам рабочего движения в Баку и выступлениям социал-демократического комитета, нужно отметить следующие моменты

1. Первомайская открытая демонстрация, организованная в Баку 21 апреля 1901 г. социал-демократическим комитетом.

2. Открытая демонстрация 2 марта 1902 года; первомайская демонстрация 27 мая того же года, организованная с.-д. комитетом.

3. Всеобщая июльская демонстрация 1903 года, имевшая весьма важное значение для всего края.

Одновременно велась работа по изданию и распространению нелегальной литературы. Она получалась, главным образом, из Питера и из заграницы.

В Баку и в Тифлисе циркулировали нелегальные издания группы «Освобождение труда». В 1901 году покойным Ладо Кецховели была издана первая нелегальная социал-демократическая газета «Брдзола» («Борьба») на грузинском языке. Она имела скорее вид журнала. Вышло всего три номера. В том же году в Баку с.-д. комитетом была распространена прокламация о студенческих волнениях и демонстрациях в России.

Бакинский социал-демократический комитет распространял, кроме собственных изданий, газету «Искра» и «Южный Рабочий».

В то время когда в июле 1903 г. в Лондоне состоялся с'езд социал-демократической партии, в Баку, Тифлисе, Батуме и южных городах России (Одессе, Екатеринославе, Киеве и др.) вспыхнула всеобщая забастовка.

Зубатовщина, составлявшая царскую «рабочую партию» (т. н. «независимые рабочие партии») и проповедывавшая примирение классов и приспособление к самодержавному строю, провоцировала стачки, как это случилось, напр., в Одессе (в начале июльских событий). Организатором этой провокации был Шаевич, впоследствии обвиненный царским режимом и сосланный в Сибирь. Но всеобщая июльская забастовка на юге России, в особенности, на Кавказе, ни в коем случае не могла быть результатом провокации зубатовцев, как это думали некоторые политические деятели из социал-демократов (по этому поводу см. сочинение Мартынова «Рабочее движение и с.-д. на Кавказе», стр. 121, примечание).

Последующие годы я пробыл в ссылке, затем эмигрировал заграницу и вернулся оттуда после свержения самодержавия.

Караджян (С. Т. Аркомед).

Бакинская подпольная типография.

В течение 1901-1905 г. г. я, вместе с другими товарищами, работал в Бакинской подпольной типографии. Работа этой типографии прервалась лишь на два месяца в 1903 г., после ареста Кецховели, бывшего первым организатором типографии. После одной забастовки в 1900 г. трамвайных рабочих в Тифлисе, Кецховели, как организатор забастовки, вынужден был скрыться из Тифлиса. Он переехал в Баку и здесь достал средства на покупку одной печатной машины. Приобрести шрифты и остальное оборудование помогла Тифлисская организация социал-демократической партии, и вскоре типография начала свою работу.

Первоначально в типографии работало всего двое: Кецховели и я; через некоторое время, когда работы стало много и мы не могли справиться одни, к нам примкнул тов. Цуладзе.

Жили мы в том же помещении, где находилась наша типография, недалеко от Парапета, в тюркской части города, в доме одного перса.

Сношений с внешним миром мы почти не вели из-за боязни провалить типографию. Из партийных товарищей с нами сносились обычно Авель Енукидзе, да еще Кецховели виделся иногда с тов. Красиным, снабжавшим нас деньгами.

Печатали мы прокламации, листовки, перепечатывали некоторые номера «Искры», которую получали через тов. Красина, и издавали на грузинском языке газету «Брдзола» («Борьба»).

Газету редактировал сам Кецховели.

Молодой (ему тогда было 25 лет), умный, образованный, он был неутомим в работе, смел и, хотя являлся интеллигентом (бывший студент), был самоотверженно предан делу служения революции и интересам рабочего класса. Он погиб в 1903 году в Метехском замке, где часовой застрелил его за попытку снестись с арестованными гурийскими крестьянами.

До ареста Кецховели, в начале 1903 г., мы работали в типографии без перерыва, выполняя задачи Тифлисского Коми-

тета партии и поручения российских и заграничных организаций.

Полиция, которая никак не могла предположить, чтобы некоторые прокламации и номера «Искры» могли печататься в Баку, направляла все свои усилия на то, чтобы открыть организацию, доставлявшую в город революционную литературу.

Мы держались очень осторожно. Позже работавшие в Баку одновременно с нами товарищи Алеша Джапаридзе, Н. Сакварелидзе и др. даже не знали о существовании нашей подпольной типографии.

После ареста Кецховели мы из предосторожности временно прекратили работу и выехали в Тифлис.

Вскоре, однако, нас вызвал в Баку приехавший туда из России Семен Енукидзе. Предполагалось сорганизовать большую типографию.

Через некоторое время, действительно, была организована в Баку большая типография. В этой типографии работали: Семен и Авель Енукидзе, Ладо Думбадзе, я, Тодрия, Вано Стуруа, приехавшие из ссылки из Сибири Л. Мгеладзе с женой, Джаши и Екатерина Мгеладзе. Большая часть была из рабочих: Семен Енукидзе и Вано Стуруа—металлисты, Тодрия, Думбадзе, Джаши и я—наборщики.

Новая типография помещалась между вокзалом и Парапетом, имела секретный вход и была довольно прилично оборудована.

Работа новой типографии началась в середине 1903 года.

В этом году, как известно, в социал-демократической партии произошел раскол на памятном Лондонском с'езде.

Мы, ознакомившись с материалами с'езда, и все работавшие в типографии примкнули к мнению большинства Лондонского с'езда, т. е. фракции большевиков.

Наша типография стала выполнять задания исключительно этой фракции. Мы имели связь с Женевской организацией, где работал товарищ Ленин, и с Петербургской организацией. Нам присылали для печатания брошюры, листовки, прокламации. Перепечатывались и некоторые, особенно удачные номера «Искры».

Надо сказать, что мы поддерживали также связь с Тифлисским Комитетом партии, который до приезда Ноя Жордания был настроен большевистски. После приезда в Тифлис Жордания, Тифлисский Комитет перекинулся во фракцию меньшевиков, и мы прервали с ним связь.

После этого наша типография работала уже исключительно по заданиям центральных организаций, и литература, нами печатаемая, развозилась по всей России.

Бакинская организация партии имела свою собственную типографию, литература же, выпускавшаяся нашей типографией, экспедировалась в другие города. Экспедицией тогда у нас ведал товарищ Вано Стуруа. Все печатавшиеся у нас брошюры, листовки, прокламации и проч. выпускались в больших количествах, до 100.000 эклемпляров. Не было ни одной партийной организации в России, которая не снабжалась бы литературой, отпечатанной в нашей типографии.

Так продолжалось до 1905 года. За все время существования нашей типографии работа не прерывалась, и мы сумели сохранить нашу типографию до дней, когда партия получила возможность открыть легальную типографию в Петербурге, куда наша «бакинка» и была перевезена.

Вместе с типографией, в Питер переехали и работавшие в ней, а именно т. т.: Тодрия, Думбадзе, Семен Енукидзе (Авель Енукидзе был уже в Питере и он-то нас и выписал), Стуруа и я.

Но «свободы» манифеста 1905 года продолжались недолго и в 1906 г. мы вынуждены были вместе с типографией переехать в Выборг и снова уйти в подполье.

В других организациях Баку я не принимал участия, равно не принимал участия в демонстрациях и забастовках, бывших в тот период времени. Все события революционного движения того периода известны мне от других.

Я и все работники подпольной типографии вынуждены были, по понятным соображениям, вести почти затворническую жизнь, и поэтому мои воспоминания этого периода связаны исключительно с работой типографии.

И. Болквадзе.

Моя работа в подполье.

Я принимал участие в работах Бакинской организации периодами, а именно: в 1902 и 1903 гг., затем с половины 1904 до начала 1905 г., с 1909 по 1914 гг., с половины 1916 до начала 1917 г., и после революции я работал при Советской власти и нелегально при мусаватистах.

В первый период моей работы, в 1902 г., я был членом городского районного комитета.

При мне произошла первомайская демонстрация 1902 г.

По прибытии в Баку в начале 1902 г., я сразу же связался с партийными работниками четвертого райкома, т.т. Ульяновым, Варсемашвили, Ртвеладзе и Горобченко. Последний, который носил кличку «Степа» и которого я по фамилии тогда даже не знал, являлся главным работником в Черногородском районе.

По моем приезде в Баку, меня сразу же ввели в районный комитет. Работа наша заключалась в организации пропагандистских кружков и в печатании, главным образом, на гектографах, листков, связанных с повседневной жизнью рабочих и жизнью партийных организаций.

Очень часто работники нашей организации уезжали на лодках в Каспийское море, якобы, с целью прогулки. На самом деле, эти прогулки имели целью либо обсуждение каких-либо партийных вопросов либо, просто, таким образом велась пропаганда.

В марте 1902 г. был устроен за Волчьими Воротами на Биби-Эйбате грандиозный митинг. В митинге этом принимало участие от 15 до 20 тысяч рабочих всех районов. Этот митинг был организован нами с целью проверить силы нашей организации и наше влияние на рабочие массы.

С речами на митинге выступали т.т. А. Бекзадян, Соколовский, Г. Хундадзе и др. Я не помню таких горячих речей и призывов, как на этом митинге.

Когда начались речи, нас окружили казаки, в количестве около 500 человек, предводительствуемые уездным начальником. Когда рабочие заметили, что мы окружены, среди них нача-

лось, было, волнение, но руководители митинга обратились с призывом к рабочим не двигаться и не расходиться. В массах сразу наступило успокоение: никто не пытался бежать, все остались на своих местах и спокойно стали ждать дальнейших событий.

Уездный начальник обратился к предводителям, или, вернее, заправилам митинга, предложив немедленно распустить митинг и разойтись. Тогда ораторы обратились к рабочим с вопросом, желают ли они слушать своих ораторов и продолжать митинг или они согласны подчиниться требованиям полиции. Рабочие были в настолько приподнятом настроении, что, как один, высказались за продолжение митинга, несмотря на то, что митинг был окружен казаками и каждую минуту могло произойти кровавое столкновение. Митинг продолжался. Ораторы снова обратились с речами к рабочим. Говорили сразу в нескольких местах и на нескольких языках, русском, тюркском и армянском. Распоряжавшийся казаками уездный начальник, видя, что одними приказами ничего не сделаешь, и не решаясь сразу прибегнуть к оружию, дал 15 минут сроку, для того чтобы речи были закончены и рабочие начали расходиться. Но речи не кончались, срок был возобновлен несколько раз, и речи ораторов длились еще 2-3 часа, после чего только митинг об'явлен был закрытым. Надо отметить, что, по крайней мере, половина, если не большая часть речей ораторов была обращена к казакам. Ораторы говорили, что казаки—тот же трудовой народ, так же терпят от полицейского режима и эксплоататоров, как и рабочие, что интересы всех трудящихся, а, стало быть, и интересы простых казаков, рабочих и крестьян совпадают и требуют борьбы с общим врагом и пр., и пр.

По окончании митинга, рабочие по знаку, данному ораторами, начали мирно расходиться. Полиция этим воспользовалась и произвела аресты, стараясь задержать вожаков. Я помню, как были арестованы некоторые из выступавших товарищей, но помню также, как рабочие наскоро переодели Г. Хундадзе и скрыли его в своей толпе.

Митинг этот, как сказано выше, являлся смотром наших сил и оценкой силы нашего влияния на рабочие массы. Смотр этот показал, что влияние наше сильно и что можно дерзнуть на более серьезное выступление. Мы начали усиленно готовиться к первомайской демонстрации.

Утром 1 мая 1902 г. со всех районов Баку к Парапету стали стекаться рабочие. Мы подняли знамя на Парапете и

предполагали двинуться по Николаевской ул., через Садовую и Набережную, мимо здания городской управы. Знаменосцем во время этой демонстрации был я. Наше знамя было красное, и на нем было написано: «Да здравствует первое мая! Да здравствует пролетарский праздник!». Это знамя, между прочим, после демонстрации было нами сохранено и долгое время находилось в делах бакинских партийных организаций.

Демонстрация двинулась по Николаевской ул. Никто из рабочих не был вооружен. Полиция приняла уже меры к противодействию, но т. к. демонстрация была организована очень хорошо и началу шествия полиция воспрепятствовать не сумела, демонстрантам удалось пройти по Николаевской улице. Но на углу Персидской ул. полиция пересекла демонстрантам дорогу, и началась свалка. Полиция стреляла, правда, не в демонстрантов, а вверх и в землю. В первых рядах нашей демонстрации шли наши боевики, т.т. Кочетков, Ртвеладзе, два брата Гарешвили, братья Блиновы и др. Несмотря на сопротивление головной части колонны, полиции, все-таки, удалось рассеять безоружную массу, и демонстранты вынуждены были разойтись около 11 час. дня. Руководители демонстрации тут же устроили летучее заседание и решили вновь организовать демонстрацию, оказав, в случае необходимости, сопротивление полиции. В 4 ч. дня на Большой Морской собрались демонстранты и, двигаясь по Телефонной и Малой-Морской, вышли на Балаханскую. Невдалеке от полицейского участка демонстрантам преградил путь отряд полиции, во главе с участковым приставом Гогоберидзе. На этот раз многие рабочие были уже вооружены, кто палками, кто ножами, кто револьверами, а кто, просто, нес в руках камни. Никто из рабочих не стрелял, но один из демонстрантов — Микеладзе — бросил камнем в пристава и попал ему в голову. Пристав сейчас же стал убегать, произошла свалка, и полицейским довольно сильно в этой свалке досталось. Самого пристава настигли у дверей его квартиры и изрядно поколотили. Тут произошла довольно курьезная сцена. Дверь квартиры пристава растворилась, оттуда выбежала его жена, которая обратилась к рабочим с просьбами о прощении ее мужа, а мужу сказала: «Я тебе говорила — не ходи. Вот, поделом тебе и попало».

После этой свалки демонстрация расчистила себе путь и вышла на Балаханскую улицу. Демонстранты шли очень стройно и двигались по направлению к вокзалу. Недалеко от вокза-

ла на пути демонстрации вновь стал отряд, на этот раз уже жандармов. Началась новая свалка, во время которой один городовой был убит, а демонстранты рассеяны.

Надо сказать, что в этой демонстрации приняло участие от 25 до 30 тысяч рабочих.

В этот период своей деятельности в Баку я жил со своим братом Вано. Ему было очень трудно работать, т. к. он был под надзором полиции. Поэтому, по предложению Авеля Енукидзе, Вано перешел на работу в центральную нелегальную типографию.

Когда Вано исчез с поля зрения полиции, она привязалась ко мне с требованием указать, куда он делся. Ко мне применяли даже пытки во время ареста, но я не сказал ничего, отзываясь полным неведением, хотя я и видался с Вано систематически в одном из духанов по Воронцовской ул.

Чтобы не провалить себя и, тем самым, нелегальную типографию, а мне избавиться от преследования полиции, Вано посоветовал мне переехать в Батум, что я и сделал.

Этим заканчивается первый период моей работы в Бакинской организации.

В этот период времени из работников, которых я встречал, я помню следующих.

Прежде всего, я связан был с председателем Бакинского Комитета, тов. Абрамом [1]). Это был хороший товарищ, очень подготовленный работник. Он постоянно снабжал нас литературой для нашего района и, будучи сам интеллигентом, неизменно заботился о подготовке рядовых работников, подбирая нам литературу и давая советы для самообразования.

В то время в Бакинской организации находился рабочий Вишневский, модельщик по профессии. Это был один из наиболее подготовленных рабочих, и ему давались очень ответственные поручения. Он составлял большую часть печатавшихся нами прокламаций и писал даже и для Бакинского Комитета.

Старейший член райкома, Георгий Ртвеладзе, постоянно долбил рабочим одно и то же, а именно, что они должны быть членами партии, что без партии нет борьбы, что бороться можно только организованно, что только партия может избавить от эксплоататоров и прочее. Он как бы психологически

[1]) Эйзенбет (Прим. ред.).

подготовлял рабочих к вступлению в партию. И, действительно, он умел вовлечь людей в партийную работу. Преданность его партии и партийным интересам была безгранична. Сам литейщик по профессии, тов. Ртвеладзе постоянно работал в Баку, и рабочие знали его, привыкли к нему и доверяли ему.

Варсемашвили—рабочий литейщик—был прекрасным товарищем во всех отношениях. Он был очень горяч и большой энтузиаст. В 1917 г. он умер от туберкулеза.

Братья Гарешвили отличались особой смелостью. Во всех стачках и демонстрациях они были в числе первых. Николай Гарешвили был убит в 1918 г. в Тифлисе меньшевиками, во время демонстрации в Александровском саду.

Лучшим организатором и работником среди нас был Степа Горобченко. Он работал на самом большом механическом заводе Нобеля в качестве слесаря-токаря. Он был одним из лучших передовых рабочих, убедительно и толково говорил и был прекрасным организатором. Я не помню его ни одной минуты без дела. Он или был на работе, при чем работал хорошо и добросовестно, или он бежал куда-нибудь на собрание, или с собрания, или он шел куда-нибудь для агитации и пропаганды, или читал,—одним словом, он каждую минуту был занят, и в бездействии его никто не мог видеть.

Горобченко пользовался всеобщей любовью и большим авторитетом среди рабочих.

Ульянов—металлист, слесарь и типографский мастер. Ульянов имел особую способность быстро ориентироваться во всяком вопросе и серьезно подойти к каждому делу, сразу разбираясь, что является основным и коренным в данном деле. После реакции он на очень непродолжительное время отошел, было, от прямой линии революционера-социалиста, но потом быстро оправился и уже не сходил с раз избранного пути.

В Батуме я проработал месяцев восемь, но затем был арестован и выслан под надзор полиции в Астрахань. До Астрахани я не доехал, сбежав в пути, и вернулся в Баку, вновь заявив о желании работать в Бакинской организации. В Баку я стал разыскивать своего брата, но узнал, что он находится в отпуску. Тогда я связался с Людвигом Кнунянцем, который мне предложил поступить в нелегальную типографию. Я дал согласие и поступил в типографию Бакинского Комитета. Это было в 1904 г.

Весь второй период моей деятельности в Баку, с середины 1904 г. и до начала 1905 г., протек в этой подпольной

типографии. В типографии нас работало в начале всего 2 человека. Нелегальную типографию мы оборудовали хорошо. Компаньоном моим был один рабочий-гуриец, фамилии которого я не помню. В то время была очень сильная конспирация, и поэтому ни с кем, кроме Людвига Кнунянца, мы не встречались. Было условлено, что один из нас выходит только ночью для сношений с Кнунянцем. Работы было много, т. к. было время, когда развивалось забастовочное движение. Материальное положение наше было очень тяжелым: Кнунянц снабжал нас по 50 коп. на два дня, но бывали случаи, когда и этой суммы он достать не мог, и мы иногда просто голодали.

Так как справиться вдвоем со всей работой нам было трудно, к нам вскоре перевели тов. Тодрия, а руководство типографией перешло к Ашоту Хумаряну. Бакинский Комитет дал задание расширить работу. Станок у нас был ручной и маленький, но, получив задание Бакинского Комитета, мы приспособились таким образом, что одновременно можно было печатать двойной набор.

В это время к нам в типографию в целях конспирации поступила Като Итриева. Мы снимали квартиру таким образом, будто бы Итриева является моей матерью, а остальные работники типографии являются нашими квартирантами. Жили мы на Тазапирской ул., в доме Гаджиева.

В квартире находилась и наша типография. Называли мы свою типографию «Скоропечатня Бакинского Комитета».

Тов. Тодрия был квалифицированным типографским рабочим. Я вскоре выучился у него набирать и печатать достаточно хорошо, так что от него не отставал. Шрифт у нас был хороший, и работа в типографии шла успешно.

Однако, мы заметили, что помещение наше выследили. Из предосторожности, мы временно прикрыли типографию и перенесли ее на другую квартиру, на Старо-Почтовую улицу.

С Бакинским Комитетом мы связаны были через Ашота Хумаряна. В отсутствие Хумаряна, вместо него, сносился с нами член комитета Н. И. Соловьев, который являлся одним из руководителей комитета.

Режим мы ввели такой же, как и в центральной нелегальной типографии. Конспирация была полная. Ежедневно, чтобы не вызвать подозрений у домохозяина и соседей, я делал вид, что ухожу на работу. Кроме руководителей, к нам доступа никто из членов партийных организаций не имел и мы ни с кем не сносились.

Руководители—Хумарян и Соловьев — приходили к нам в строго определенное время.

Только один раз конспирация была нарушена неурочным посещением самого Соловьева. После событий 9 января в Петербурге к нам явился Соловьев в 4 часа утра. Мы, ничего не зная, думали, что это полиция, и, когда увидели Соловьева, накинулись на него с упреками. Но оказалось, что он пришел с оригиналом прокламации о январьских питерских событиях и прокламацию эту надо было отпечатать срочно. В присутствии Соловьева прокламация была набрана, отпечатана, и он же унес отпечатанные листки.

В начале 1905 года, вскоре после 9 января, я получил от Семена Енукидзе предложение работать в Московской центральной типографии. При этом С. Енукидзе взял с меня слово, что я никому решительно, в том числе и своим сотоварищам по работе, не скажу, куда и зачем я уезжаю. «Если ты кому-либо скажешь о цели твоего от'езда,—сказал он,—то тогда ехать тебе не нужно».

Это поставило меня тогда в затруднительное положение.

Я об'явил, что уезжаю, и сколько товарищи ни настаивали на том, чтобы я указал причины от'езда, я ничего не сказал. У т. Тодрия это вызвало даже сомнение во мне. Но перед самым от'ездом он как-то, видимо, решил, что я не могу затеять ничего плохого для партии, сердечно со мною простился и мы даже вместе снялись (фотография эта у меня сохранилась).

Таким образом, я переехал в начале 1905 года в Москву, где работал в центральной подпольной типографии. Из Москвы я попал в Петербург, затем в Финляндию и вернулся вновь в Баку лишь в 1909 г. Из воспоминаний о товарищах, с которыми мне приходилось сталкиваться, мне особенно запомнились встречи с тов. Соловьевым.

Этот человек произвел на меня самое глубокое впечатление и оказал на меня большое влияние. Ему я обязан первым революционным воспитанием, он сообщил мне преданность делу революции, любовь к партии, он старался сделать из нас, молодых революционеров, честных и рыцарски преданных делу работников. Соловьев служил статистиком в совете с'ездов нефтепромышленников. Он зарабатывал недурно, но жил крайне бедно, вернее, нищенски, отдавая все на дело революции. Казалось, он не имел никаких потребностей, кроме потребности в

книгах. В его комнате не было никакой почти мебели и видны были только книги и пузырьки из-под лекарств.

Для нас, молодых работников, Соловьев являлся учителем и воспитателем. Двумя-тремя словами он умел сказать сто́лько, на что другому потребовалось бы произнести целую речь. Он постоянно снабжал нас литературой, давал советы и указания, пользуясь каждым случаем, каждым свиданием.

В конце каждой беседы, чего бы она ни касалась, он неизменно спрашивал: «А что вы теперь читаете? Над чем работаете?» Затем следовали указания, советы. Он будил наши мысли и явился для многих, с кем сталкивался, действительным и непосредственным учителем.

Лицом он походил на Белинского, и я называл его Виссарионом.

После февральской революции Соловьев несколько отошел от нас и даже после Октября продолжал с нами спорить и не соглашался по некоторым вопросам. Но теперь он убедился в нашей правоте и вновь примкнул к нам.

Тяжелым воспоминанием этого периода моей жизни в Баку являются дни армяно-тюркской резни в начале 1905 года.

Однажды, ранним утром, я отправился с корректурой к Ашоту Хумаряну, который жил тогда на Спасской улице.

На обратном пути я наткнулся на углу Почтовой и Спасской ул. на отряд вооруженных мусульман, которые, приняв меня за армянина, захватили меня и намеревались убить.

Я старался доказать, что я—грузин и к их распре никакого отношения не имею. В доказательство я ссылался на своего домохозяина-тюрка и просил свести меня к нему и проверить. Надо сказать, что у нас с домохозяином были хорошие отношения и мы бывали даже друг у друга в гостях. Сначала они не соглашались, но, наконец, «командующий» отрядом отдал какое-то распоряжение и несколько вооруженных повели меня по направлению к дому, где я жил. Когда меня уже подвели к дому, навстречу выбежал мой домохозяин с криками: «Гурджи, гурджи» и бросился ко мне с распростертыми об'ятиями.

Моя стража отнеслась к домохозяину с большим почтением, и меня немедленно отпустили. Я был спасен.

Однако, я продолжал быть в тревоге, т. к. в квартире нашей проживал работавший у нас в типографии наш товарищ, по имени Ерванд (фамилии не помню). Я очень опасался за его

участь и, в связи с этим, за участь всей нашей типографии и спрашивал домохозяина, как нам быть. Тот меня заверил, что в его доме Ерванду ничего не угрожает.

Резня продолжалась целую неделю. Мы оказались в центре событий, т. к. наш домохозяин, как выяснилось, принимал деятельное участие в этой резне. Его лавка, находившаяся в том же доме, служила складом огнестрельных припасов, которыми снабжались мусульманские отряды. За эту неделю в лавке были опустошены две сорокаведерные бочки патронов, за которыми беспрерывно являлись вооруженные люди.

Наш домохозяин занимался снабжением отрядов, брат же его был чем-то вроде командующего несколькими отрядами. На четвертый день резни брат домохозяина был убит. Это опять встревожило меня. Я стал снова опасаться за участь Ерванда, боясь, как бы домохозяин не вздумал мстить за убийство своего брата выдачей Ерванда. Я пошел к домохозяину узнать, как он относится к последним событиям. Он заявил, что ничего особенного не находит в том, что убит его брат, сам убивший до 200 армян. «Что же делать?»—сказал он, но прибавил, что за участь Ерванда, проживающего в тюркской части города, ручаться не может и предложил вывести Ерванда в армянскую часть.

Он обещал содействовать этому. Мы положились на его слово, и, действительно, Ерванда ночью удалось переправить в армянскую часть в сопровождении вооруженного отряда мусульман, меня и нашего домохозяина.

Как сказано выше, попал я вновь в Баку в 1909 году.

Однако, я не сразу остался в Баку на работе. Я явился к секретарю профессионального союза типографских рабочих и просил о назначении меня на работу на впервые привезенные в Баку линотипы[1]). Однако, мне в этом было отказано, т. к. я не имел необходимой, по мнению тов. Хачиева, квалификации. Зная, что в Тифлисе также есть линотипы, я переехал в Тифлис, но в день приезда был арестован на квартире своего двоюродного брата, у которого я остановился. Охранники, следившие за квартирой моего двоюродного брата, приняв меня за террориста Замтарадзе, который у него одно время проживал, ночью ворвались в квартиру, напали на меня, сильно меня избили и доставили в охранку. Без всякого следствия и без

[1]) Наборные машины. (Прим. ред.).

пред'явления ко мне какого-либо конкретного обвинения, меня посадили в тюрьму, из которой я был освобожден, благодаря случаю. Кажется, по случаю дня пасхи губернатор делал обход тюрем и опрашивал заключенных о претензиях. Я обратился к нему, изложив вкратце свое дело. Он немедленно распорядился установить причины моего ареста и, в случае, если нет никаких оснований для него, — освободить меня. Действительно, через несколько часов после этого я был освобожден.

Из Тифлиса я отправился в Кутаис, где пытался поступить на военную службу, и после некоторых скитаний в конце 1909 года вернулся в Баку.

Здесь я попал на работу через одного из наших лучших работников и старого члена партии, тов. А. М. Стопани, в бакинское городское самоуправление. Там же служил тогда Буду Мдивани.

Работа наша в то время заключалась, преимущественно, в устройстве культурно-просветительных организаций, кооперативов и проч. По партийной линии работа велась слабо.

В это время сделались очень частыми провалы. Впоследствии мы установили, что этими провалами мы были обязаны двум провокаторам, находившимся в то время в нашей среде, а именно: Серегину и Бакрадзе. Тогда мы этого не знали, но для нас было ясно по характеру провалов, что провокатор проник в организацию очень глубоко. Это сильно затрудняло нашу работу.

Наиболее серьезным событием в течение моей работы в Бакинской организации в период до моего ареста в 1914 году и высылке в Нарымский край была забастовка 1914 г.

Забастовка эта произошла перед самым началом империалистической войны.

После забастовки 1913 г. и произведенных арестов и провалов, наступило некоторое затишье. В Баку в то время находились Филипп Махарадзе, который работал так же, как и Буду Мдивани, в городском самоуправлении, Соловьев, Атарбеков, Стопани, выпущенный только что из тюрьмы Шаумян, Карташев и другие. Экономическое положение рабочих было очень тяжелым, и настроение среди них было такое, что их легко было повести за собой. Было созвано организационное собрание, на котором присутствовали перечисленные товарищи, и мы решили готовиться к забастовке. Подготовка заняла у нас 2 или 3 месяца, и оставалось назначить только день и час начала за-

бастовки. Нами были созваны два стачечных комитета, которые должны были механически сменить друг друга в случае ареста членов одного комитета, который, мы, разумеется, предвидели. Активное участие в подготовке этой забастовки принимали, кроме меня, т. т. Кванталиани, Дорофеев, Карташев и Мелкум Григорьян, впоследствии расстрелянный в 1918 г. Бичераховым в Моздоке, где он был захвачен с пакетом, который пересылал Шаумян на Северный Кавказ Сергею Кавтарадзе.

Забастовка была настолько хорошо подготовлена, что, несмотря на провалы и аресты руководителей до начала и в самый день ее, она все же произошла и была одной из наиболее значительных и продолжительных забастовок, какие происходили, вообще, в Бакинском районе.

В назначенный день и час вся бакинская промышленность стала, как по мановению волшебной палочки, за исключением одного завода Зубалова, где рабочие были развращены, как мы тогда называли «зубаловскими бешкешами». Их не удалось вовлечь в забастовку сразу, но через несколько дней после забастовки они были насильно сняты с работы, и Зубаловский завод также остановился.

В связи с этой забастовкой, в Баку приехал игравший тогда большую роль в наместничестве генерал Джунковский. Начались аресты. В первую голову арестовали первый стачечный комитет, но и после арестов забастовка продолжалась и, несмотря на то, что первые руководители были арестованы, длилась полтора месяца. Квантальяни был арестован до забастовки, меня арестовали в самый день начала забастовки, затем к нам в тюрьму привели Дорофеева, потом остальных организаторов, а затем массами начали арестовывать рядовых забастовщиков. Обе бакинские тюрьмы—Баиловская и Шемахинская—были переполнены до-нельзя. В тюрьмах, рассчитанных приблизительно на 1.000 человек, помещалось тогда свыше 2.000, и люди помещались и во дворе, и в бане и проч.

Требования, которые были пред'явлены забастовщиками, были экономического и правового характера. Всего было выставлено 29 требовательных пунктов, большая часть которых касалась вопросов экономических, как-то: заработной платы, жилищных условий и прочее, но были включены и требования политические—свобода союзов, собраний, печати и др.

После произведенных арестов рабочие сняли свои требования, оставив лишь одно—выпустить арестованных. Нефте-

промышленники многие экономические требования рабочих выполнили, выпустили также и многих из арестованных, но наиболее ответственных организаторов, в том числе меня, Карташева, Мезинцева, Довлатова, Мелкума Григорьяна, Литвинова и др. выслали в Нарымский край.

Проведенная забастовка по организованности и мощности была очень внушительна.

С 1914 года по 1916 я пробыл в ссылке в Сибири; в 1916 году я бежал из ссылки и вновь вернулся в Баку.

Во время войны бакинские промысла были милитаризованы, и пролетариат был загнан. Власть обращала особое внимание на Баку, т. к. топливо для всевозможных военных заготовок имело огромное значение, и положение Бакинского района очень занимало правительство.

По приезде в Баку я нашел, что никакой партийной работы не велось. Проездом через Москву я собрал кой-какие материалы: мне сообщили настроение масс, тяготившихся войной, и я знал, что недовольство в это время достигло своего кульминационного пункта.

Поэтому, по приезде в Баку, я обратился к активным товарищам, и мы собрались в количестве 25 человек. В их числе я помню: Варсемашвили, Ртвеладзе, Гарешвили, Хренова, Фиолетова. Я поделился своими впечатлениями, развивая ту мысль, что, поскольку мы стоим на точке зрения пораженчества, мы должны пытаться путем забастовки лишить правительство топлива. Собравшиеся товарищи находили, что выступать с политическими требованиями в настоящий момент невозможно, но так как экономическое положение рабочих невыносимо, то можно будет организовать экономическую забастовку. Понимая, что всякая экономическая забастовка, в конечном итоге, является политической, я согласился на это. Мы выработали требования, организовали делегатские собрания на заводах и начали подготовку забастовки. Подготовка отняла от полутора до двух месяцев и в январе 1917 года забастовка разразилась. Во время этой забастовки я и некоторые другие товарищи, среди которых я вспоминаю Зевина, были арестованы. После этих арестов начались массовые аресты рабочих, которых потом посылали на фронт. Тогда бастующие сняли все свои экономические требования и стали требовать освобождения арестованных и возвращения с фронта угнанных туда товарищей.

Правительство пошло на уступки, многие требования были удовлетворены, и всех посланных на фронт вернули. Освободили также и многих арестованных. Меня, однако, продолжали держать в тюрьме. Тогда меня известили о том, что все требования рабочих удовлетворены, и осталось одно лишь требование о моем освобождении, которое правительство не выполнило. Я отвечал, что мне в тюрьме не видно, как надо поступить, и что если забастовщики найдут, что на требовании о моем освобождении не стоит настаивать, то лучше так и поступить. Забастовка была на этом окончена, продолжившись всего около 3 недель, а я был вновь выслан в Сибирь.

До места, однако, я не доехал, т. к. произошла февральская революция.

Георгий Стурua.

На работе в Баку.

Уволенный с Екатерининской жел. дор. за августовскую забастовку 1903 г., после запроса у бакинцев о работе, приблизительно, в сентябре-октябре получил от В. А. Шелгунова ответ: «Приезжать немедленно, работа найдется.»

Сборы в таких случаях не долги. На вокзале в Баку я был встречен Шелгуновым и при его же помощи нашел комнату в крепости.

В приезд мой в Баку на Биби-Эйбатских промыслах горели два нефтяных фонтана и ряд хранилищ в несколько миллионов пудов нефти. Пожар тянулся 30 дней. Все принимаемые к ликвидации пожара меры не давали желанного результата.

Все 30 дней пожара город не знал ночи. Вся жизнь на промыслах и кругом замерла, каждый думал, прежде всего, о спасении своего района.

Меня полагали устроить на электрическую станцию Биби-Эйбата, но случившийся пожар перевернул все наши надежды, и на станции, питавшей энергией и местные промысла, предполагалось сокращение штатов. Сидеть без работы—перспектива не из приятных, тем более что безработица давала себя чувствовать. В это время подготовлялась статистическая работа по учету населения, и мне удалось записаться на один из районов, но перед самым учетом, чуть ли не накануне, пришлось оставить Баку. Так как надежд на подыскание работы в Баку не было, то мне предложили ехать в Тифлис на постройку керосинопровода Закавк. желез. дороги. Прожил я на этот раз, таким образом, в Баку около одного месяца. Партийной работы не вел; познакомился с Аллилуевым С. Я., Языковым и др. сотрудниками на электростанции Биби-Эйбата.

Через некоторое время, устроившись на работе, я был вызван в жандармское управление, стали меня «тянуть» по старым делам, а затем я был снят с работы.

Спорить в таких случаях не приходилось. Я быстро уложил свое имущество и вновь перекочевал в Баку.

Это было в марте 1904 г. Почти немедленно я поступил на службу в гор. управу пом. контролера по учету воды и, в то же время, монтером по проверке и ремонту водомерных аппаратов. Должность эта до меня выполнялась Аллилуевым С. Я., который, с моим поступлением в гор. управу, перевелся на службу в Биби-Эйбат, на электрическую станцию.

Вторичный приезд в г. Баку был много удачней первого. Без особого труда и в короткое время я успел познакомиться с рядом партийных товарищей. Моя квартира почти с первых же дней получила название «конспиративной», но было бы правильней ее назвать квартирой «приюта товарищей». В то время приходилось сталкиваться с Аллилуевым и его семьей, Шелгуновым В. А., Языковым, Джапаридзе Алешей, прибывшим из Тифлиса, Савиным, Михаилом (грузин), Вульфовичем, Сашей, Сверчковым, Федей и его братом и др.

Тут как-то невольно пришлось втянуться в техническую работу—подчистку старых паспортов и переделку их на новые. После короткого опыта мне удалось усовершенствоваться в производстве различных печатей на бланках, и ко мне повалили товарищи. Затем я развил печатание фотографических карточек.

Мною было отпечатано, наклеено и выпущено до сотни открыток революционного содержания: 1) Муравьев-вешатель на груде костей, 2) Марсельеза, 3) Николай II, 4) Гапон, 5) неистовства казаков на Казанской площади в Петербурге во время демонстрации и др.

Мне приходилось целыми вечерами работать: то по печатанию, то по проявлению, закреплению, просушке и пр. Иногда в этой работе мне помогал молодой Вайнштейн.

Ко мне на квартиру в'ехали следующие товарищи, только что вырвавшиеся из Пермской тюрьмы: 1) Бусыгин Николай, 2) его брат, 3) Вошева Екатерина, 4) кажется, Янковский. Немного позже приехал, но жил очень мало их земляк, окончивший духовную семинарию, Пятницкий. Спустя некоторое время он поступил офицером на военную службу. Припоминаю, как все, общими усилиями, помогали ему собрать средства для обмундирования, но после того, как. Пятницкий смог одеть себя по форме, ему пришлось нашу квартиру посещать по вечерам, так как ему было неудобно поддерживать открыто связь с нами. Бусыгин и его товарищи все были без работы, сильно материально нуждались, но были все время завалены партийной ра-

ботой. Бусыгин являлся военным организатором, часто отлучался для печатания воззваний на гектографе; иной раз я переписывал оригиналы химическими чернилами.

В это же время приехал в Баку из Москвы (нелегально) Абрамов, затем студент-киевлянин Скворцов; оба жили у нас, хотя редко бывали дома.

В Баку в это время жил Флеров, Николай Михайлович, мой знакомый по архангельской ссылке. Мы все время поддерживали с ним самые дружеские отношения и тесную связь. Личность Ник. Мих. Флерова была настолько обаятельна, что стоило с ним раз поговорить или столкнуться, чтобы в дальнейшем с радостью желать следующей встречи. Он служил в статистич. бюро нефтепромышленников, и вокруг него группировалось ядро старых партийцев—там был Стопани А. М., Фролов и др. У Флерова можно было встретить Гуковского, числившегося в то время бухгалтером Бакинской городской управы.

В соседнем с нашим доме жил Мейер А. А. с семьей, также наш старый знакомый по ссылке.

К нему частенько заглядывал и Флеров и др., затем появился Морозов Мих. Влад., приехавший из Самарканда (редактор самаркандской газеты).

В одно утро Мейера арестовали. Мы были настороже, но в тюрьме Мейера продержали всего несколько дней.

Частенько ко мне на квартиру доставлялось продовольствие и через товарищей передавалось в тюрьму заключенным. Вдруг, на одной неделе три случая: 1) вышедшего от нас товарища, нагруженного консервами для тюрьмы, полиция задержала в городе; 2) я отвозил на ст. Баку корзину с вещами В. А. Шелгунова, которую уговорился сдать Флерову Н. М., взявшемуся доставить последнюю в Питер Шелгунову. По дороге, от самого дома до вокзала, меня провожал «шпик», и едва я успел поставить корзину на вокзале, как подошедший жандарм предложил мне эту корзину доставить в жандармское. Я отказался. Тогда жандарм поручил отнести носильщику. В жандармской меня вновь просили открыть замок корзины, но когда узнали, что у меня нет ключа, открыли сами замок, осмотрели все вещи: оказалось там одно носильное белье и пустое письмо. После осмотра мне отдали корзину и пришлось ее нести самому; 3) тов. Михаил (грузин), получив от меня партию готовых карточек (несколько сот штук), уложенных в простой узел, должен был доставить карточки для распределения, но

едва он вышел из дому, как дежурный полицейский тут же схватил его за узел и спросил: «Что несешь?» Михаил ответил: «Картины». Полицейский, чтобы лучше рассмотреть, направился к фонарю. Михаил в это время от него убежал.

После указанных случаев, дня через 2-3, ко мне пришли с обыском. Вечером, часов в 12, когда, по обыкновению, у нас в квартире кипела работа, внизу послышался стук в дверь. Бусыгин в это время печатал на гектографе, ему помогали Вошева Екатерина, Абрамов и Скворцов; я же был занят приготовлением карточек. На первый стук мы не обратили внимание, но послышался другой, продолжительнее и сильнее.

В секунду все стало ясно, и мы бросились за уборку и уничтожение компрометирующих нас бумаг и вещей. Бусыгин, прежде всего, убрал в потайное место, на печку, документы, затем свернул в пачку только что отпечатанные воззвания (весом до 9 пуд.) и выбросил из окна вниз (мы жили на Верхне-Кладбищенской ул., на горе). Затем он свернул в трубку гектографскую массу и бросил ее вслед за воззваниями. Я в это время укладывал ценные негативы в тайник, устроенный в фотографическом аппарате, уничтожая только что проявленные позитивы пачками. Время, между тем, шло своим порядком: если мы спешили «почиститься», то не менее спешили жандармы ворваться к нам в квартиру. Убедившись, что им дверей не откроют, а двери здоровые, они начали их выбивать поленьями: выбили дубовую дверь в нижнем этаже, поднялись на 2-й этаж к другой и опять повторили тот же опыт. Спустя несколько минут и вторая дубовая дверь дала щель, и мы увидели несколько жандармских рож в выбитой щели. Скоро показались мундиры— еще минута, и я бросился к двери открывать. Едва успел я это сделать, как целая свора шпиков бросилась за мной по комнате и в скором времени все было заполнено жандармами. Весь дом был оцеплен и поставлен на ноги, и вся литература, которая была выброшена за окно, попала в руки расставленных постов. Документы, находившиеся у нас в тайнике, найдены не были.

Под самое утро был составлен протокол и, допросив всех нас поодиночке, жандармы повели нас в тюрьму. Взяли тогда Бусыгина, Скворцова, Вошеву, Абрамова и меня. Из компрометирующих вещей и документов, отнятых у нас, оказались в руках жандармов: 1) револьвер «Смит и Вессон», 2) пачка воззваний, только что отпечатанных, 3) гектографская масса и 4) два

фотографических аппарата, из которых один с потайным дном, где находились ценные негативы.

Не обошлось дело без курьеза: Бусыгин и я, оба приняли на себя вину и лишь после в тюрьме договорились, что все возьмет на себя Бусыгин, я же—простой хозяин квартиры.

Продержали меня в то время в тюрьме всего несколько дней. Спустя неделю отпустили нелегальных Абрамова и Скворцова, а затем, спустя два месяца, и остальных, Бусыгина и Вошеву, но последних «попросили» оставить гор. Баку и они по освобождении из тюрьмы уехали.

Добавлю, что, вследствие настойчивых просьб моих, жандармское управление из арестованных у меня двух фотографических аппаратов вернуло мне один с потайным дном, но, когда я стал осматривать ценные негативы, то оказалось, что их оттуда вынули.

После вызывали меня на допрос и—ослы!—пред'являли ряд обвинений, показывали фотографические карточки, отнятые на улице в узле у Михаила, а также и те, что подобрали на полу в моей квартире, но эти карточки не были зафиксированными и успели все завуалироваться, так что смысл (компрометирующий) они потеряли.

Почти в это время или немного раньше выехал Мейер, а на его место в'ехал опять наш партийный тов. Кулагин Н., бывший питерский ткач, отбывавший своевременно тюремную повинность и ссылку в Сибири, вместе в Гуковскими. Тов. Кулагина в то время предполагали устроить конторщиком в городскую управу; действительно, в скором времени он там устроился.

1 мая 1904 г. мы все должны были устроить уличную демонстрацию. Вышли на главные улицы, ходили кучками по нескольку человек вместе. Парапет наводнился публикой более, чем когда-либо. Мне пришлось ходить с тов. Кохановским (рабочий водопроводного отдела городской управы), по убеждениям крайним революционером. Этот человек в нужную минуту ни перед чем не останавливался.

Продемонстрировав по главным улицам гор. Баку около часу, мы получили раз'яснение—расходиться по домам: партия, учтя момент и силы сторон, решила отложить демонстрацию до лучшего времени.

В это же время в Баку из Астрахани приехали к нам Фельдман Ал., Козлов Ал. Андр., его невеста Нина и др. то-

варищи (не помню фамилий). Козлов Ал. Андр., бывший питерский ткач, хорошо знаком был с Кулагиным, и мы его устроили у меня на квартире. В ближайшие дни мы справили бракосочетание т. Козлова. Праздник вышел хороший (между прочим, этот Козлов активно работал в 1906 г., затем ушел от нас в лагерь меньшевиков и с 1917 г. сделался беспартийным).

Фельдман Ал. был также наш единомышленник; он устроился в Черном городе на заводе Нобеля и там нес партийную работу.

В это же время вспыхнула первая, раздутая полицией, рознь между мусульманами и армянами, вылившаяся в потоки крови и сотни жертв. Помню, нам было буквально невозможно около 3 дней выходить на улицу, в воздухе несмолкаемо щелкали ружейные выстрелы, и люди валились, как мухи. Трупы валялись неубранными по нескольку дней в изуродованном до невозможности виде. То, что пришлось видеть там и пережить, останется ужасом на всю жизнь.

После моего ареста я решил уйти из городской управы. Сказано—сделано. Вновь с письмами в кармане еду в Балаханы устроиться на работу. Должен был увидеть старого партийца Вас. Вас. Старкова, с которым я был знаком еще с 1902 г. в Петербурге, но затем мы раз'ехались. В данную же минуту Старков служил помощником директора о-ва «Электрическая Сила». В первую минуту, даже прочитав письмо Флерова, Старков ответил на просьбу отрицательно. Только после я узнал, что Старков находился в раздумье, продолжать ли по-прежнему освободительную работу или же отойти на время, и последнее пожелание у него получило перевес.

Там же, в Балаханах, я встретил знакомого, сообщившего мне, что наш общий друг Кандарели лежит очень больной в больнице. Спешу туда. И, действительно, от прошлого («весь огонь») Кандарели нахожу один скелет, обтянутый кожей. Он в то время мучился острой малярией. Уход и лечение в больнице были хорошие, но, тем не менее, помочь ему было трудно. По моем возвращении в Баку, спустя несколько дней, я узнал, что он умер. На его похоронах собралась тесная кучка товарищей. Момент запечатлели на фотографии, и с общими пожеланиями не бросать дела и с удвоенной энергией отдать все силы на борьбу с царизмом все товарищи с тяжестью на душе ушли по домам.

Получив из вещей тов. Кандарели паспортную книжку («вечную»), я тут же, на запрос одного екатеринославца Рас-

сохина, отправил ее ему. Рассохину угрожала каторга за хранение бомб в квартире, посланный же паспорт, без всякой подчистки, избавил его от ареста и дал возможность прожить еще год до нового ареста. С паспортом история выяснилась много позже, а, между тем, он делал свое хорошее дело и давал возможность свободно работать. За этот паспорт получена была мною не одна благодарность.

После неудачи с устройством на работу в Балаханах меня отправили на электрическую станцию на Биби-Эйбате. Заведывал электрической станцией в то время Александр Борисович Красин, брат Л. Б., помощником его был Ал. Вас. Винтер. Меня приняли туда запасным машинистом в котельное отделение. Должен сказать, что мое появление на электрической станции чуть ли не с первого дня вызвало неудовольствие среди служащих станции. Там прочно осело обывательское ядро. Часть из них, прикрываясь эс-эровской или меньшевистской вывеской вела в это время на станции самую нездоровую работу. О работе на электрической станции той поры, т. е. в 1904-1906 г., я не стану распространяться, т. к. мною уже описан этот период в одном из номеров «Пролетарской Революции».

Моим приемом на станцию почти все были не довольны, за исключением небольшого ядра единомышленников: Аллилуева, Мельникова, позже—Козлова и Сверчкова. Шелгунов В. А. в это время был отправлен в Петербургскую больницу для определения, может ли у него сохраниться хоть один глаз; до отправки в Питер он лежал в Черногородской больнице в совершенно темной комнате.

Поступив на работу, я стал подыскивать квартиру, ибо очень трудно, проживая в городе, ходить за десяток верст, при том в разное время дня и ночи (мне приходилось нести дежурства от 3 час. дня до 11 час. вечера, от 11 час. вечера до 7 час. утра или от 7 час. утра до 3 час. дня), но ядро местных работников категорически запротестовало против моего вселения в имевшийся для сотрудников дом, и мне пришлось волей-неволей делать длиннейшие концы в город и обратно.

С «конспиративной» квартирой, где я жил, последнее время не все обстояло благополучно. Шпики делались все наглее и наглее, а мы почему-то считались с этим все меньше и меньше. Позволю себе привести небольшой пример. Обычно, не проходило недели, чтобы кто-нибудь из нелегальных то-

варищей не жил у меня. В один прекрасный вечер Вульфовичем было назначено у меня на квартире собрание организаторов; собралось до 30 чел. Спустя часа два является взбудораженный хозяин (прямо ко мне в комнату, чего он раньше никогда не делал), с требованием немедленно распустить всех собравшихся у меня. Конечно, я пытаюсь его уверить, что это ошибка, у меня нет никого из гостей,—хозяин требует, предупреждая, что в противном случае будет хуже. В конце концов, он ушел. Я сейчас же предупредил Вульфовича об инциденте и просил считаться с заявлением. Между тем, собрание, заслушав мой рассказ и предупреждение, постановило не расходиться и продолжать совещание. Спустя некоторое время является опять хозяин и требует немедленно всех выпроводить, угрожая, в противном случае, вызовом «приятелей»,—и тогда будет хуже. Я опять пошел к собравшимся и уже потребовал считаться с фактом. Все быстро собрались и стали оставлять дом. Что всем собравшимся пришлось пережить, мне передавали после. На улице их ожидали городовые и др. лица. Наших товарищей вся эта братва встретила ругательски, в них плевали, демонстративно вызывая на скандал, чтобы окончательно свести счеты. Положение женщин было особенно тяжело. Товарищи проходили через строй молча, и это избавило их от могущих случиться еще худших последствий.

После указанного случая необходимо было подумать о смене «конспиративной» квартиры. Ко мне и раньше частенько заглядывал сосед по дому Тараев и просил много раз вселиться в его дом, почти соседний с нашим. Особняк его чуть ли не единственный вкрапился в районе и, ясно, сам хозяин или его родственники жить в этом доме не могли. Он большую часть стоял пустым, в особенности после погрома. Помимо дома, Тараев хотел также сохранить и имущество. Дом оказался подходящим и я решил в него переехать.

Почти с первого же дня со мной поселились два товарища нелегально: Никифоров (нижегородец) и другой еврей (забыл фамилию, что-то вроде Драплиха); затем приходил раза два-три в неделю ночевать также нелегальный Куликов, бежавший из Петровска. В общем, было весело, но все это могло вылиться в неприятную историю, о которой мы все думали меньше всего. Одно время заболел тов. Никифоров—брюшным тифом в тяжелой форме,—пришлось его обслуживать, не доводя до сведения соседей. Мы его пользовали несколько месяцев,

(что-то около двух), прибегнуть же к медицинской помощи нельзя было; нам приходилось умалчивать все время о том, что с нами живут другие товарищи. Не помню времени, но, приблизительно, в начале 1905 г., как-то поздно вечером является ко мне на квартиру тов. Никольский, организатор Биби-Эйбатского района, по профессии механик, хромой, и приводит неизвестного нам товарища с просьбой дать ему ночлег, обещая утром, на другой день, зайти к нам и доставить все нужное, чтобы вновь прибывшего товарища переправить в другое, более спокойное место.

Я тут же заметил тов. Никольскому, что наша квартира не благополучная: пост полиции находится по близости, смотрит за нашим домом во все глаза. Я получил еще раз заверение от Никольского, что не позже утра следующего дня вновь доставленного товарища от меня переведут в другое место. Но, вот, прошло утро, затем день и ночь, а Никольского и никого, по его поручению, у нас нет и нет. Между тем, из разговора с товарищем выяснилось, что он—один из матросов, бежавших из карцера, приговоренный к расстрелу.

Я достал чистый паспортный бланк, заполнил его на товарища, наложил очень хорошую печать, одним словом, снабдил прекрасным «видом» и отправил товарища в Тулу, дав адрес знакомых. Что было с ним дальше, не знаю.

Как приняло население куцую конституцию в 1905 г. и последствия ее, припоминаю плохо.

Первое известие о ней я получил от А. В. Витнера, но туманное; ожидалось с минуты на минуту официальное подтверждение правительства. Первые бюллетени конституции читались нарасхват, но, по прочтении, общее мнение было такое: «Все это об'является нам для отвода глаз, думают и на этот раз обмануть».

Ночью ко мне ввалилась группа товарищей, прямо из Баиловской тюрьмы, где они сидели. С утра все были на Парапете, масса народу, митинги, демонстрации,—все чувствовали себя по праздничному. У какого-то полицейского участка выступали с речами (речей, вообще, было очень много), затем толпа потребовала освобождения заключенных. Это было обещано и исполнено; двери застенков открылись, выпустив на волю новую партию наших товарищей, как вдруг, совершенно неожиданно, послышалась команда: «Разойдись! Стрелять будем!»

Что произошло дальше, можно себе представить... Улицы, запруженные народом, тесные,—в результате паника, а тут открылась стрельба засевших солдат и полицейских в народ.

Много товарищей было убито, еще больше ранено и раздавлено.

Правительство наглядно показало «конституцию» и дало народу прекрасный урок, как дают «свободы» сверху.

В конце 1905 г. был устроен и разыгран в совершенстве второй погром армян. На этот раз он тянулся больше недели. Местные власти не ограничивались пассивным наблюдением, но теперь выступали в качестве блюстителей порядка. На этот раз полиция сводила со многими старые счеты. Если некоторые из обывателей в октябре имели неосторожность чем-либо проявить свое близкое отношение к нашим товарищам или любовь к «куцой» конституции, то отдельных лиц прямо убивали на улицах, а дома их расстреливались не только ружейными залпами, но и артиллерийской стрельбой. Обычно, такой дом, намеченный заранее, под предлогом стрельбы из него (которую устраивали сами же провокаторы), делался мишенью артиллерии; один-два выстрела разрушали дом и влекли за собой пожар, далее шел погром живущих и ничем не прикрытый грабеж среди бела дня. Таких расстрелянных домов в Баку насчитывались десятки; местами целые квартиры в больших каменных домах были подожжены, живущие перебиты, имущество же разграблено.

На Кладбищенской ул. открыто, при участии полиции, вкатывали бочки керосина или нефти в нижние этажи подвалов больших домов и там их поджигали, предварительно перебив добрую часть живущих в домах.

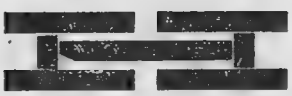
На этот раз погром охватил не только Баку, но все рабочие окраины: Черный город, Балаханы, Сабунчи были об'яты пламенем погрома. На протяжении первых 2-3 дней население Баку слышало правильную артиллерийскую канонаду, видело, как сотни несчастных беженцев, прячась, где и кто как может, пробирались в город, чтобы хоть немного помочь в скорейшем прекращении погрома. Путь следования этих несчастных был усеян трупами.

В городе трупы людей и животных более 3 дней лежали не убранными. Над трупами зверски издевались. Мне удалось заснять ряд моментов, которые смогли бы показать лучше всякой книги картины погрома, но, к сожалению, снимки мною давно утеряны.

Жертвы свозились на персидское кладбище. Жара в то время стояла до 30 гр. и, еще не доходя до кладбища версты две, у самой Верхне-Кладбищенской ул., чувствовался невероятный трупный запах.

Я не хочу останавливаться подробнее на этой кошмарно-отвратительной картине и здесь закончу свое описание «бытия» в Баку в период с 1903 г. по 1906 г.

Константин Норинский.



Из нашего революционного прошлого.

В 1902 году я из тифлисской тюрьмы был выслан в Батум. Но батумская жандармерия не пожелала оставить меня в Батуме, портовом городе, и выслала меня в Баку, без права выезда. Приехав в Баку, я не счел нужным явиться к тамошней администрации, но скоро был розыскан и за неявку посажен в тюрьму, откуда потом был освобожден и отдан под строгий надзор полиции.

После освобождения я поступил на завод Левенсона в качестве литейщика. Проработав до 1903 г., я, с разрешения Бакинского Комитета, сорганизовал среди рабочих своего завода экономическую забастовку, а затем и первомайскую (в том же году). По окончании же первомайской забастовки, я, по доносу заводской администрации, был арестован и просидел 4 месяца в заключении до ноября. Освобожден я был в момент прибытия Ноя Рамишвили и других товарищий с Лондонского с'езда. Эти товарищи должны были сделать доклад о работах конференции. Накануне доклада тов. Красин вызвал меня с некоторыми моими товарищами к себе и информировал нас о происшедшем на Лондонском с'езде расколе партии (большинство и меньшинство); таким образом, мы предварительно были ознакомлены с темой доклада Рамишвили. Доклад последнего был сделан на заводе Адамова, при участии рабочих всех промыслов и заводов (с каждого завода по два), в числе последних был и я. Заслушав доклад и обменявшись мнениями относительно платформ большинства и меньшинства, большинство рабочих, в том числе и я, поддержали платформу большевиков. С этого момента, т. е. 1903 года, начинается уже период нашей революционной деятельности на основе платформы большевиков.

Работая на Шибаевском заводе, я стал вербовать в ряды большевиков новых членов и, скажу без преувеличения, перетянул на свою сторону почти всех рабочих завода. В 1904 году, с разрешения Бакинской организации, проведена была под

моим руководством политико-экономическая забастовка, длившаяся целых 7 дней; во время нее я был схвачен жандармерией и посажен на 6 месяцев в тюрьму.

Во время моего пребывания в тюрьме нами была сделана попытка устроить побег товарища Гавриила Хундадзе, сидевшего вместе с нами. Подготовка к побегу была организована таким образом: освобождаемый из заключения тов. Монтин, покидая тюрьму, должен был оставить у нас большую корзину, в которую мы должны были уложить Хундадзе, при чем тов. Монтин на другой день по выходе из тюрьмы должен был вернуться обратно и потребовать принадлежавшую ему корзину с находящимися в ней, якобы, домашними вещами, заручившись предварительно у начальника тюрьмы разрешением на вынос корзины без вскрытия ее. Сначала все шло хорошо, разрешение от тюремной администрации было получено... но при самом выходе привратник вздумал почему-то осмотреть корзину. Мы не позволили; он стал кричать, и сбежавшиеся со всех сторон надзиратели набросились на нас и человек 10 избили до потери сознания. Впоследствии узнали мы, что нас выдал привратнику уголовный арестант.

Вскоре я был освобожден из тюрьмы. Находясь на положении безработного, я принял активное участие в устроенной в том же 1904 году первомайской демонстрации, вследствие чего опять попал в тюрьму на 1 месяц.

Выполняя различные поручения и отдельные задания, я одновременно состоял членом комитета Бакинской организации. Комитетом решено было во что бы то ни стало приобрести типографию. Задача эта была возложена на меня, Георгобиани, Монтина, Гуревича и других, в числе 8 человек. Демонстративно, с оружием в руках, мы, не понеся жертв людьми, отобрали станок у одной частной типографии и сдали его комитету.

Когда я стал на работу на заводе Левенсона, в июле, вдруг вспыхнула общая забастовка всех бакинских заводов, и все рабочие были собраны, по инициативе Бакинского Комитета, в местности, где находилось 40 нефтяных резервуаров. Руководителем забастовки был назначен бывший большевик инженер Гинзбург, но он не явился, и его функции в первый день были возложены на меня и Яковлева (бывший эс-эр) Забастовка, возглавлявшаяся Джапаридзе, держалась полных 3 дня.

В разгар революционных волнений, в 1905 году, из Тифлиса в адрес бакинской администрации был прислан целый ва-

гон оружия. Бакинский Комитет поставил задачей во что бы то ни стало забрать в руки это оружие. Выполнение задания было поручено дашнакской, меньшевистской организациям и нам (против царизма мы с ними работали об'единенно). Поручение было выполнено нами героически и без жертв. Оружие было разделено на три равные части, при чем нам, большевикам, досталось 150 с лишним винтовок и револьверов. Мне и Кочеткову поручено было хранить оружие в строжайшей тайне и в недоступном месте, что было нами выполнено пунктуально, хотя и с большими затруднениями. Несмотря на это, полиция нас, все-таки, заподозрила, и в один прекрасный день мы оказались оцепленными конной полицией, которая и начала производить у нас тщательный обыск. К моему счастью, у меня в тот момент было довольно много кахетинского вина, привезенного из Грузии, и мне удалось напоить главных руководителей обыска, вследствие чего, перепившись, они так и не сумели напасть на склад оружия, тем более что оно хранилось в замуравленном надежном месте. Обыск прошел безрезультатно, и оружие было спасено.

Немного спустя приехал из Москвы с целью сделать доклад агент ЦК тов. Мандельштам (Лядов). Но собравшиеся на электрической станции на Биби-Эйбате для заслушания доклада товарищи были выданы эс-эровской организацией, и жандармерия арестовала тогда около 90 человек. В числе арестованных, между прочим, находились Аллилуев, Джапаридзе, Мандельштам и Хумарян. Все мы были препровождены под сильным казачьим конвоем в Тифлис, а оттуда в Карс. По дороге нас всех чуть было не расстреляли, и мы спаслись совершенно случайно.

Дело было так. По дороге нас встречают какие-то казаки, с офицерами во главе, и настоятельно требуют от конвоя передачи нас в их распоряжение. Находившийся среди нас тоже арестованный на собрании доктор Худадов имел при себе небольшую сумму денег и подкупил наших конвоиров, которые, под предлогом соблюдения воинской дисциплины и необходимости без передачи кому-либо доставить нас в Карс, отказались выдать нас казакам. Видя, что нечего у них не выходит, казаки громогласно заявили: «Жаль, что вас не сдали нам, а то мы вас довели бы хорошо,—ваши головы плавали бы по этой реке.» Таким образом, мы благополучно прибыли в Карс. Еще до освобождения нас из тюрьмы «крестовники» (так называли

мы тогда представителей старой армии) хотели учинить над нами в самой тюрьме самосуд—расстрелять, и только личное вмешательство начальника тюрьмы предупредило расправу.

По открытии I Государственной Думы я, вместе с другими политическими арестованными, был освобожден, но только вышли мы из ограды тюрьмы на улицу и устроили собрание, как нас окружили казаки с намерением перебить, но мы были выручены из беды присоединившимися к нашей маленькой демонстрации солдатами-пехотинцами. Один казачий полковник (по фамилии Крылов) из числа тех, которые намеревались нас расстрелять, при виде шествующих с нами пехотинцев, не пожелавших ему подчиниться, громко закричал: «Солдаты, вернитесь обратно!» и тут же скончался от разрыва сердца.

Спустя некоторое время наша местная организация командировала меня и Кирочкина в Сарыкамыш для агитации и пропаганды среди местного молоканского населения. Из Сарыкамыша местный комитет командировал нас в Баку, где мы организовали Совет рабочих депутатов, в который я был введен членом. Тогда же Бакинский Комитет назначил меня и товарища Николая Бекзадяна заведывающими транспортным делом, по получению нелегальной литературы из России и Грузии. В 1906 году, по поручению Бакинского Комитета, я должен был отлить 1000 штук медных бомб. Я сорганизовал тайную мастерскую, вместе в Степаном Гаришвили, и в течение двух недель мы отлили с лишним 1000 штук бомб и сдали их комитету.

Вскоре я был опять арестован (это было в 1907 г.) за хранение нелегальной литературы, но не надолго; через месяца два я был освобожден.

По освобождении мы с Алешей Джапаридзе организуем профсоюз нефтепромышленных рабочих и, одновременно с этим, проводим частые забастовки. В качестве представителя Черногородского района, я руководил одной из самых крупных забастовок на заводе Левенсона, к которой примкнули рабочие всех заводов.

В том же 1907 году ощущалась острая нужда в станке. По заданию Вано Стуруа, мною был отлит чугунный станок, со всеми приспособлениями, и сдан ему же, Стуруа.

Печать организации и части типографии хранились у меня вплоть до 1916 года. В 1916 году меня кто-то выдал (кто именно, я и до сих пор не знаю). В жандармском управлении

я упорно настаивал на том, что печать, найденная у меня, мне не принадлежит. Вследствие этого, я вскоре был освобожден и затем вплоть до февральского переворота 1917 года работал в Баку на сталелитейном заводе Штоппера. Весть о февральском перевороте была нами ознаменована устройством демонстрации, с участием всех рабочих сталелитейного завода.

В первые дни революции я был назначен комитетом сборщиком денег в Черногородском районе для пополнения фонда нашей организации. В конце 17 года, по настоятельному требованию Тифлисской организации (хотя Бакинская организация, во главе с Шаумяном и Джапаридзе, меня и не отпускала), я выехал в Тифлис.

Георгий Ртвеладзе.

Три периода работы в Баку.

Впервые я прибыл в Баку в июле или в августе 1903 года из Ташкента, по мандату социал-демократической организации Закаспийской области.

В Баку я установил связь с членом социал-демократической партии и членом Бакинского партийного Комитета тов. Файнштейном, который работал в это время в городской управе. Файнштейн свел меня с членом Бакинского Комитета тов. Абрамом Эйзенбетом, предложившим мне сначала работать в качестве пропагандиста-агитатора. Но когда он узнал, что я по специальности печатник, он предложил мне работать в типографии, т. к. тогда в типографских работниках Бакинская организация очень нуждалась.

Я согласился и стал работать в типографии, совместно с одним наборщиком И. Егоровым. В типографии нас работало всего двое. Егоров сам организовал типографию, в которой меня поставили работать, в декабре 1902 или январе 1903 года.

Впоследствии оказалось, что этот Егоров—провокатор и даже является личным агентом жандармского полковника.

Интенсивность работы Бакинского Комитета можно расценить по об'ему работы типографии. После моего поступления в типографию, мы ежедневно и регулярно выпускали прокламации, автором которых являлся, как я узнал позже, Швейцер (Пессимист). В неделю раз или два мы выпускали также прокламации на армянском языке. Кроме того, в типографии был напечатан ряд брошюр и начато было печатание резолюций второго (Лондонского) с'езда социал-демократической партии.

Работали мы на станке, дававшем в час 200 оттисков, так называемом станке Гутенберга. Типография у нас была сравнительно большая: имелось 3 реала по 7 полных касс; шрифты были не только текстовые, но и титульные. Работа поэтому получалась чистая и опрятная и ничем не отличалась от работ хороших типографий.

7 ноября 1903 г. наша типография была провалена, и арестованы были я, провокатор Егоров и Семен Маркович Гуревич, который временно замещал тов. Наума Эйзенбета и сносился с нами, вместо него.

Надо сказать, что провал этот был тогда для нас неожиданным, ибо конспирция была достаточно хорошей. Так, напр., на неоднократные мои заявления Эйзенбету и Гуревичу, что я хотел бы для пополнения своих знаний работать в каком-либо кружке, они мне в этом систематически отказывали, ссылаясь на то, что конспирация должна быть очень сильной и что сношения мои, как работающего в типографии, с кем бы то ни было могут повлечь опасные последствия для типографии. Поэтому я в этот период времени своей работы в типографии не знал никого из партийных работников, за исключением упомянутых трех лиц, передававших мне распоряжения Бакинского Комитета, по заданиям которого мы работали.

В том же помещении, где была наша типография, находился и наш склад литературы. Склад этот был довольно внушительный, литературы поступало много, преимущественно, брошюр политического и экономического характера, среди которых я помню, например: «Как держать себя на допросе» и «Что делать» Ленина, получалась затем газета «Искра»» и пр. Вся эта литература получалась нами в тысячах экземпляров, и Бакинская организация, по моему впечатлению, не испытывала тогда недостатка в революционно-пропагандистской литературе. Склад литературы был провален вместе с типографией, благодаря доносу упомянутого провокатора Егорова.

Время до апреля 1904 г. я провел в бакинской тюрьме, в которой познакомился со многими деятелями Бакинской организации. Среди прочих я помню—из рабочих: Макара Мирзояна, Сашу Самарцева, Мордовцева и одну работницу по имени Роза (фамилии ее тогда еще никто не знал); из интеллигентов были: некто Мукасеев—шкипер дальнего плавания, член социал-демократической партии, тов. Хундадзе Гавриил, С. Вирновский, Анна Лазаревна Ратнер, Рубцова.

Из этих лиц мне особенно запомнились рабочий Мордовцев и Роза, пользовавшиеся среди бакинских рабочих большим влиянием и популярностью и известные среди них не менее тов. Хундадзе.

После провала нашей типографии тов. Хундадзе организовал вторую типографию, которая очень удачно работала около

полутора месяца. Накануне нового 1904 года была провалена и эта типография и арестованы тов. Хундадзе и хозяин квартиры, где помещалась типография, рабочий по имени Ладо. Между прочим, уже после провала этой второй типографии Бакинской организации удалось распространить новогоднюю прокламацию, отпечатанную в только что проваленной типографии.

В апреле 1904 г. меня выпустили на поруки и предложили мне выехать в Ташкент до разбора моего дела Тифлисской судебной палатой. Из Ташкента я бежал в Асхабад, но здесь был арестован и выпущен только в конце 1905 г. по амнистии, по которой было погашено мое дело по Бакинской организации.

До 1907 г. я в Баку бывал только наездами и непосредственной связи с Бакинской организацией не имел. Вся моя связь ограничивалась только тем, что я получал в Асхабаде от Бакинского Комитета литературу.

Шендриковское движение я знаю довольно хорошо.

Самих братьев Шендриковых я знал с 1901 г., когда познакомился с ними в Ташкенте. В Ташкенте Шендриковы были в связи, преимущественно, с эс-эрами. В то время там была группа революционеров, человек в 18, которые постоянно между собой сносились, но никакой особой организации из себя не представляли. В этой группе были люди различных толков и направлений. С приездом в Ташкент члена социал-демократической партии Валериана Бузанского была организована группа социал-демократов, человек в шесть. Эта группа не порывала связи с эс-эрами. Так, мы пользовались шапирографом, который достали эс-эры, и печатали на нем свою литературу, но совместной работы у нас не было. Среди этой общей группы и были братья Шендриковы. Я знал всех трех: Илью, Льва и Дмитрия. В конце 1905 г., когда я был командирован делегатом от областного Туркестанского Комитета на с'езд социал-демократической партии в Баку, я встретил там братьев Шендриковых.

В то время Шендриковы пользовались среди рабочих в Баку огромным влиянием и имели тысячи последователей. В наших кругах передавали, что Шендриковы ведут крайне оппортунистическую политику, и для многих та роль, которую играла «династия» Шендриковых, была очень загадочна. Особенной популярностью Шендриковы пользовались среди высоко квалифицированных рабочих. В 1905 г. они руководили Советом рабо-

чих депутатов и органом Совета «Известиями». Надо сказать, что братья Шендриковы были незаурядными личностями. Особенно выделялся Лев, который был талантливым оратором, неплохим журналистом и не стеснялся в средствах для завоевания симпатий рабочих, пользуясь всевозможными демагогическими приемами.

С Шендриковыми и шендриковщиной социал-демократические организации в Баку, как меньшевистские, так и большевистские вели серьезную борьбу, но справиться с ними было довольно трудно, благодаря их умению влиять на массы.

В декабре 1905 г. Шендриковы были разоблачены. Я помню, как на одном из собраний выступил один студент (фамилии которого я не знаю[1]) и пред'явил подлинное письмо Льва Шендрикова на имя служившего тогда в наместничестве генерала Джунковского. Смысл письма заключался в том, что если со стороны правительств будет поддержка, то рабочее движение можно направить в более желательное для правительства русло.

В приезд свой в Баку в 1907 г. я узнал, что относительно Шендрикова были найдены вполне разоблачившие его документы. Из этих документов явствовало, что Шендриковы получили от правительства 10.000 рублей и что они были, если не зубатовцами, то, во всяком случае, авантюристами.

После этих разоблачений звезда Шендриковых закатилась окончательно. Они стали терять свою популярность среди рабочих и с ними осталась лишь небольшая группа последователей, среди которых, как наиболее выдающихся, можно назвать рабочих Емельянова и Дьякова.

Летом 1907 г. умер Лев Шендриков. На его похоронах присутствовало не более 300 человек, и это было все, что осталось от тысяч шендриковцев. Илья вскоре уехал в Питер, а Дмитрий («Касьян»), хотя и остался в Баку, но уже не пользовался никаким влиянием среди рабочих. Таким образом была ликвидирована в Баку шендриковщина.

С 1906 по 1910 г. я находился в Баку, принимал участие в интерпартийном бюро и помню дебаты по поводу всеобщей забастовки, подготовлявшейся летом 1907 г.

За всеобщую забастовку высказалась только фракция большевиков. Забастовка тогда не состоялась, но та дискуссия,

[1]) Герасим Герасимович Тер-Нерсесов. О нем смотри сноску на стр. 19. (Прим. ред.)

которая была вызвана обсуждением этого вопроса, сыграла большое значение для рабочего движения и послужила поводом к окончательному расколу между фракциями большевиков и меньшевиков, бывших до того в единой социал-демократической организации.

При мне же тогда происходила борьба за заключение коллективного договора с нефтепромышленниками. Я состоял тогда секретарем профсоюза типографских рабочих. Меньшевики высказались за заключение коллективного договора без тех гарантий, на которых настаивали большевики. Мне, как работнику в профессиональном движении, было ясно, что если требования большевиков не будут приняты, то и договора заключать не следует, ибо такой договор явится простым клочком бумаги в руках рабочих, и нефтепромышленники смогут свести на нет весь коллективный договор, когда им захочется. Со стороны большевиков вел переговоры с нефтепромышленниками Алеша Джапаридзе. Нефтепромышленники на условия большевиков не согласились и отказались включить в договор те гарантии, на которых настаивали большевики, и коллективный договор не был заключен.

При моем посредстве, в 1909 году была попытка организовать одну типографию для нужд большевистской фракции.

Алеше Джапаридзе было поручено купить типографскую машину. Я сторговал для него у владельца типографии Эриванцева неплохую скоропечатную машину. Договорились за 800 руб., деньги Эриванцеву были внесены, и остановка была лишь за помещением. На мне, как на технике-машинисте, лежала обязанность разобрать машину и перенести ее в новое помещение. Однако, хотя все было готово, перенести машину не удалось из-за того, что нельзя было найти соответствующего конспиративного помещения. В течение трех недель Эриванцев настаивал на том, чтобы у него взяли или деньги или машину, но мы медлили и, в конце концов, дело расстроилось.

При составлении истории партии справедливо, хотя бы в двух словах, упомянуть о личности Николая Акимовича Эриванцева. Все бакинские революционные организации и, в частности, большевики очень многим обязаны были этому человеку. В его типографии постоянно печатались всевозможные нелегальные издания и прокламации. Ни одной партии, если только она была революционной, он не отказывал в содействии. Денег ему постоянно не доплачивали. И, несмотря на то, что

он был человек бедный, он никогда не отказывал в напечатании той или иной листовки, той или иной прокламации, если только ему представляли доводы, что это необходимо.

В 1910 г, я был выслан в Ростов, а оттуда в Нарымский край и вернулся в Баку уже 7 лет спустя и за 10 дней до февральской революции.

Из событий 1917 г. я остановлюсь только на одном, в котором я принимал непосредственное участие.

После революции партийные организации, в годы войны совершенно обессиленные и почти ликвидированные, стали вновь организовываться в процессе выборов в Советы рабочих депутатов.

Гражданскую власть в Баку возглавлял тогда некто Фролов, с которым руководящие в то время Советом рабочих депутатов правые меньшевики Садовский и Айолло постоянно сносились, вели переговоры о распределении должностей и т. д., но необходимого революционного дела не делали. Долгое время в Баку не были ликвидированы жандармское управление и охранное отделение.

Наконец, после долгих усилий, мне и Баласану Григорьяну удалось получить мандат на ликвидацию этих учреждений. Нами арестован был жандармский полковник, но, из-за промедления ликвидации этих учреждений, жандармские ротмистры скрылись и унесли с собой или уничтожили списки провокаторов. С большим трудом удалось установить путем допроса бывшего начальника наружного наблюдения фамилии агентов-провокаторов, которые были арестованы.

Мне вспоминаются трое из этих лиц.

Первый из них, носивший псевдоним Даш Алтлы и известный под кличкой «Дорогой». Он работал в охранке с 1907 г., получал 100 рублей в месяц, и в его обязанности входило давать сведения о большевиках. Благодаря этому провокатору, были арестованы, среди прочих, т. т. Кнунянц и Зурабов. Он же раскрыл склад оружия дашнаков, за что, по его словам, ему было выдано 1000 рублей. Это был трусливый тип, при первом же допросе на коленях просивший пощадить его жизнь и обещавший рассказать все, что он знает об охранке.

Вторым был выловлен нами некто Серегин, работавший в охранке с 1907 или 1908 года. Это был один из популярнейших рабочих в Баку. Он держался иначе, чем «Дорогой.» С самого начала он стал уверять, что не является провокатором и

что это злостная выдумка жандармерии, которая распространяла о нем такие слухи, чтобы подорвать его популярность среди рабочих. Впоследствии мы получили неопровержимые доказательства того, что он был провокатором, и даже установили, что он получал 60 руб. в месяц.

Фигура третьего провокатора весьма любопытна. Фамилия его была Бакрадзе. Он служил истопником в одной гимназии. Когда его вызвали для допроса и заявили, что имеются данные о том, что он состоит на службе в охранке с 1908 года, он возразил, что не с 1908, а с 1907 г., хладнокровнейшим образом рассказал о всех своих доносах и описал все провалы, которые были вызваны им. Этот получал 40 руб. в месяц.

Аршак Хачиев.

Забытая могила.

(Богдан Кнунянц).

На новом кладбище бакинских армян, в Кишлах, имеется одна забытая могила. Там, в уголке кладбища, похоронены останки борца бакинских рабочих Богдана Мирзаджановича Кнунянца, в партии известного под псевдонимом Радин. Навряд ли найдется кто-либо из старых бакинских рабочих, кто бы не слышал в 1901-1904 гг. пламенные речи Кнунянца. Много обязана была Бакинская организация своим цветущим состоянием в 1901-1904 годах покойному Радину.

Как в борьбе, так и в организации передовых сил рабочего класса в Закавказьи Кнунян, безусловно, занимает почетное место. Вот почему в свое время Радин-Кнунян имел на бакинских рабочих колоссальное влияние.

С Кнуняном я познакомился летом 1902 г. Я ездил в Баку по делам организации тайной армянской типографии, в которой должна была печататься первая с.-д. газета на армянском языке «Пролетариат». У меня было с собой рекомендательное письмо от Степана Шаумяна к Кнунянцу, с которым он был знаком со с'езда армянского студенческого землячества в 1901 году.

Кнунянца я нашел в Сальянских казармах. В это время он отбывал принудительную воинскую повинность, которую он получил за участие в студенческом движении. Велика была радость Кнунянца, когда в квартире Саши Бекзадян (Мариинская ул., где после был совет с'ездов нефтепромышленников) он услышал от меня об организации подпольного армянского с.-д. издания. Конечно, он оказал содействие в приобретении кое-каких технических принадлежностей (из типографии «Арор» Берладира). Тут же он предложил наше будущее издание наименовать «Пролетариат» (до этого предполагалось другое наименование).

Одновременно, у Кнуняна возникла идея об'единения закавказских соц.-дем. организаций. До этого в Закавказье наша партия имела несколько организаций—Бакинскую, Тифлисскую,

Батумскую, Гурийскую и др.; отсутствие связи, общего плана работы и тактики и координации деятельности отзывалось на деле рабочего класса. Перед от'ездом он меня снабдил письмом по этому вопросу к Диомиду Топуридзе, который в те времена редактировал, совместно с Жордания и Филиппом Махарадзе, легальный грузинский марксистский журнал «Квали» и подпольную газету «Брдзола» и имел тесную связь с Тифлисской организацией партии.

Как известно, эта идея вскоре осуществилась: осенью 1902 года состоялся первый с'езд закавказских соц.-дем. организаций и организовался Кавказский Союз Р. С.-Д. Р. П., членами исполкома которого, между прочим, были выбраны Кнунян и я. Одновременно сконструировалась редакция армянской газеты в лице Аршака Зурабова и Кнуняна, а сама газета приняла новое название «Пролетариати Крив» («Борьба пролетариата»).

После этого мы с Кнуняном стали друзьями, нас связывало общее дело, общность идей. В 1903 году Кнунян был делегирован на второй с'езд партии от Бакинской организации. На этом с'езде он примкнул к т. Ленину—стал большевиком и, как таковой, вернулся к нам.

Вскоре я был делегирован в большую типографию ЦК (Баку) для организации и ведения армянского отдела. Живя в Баку, я, конечно, скрывался и от местных товарищей, которые не знали о существовании типографии ЦК в Баку, в Тифлис же после провала собрания в квартире Зурабова (в то время большевик), где, между прочим, был и Кнунян, каким-то чудом улизнувший из рук жандармерии, я не мог вернуться. Я потерял из виду Кнуняна, с которым еще раз встретился лишь в 1908 году, когда мы оба проживали нелегально в Баку (он удрал из Березова, я—из Архангельска).

Я не намерен писать биографию Кнуняна; это—дело более сведущих товарищей, которым более доступны материалы его жизни и революционной деятельности. Пишу лишь клочки воспоминаний о погибшем борце.

Велика была роль Кнуняна не только в партийной среде, но и, вообще, среди бакинских товарищей, и его работа распространялась и за Кавказский хребет. Его речь на петроградском военном суде в 1904 году, которая в свое время прогремела, как разорвавшаяся бомба, имела громадный успех и нелегально отпечатанная на нескольких языках сыграла боль-

шую роль в пробуждении сознания рабочего класса России. Так же велика была его роль в первом Совете рабочих депутатов Питера в 1905 г., где он явился лидером большевистской фракции, а его речи и листовки во время первой революции имели колоссальный успех и приковывали к себе внимание рабочего класса.

Кнунян—пламенный оратор с большим темпераментом—был одной из центральных фигур первого Совета. Однако, с гибелью Петербургского Совета, был ликвидирован и Радин-Кнунян. 3 декабря 1905 года «конституционное правительство» Витте-Дурново разогнало Питерский рабочий Совет, а Исполнительный Комитет во время заседания в «Вольно-Экономическом Обществе» арестовало. Кнунян опять очутился в тюрьме, а вскоре и в ссылке в дальнем Березове. Но, конечно, Кнунян не мог засидеться в ссылке—скоро он оттуда скрылся,

В 1908 году мы с Кнуняном снова встретились в Баку, он был под фамилией Сергея Александровича Маркаряна. Усталый, разбитый, раздавленный реакцией, Кнунян почти отходит от боевой жизни партии. Материальные условия заставляют его искать частной службы и он устраивается в совете с'езда нефтепромышленников, где в это время устраивались многие из товарищей. Кнунян-Радин известен был всему городу. Его хорошо знала буржуазия по его былому руководству борьбой бакинских рабочих и чудом было бы затягивание провала, о чем предсказывали его товарищи и просили его удалиться из Баку. Но бакинская жизнь—родная стихия Кнуняна, и он все дальше и дальше откладывал свой от'езд, пока не был арестован и заключен в Баиловскую тюрьму, где он скончался от тифа 24 мая 1911 года.

Так кончилась жизнь одного из славных борцов пролетариата. В последний период своей жизни Кнунян переживал эпоху переоценки. Старые методы борьбы, старые задачи его не удовлетворяли—он искал чего-то. Его два письма дали повод меньшевикам об'явить, что Кнунян разочаровался в большевизме. Это—великая неправда. Надо читать эти письма, напечатанные в меньшевистском журнале «Наша Заря», чтобы понять, что Радин не только не отошел от большевизма и рабочего класса, но, наоборот, он большевизм хотел довести до логического конца, он искал исхода из черной реакции царского режима, он искал новых методов борьбы рабочего

класса. Кто знал Кнуняна близко, кому не чужды его переживания, тому ясно должно быть, что переживи он и тюрьму, и ссылку, он был бы в 1917 году в первых рядах революци пролетариата и одним из деятелей Октября.

Богдан Кнунян целиком принадлежал революционному пролетариату, он был его родным борцом. Бакинским рабочим он отдал лучшие дни своей жизни, и он должен быть дорог им.

Ашот Хумарян.

Революционное прошлое бакинского пролетариата.

Баку, будучи крупным пролетарским центром, явился одним из родоначальников революции в России.

В 1901 году я поступил на завод «Молот», в Балаханах, и сразу очутился среди революционно настроенной рабочей массы.

Настоящая революционная работа на заводе начинается лишь с 1902 г. Инициативная рабочая группа из девяти товарищей, в состав которой входили т. т. Качамазов Иван Иванович (кузнец), Федор (молоканин), Иванов Григорий, Варламов Александр, я и трое других товарищей, организовала кружок, преследовавший чисто политические цели. Еще в 1902 году в кружке обсуждался вопрос об устройстве массовой демонстрации промысловыми рабочими. Аналогичные кружки организовывались и на других промыслах и заводах. Связь между кружками держалась через специально выставленных товарищей. В распространяемых кружками прокламациях рабочие массы призывались к свержению царского самодержавия и празднованию 1 мая. С этой целью, помимо распространения прокламаций, велась также и агитация, посредством которой кружки, в частности, кружок завода «Молот», стремились к организации рабочих в единое целое.

Разрешив вопрос об устройстве массовой рабочей демонстрации в положительном смысле, наш кружок поручил своим членам вести широкую кампанию. Хотя массовая демонстрация и не состоялась, все же, эта кампания привела к однодневной забастовке на заводе «Молот», показавшей, что рабочие доверчиво относятся к нашим политическим кружкам.

Установив тесную связь между собою, кружки стали подготавливать почву к всеобщей забастовке и в 1903 году всеобщая забастовка, носившая массовый характер, была об'явлена. В результате ее явилось частичное улучшение экономического положения рабочих масс, но отстоять какие-либо политические

права рабочих не удалось. Многие участники забастовки были арестованы, но наша организация не падала духом и продолжала подготавливать почву к вторичной забастовке, с целью отстоять политические права рабочих масс.

В 1904 году и была об'явлена вторая всеобщая забастовка, но она, как и предыдущая, была неудачной.

В 1905 г. произошли большие перемены в жизни рабочих организаций г. Баку: начался раскол в Бакинской организации Р. С.-Д. Р. П. и впервые от нее отделилась большевистская фракция.

Нашим кружкам пришлось вести теперь, помимо борьбы с капиталистами, также борьбу с организациями меньшевиков, эс-эров, дашнаков. Главное внимание было уделено агитации среди рабочих масс и подготовке к новой забастовке, с требованием улучшения экономического положения рабочих и политических прав для них.

Забастовка была об'явлена. Можно было надеяться на успешный конец ее, если бы царские палачи, узнав о сорганизованности бакинского пролетариата, не разожгли национальной резни, и, таким образом, продолжавшаяся около недели забастовка была прервана. Наша агитация против армяно-мусульманской резни не дала должных результатов в городе, но рабочие районы были частично ограждены от бесцельного кровопролития. И по ликвидации резни мы не перестали призывать обе стороны к дружбе и миру, но спустя самое короткое время резня была опять возобновлена.

Наша организация всегда главное свое внимание обращала на улучшение положения рабочих масс и с этой целью подготавливала почву к массовым забастовкам. При забастовках требования наши всегда носили чисто политический характер и именно это обстоятельство заставило рабочих быть на нашей стороне.

Во время забастовки 1905 года царской жандармерией были произведены аресты руководителей забастовки и около 50 товарищей были посажены в тюрьму. Несмотря на неудачный исход забастовки, рабочие устроили демонстрацию с требованием освобождения арестованных. И на этот раз правительству пришлось итти на уступки—арестованные были освобождены. После этого организация наша начинает опять вести усиленные подготовительные работы, которые в течение всего 1906 года идут чрезвычайно интенсивно: в продолжение

целого года вспыхивают частичные забастовки, параллельно ведется работа по составлению и коллективного договора.

1907 год, в сравнении с предыдущими, в жизни Бакинской организации большевиков был самым оживленным. Наши ряды с каждым днем укреплялись, ибо при массовых забастовках большевистская фракция смогла доказать рабочим, что она, именно, является действительным защитником интересов рабочего класса.

Выработанный нашей организацией коллективный договор заключал следующие требования: сокращение рабочего дня до 8 часов, установление для буровых партий трех смен, свобода слова, свобода печати, свобода союзов, улучшение экономического положения рабочих, свободное празднование 1 мая, назначение специального рабочего поезда между городом и рабочими районами и организация завкомов.

После выработки указанного выше коллективного договора была об'явлена всеобщая забастовка, инициатором которой была наша фракция. По об'явлении забастовки, рабочие Балахано-Сабунчинского района собрались на митинг на горе селения Сабунчи, где с докладом о коллективном договоре выступил член нашей организации тов. Алеша Джапаридзе; доклад его был переведен на тюркский язык мною и дополнен Гамидом Султановым.

Этот митинг был окружен казаками, следившими за его ходом и не допускавшими политических речей; несмотря на это, однако, речи произносились именно на политические темы. Перевес на этот раз был на нашей стороне; забастовка продолжалась около 20 дней, и пред'явленный совету с'езда нефтепромышленников коллективный договор был принят, улучшив экономические условия жизни рабочих (напр., оклады кочегаров повысились до 1 р. 20 к. в день, нагревальщиков—до 1 р. 40 к., буровой же партии—до 15 р. в месяц).

Во время забастовки были произведены массовые аресты, но после принятия коллективного договора все арестованные были освобождены. Царская полиция и жандармерия даже не стеснялась натравливать на рабочих местных мусульманских «кочи», которые, забираясь в казармы бастовавших рабочих, с балконов сбрасывали их вещи. Смотреть спокойно на такой произвол наша организация на могла: она мобилизовала членов организации - мусульман, т.т. Баба Алиева, Мамед'ярова, Мух-

тара Гаджиева и меня, поручив усмирить «кочи» и оградить рабочих от их произвола, что не стоило больших трудов.

Таким образом, забастовка 1907 года закончилась полным успехом рабочих и руководящая роль постепенно стала переходить к нашей организации. На всех промыслах и заводах избирались завкомы, в том числе и на заводе «Молот», где председателем был избран я.

Еще в 1905 году царское правительство, видя стремление рабочих масс к об'единению, организовало так называемый «Комитет истинно-русских», который, пользуясь большими правами и привилегиями, стремился возбудить в рабочих массах национальную рознь. С момента организации этого комитета перед нашей организацией стал вопрос о борьбе с ним. Во время демонстрации в 1907 году, рабочие с красными флажками, проходя через железнодорожный проезд, наткнулись на группу из этого комитета, которая с портретом Николая II направлялась из церкви совета с'езда на встречу демонстрантам. Между демонстрировавшими рабочими массами и этой группой произошла драка; группа позорно бежала.

После забастовки 1907 года правительство стало усиливать репрессии к рабочим организациям, а нефтепромышленники — нарушать условия принятого ими коллективного договора. Первым случаем нарушения было продление рабочего дня до 9 часов и уменьшение заработной платы. За нарушение коллективного договора впервые взялись подрядчики по бурению. Гонения со стороны правительства распространялись, помимо партийных организаций, также на завкомы, ибо оно хорошо знало, что распространителями большевистских идей на промыслах и заводах являлись именно завкомы.

Вплоть до 1914 г. все внимание нашей организации было обращено на усиление политической работы, но, одновременно с этим, бывали случаи частичных забастовок, не дававших положительного результата.

Наряду с другими промыслами и заводами, условия коллективного договора нарушались и администрацией завода «Молот», переставшей выдавать квартирное довольствие кочегарам и печникам. Взяв на себя инициативу, я обратился в нашу организацию для принятия соответствующих мер. Наша организация, вполне разделяя мое мнение об об'явлении всеобщей забастовки, послала меня в союз. В союзе я направился к Алеше Джапаридзе, который командировал со мной к хо-

зяину завода «Молот» Пахвалову тов. Мамед'ярова. Последним, как представителем союза, были затребованы от Пахвалова сответствующие об'яснения. Переговоры привели к соглашению о выплате рабочим квартирного довольствия, но обещание Пахвалова осталось только обещанием, а рабочие все же не получили квартирооо довольствия. Тогда, заручившись санкцией союза, мы решили об'явить забастовку и в марте 1914 г. об'явили ее; забастовка на заводе «Молот» продолжалась 27 дней; по истечении их требования наши не были удовлетворены и тогда, по предложению союза, было созвано общее собрание, постановившее об'явить бойкот заводу «Молот». На следующий день начались репрессии сыскной полиции и гонения были, именно, на членов нашей организации. На заводе вывешено было об'явление, призывавшее рабочих в трехдневный срок приступить к работе. Меньшевики, воспользовавшись случаем, повели агитацию среди рабочих о поражении большевиков. Когда же рабочие пожелали приступить к работе, 47 человек, сочувственно относившихся к нашей организации, были уволены. В числе арестованных находился и я; от меня, как от председателя, требовали выдачи товарищей (Качамазова, Иванова и др.) и зверски 3 раза в день избивали, однако, сыскная полиция ничего добиться не могла. По освобождении из-под ареста я поступил на завод Мухтарова. По поручению нашей организации, нужно было подготовить почву к всеобщей забастовке. Кстати сказать, на заводе Мухтарова была масса меньшевиков и эс-эров. Прежде чем приступить к работе, необходимо было усилить партийную работу на заводе, а большевиков на заводе было всего трое. Ведя усиленную агитацию, нам удалось привлечь на свою сторону рабочих-мусульман. Меньшевики, во главе с Ласиковым, и эс-эры—с Фараджбековым требовали нашего увольнения, но симпатии рабочих были на нашей стороне. По заданию нашей партии, для подготовки всеобщей забастовки необходимо было держать тесную связь с остальными рабочими районами, для чего приходилось направлять в другие районы отдельных партийных товарищей. Наконец, забастовка была об'явлена, продолжалась около 20 дней и была прервана лишь благодаря мировой империалистической войне.

После срыва забастовки 1914 года, вплоть до 1917 года, хотя и не было массовых забастовок, но велась усиленная работа по укреплению партии и поднятию авторитета ее среди рабочих масс.

Февральский переворот 1917 года застал меня в Балаханах на заводе Мухтарова. Когда впервые весть о низвержении царского самодержавия дошла до балаханских рабочих, несмотря на сомнения в достоверности этой вести, рабочие, по инициативе заводских комитетов, бросили работу и собрались на Сабунчинскую площадь. Узнав об этом, балахано-сабунчинский полицмейстер приказал казачьему отряду окружить собрание. Повидимому, о перевороте знал и полицмейстер, так как, несмотря на выступления с речами представителей разных политических организаций и обсуждение вопроса о создании временной власти, представители полиции держали себя смирно. После выступления т.т. Мандельштама, Тер-Габриэляна и др. было постановлено к вечеру собраться в городскую управу, куда рабочие должны были явиться во главе с завкомами. Вечером рабочие выбрали временное исполнительное бюро. Когда же главой Исполнительного Комитета стал Фролов, рабочие потеряли всякую надежду на улучшение своего благосостояния и вынуждены были сами искать выхода из создавшегося положения.

Этим выходом явился коллективный договор, выработанный рабочими и пред'явленный совету с'езда нефтепромышленников. Момент пред'явления его совпал с приездом в Баку министра труда временного правительства, Скобелева. На состоявшемся в здании летнего помещения общественного собрания рабочем митинге Скобелев выступил с докладом, после чего рабочие провели выработанную Алешей Джапаридзе резолюцию о выплате всем рабочим авансом месячного оклада. Это постановление выполнялось только фирмами, подрядчики же от выполнения его отказались, благодаря чему взаимоотношения между подрядчиками и рабочими обострились и началась вновь подготовка к всеобщей забастовке. К этому моменту приехали в Баку для урегулирования взаимоотношений между рабочими и нефтепромышленниками представители организованного находившимися в Закавказьи членами Государственной Думы Жордания, Чхеидзе и др. Закавказского Сейма. Узнав о предстоящей забастовке, они потребовали избегнуть таковой. Однако, забастовка была об'явлена и впоследствии закончилась полной победой рабочих.

После Октябрьской революции все внимание революционно настроенных рабочих масс было направлено к тому, чтобы управление хотя бы гор. Баку взять в свои руки. Рабочие массы добились этого лишь после упорной борьбы, не избегнув гра-

жданской войны. Но, несмотря на то, что после мартовских событий 1918 г. управление гор. Баку и его районов находилось фактически в руках представителей революционного пролетариата, тем не менее, подавляющее большинство членов Бакинского Совета составляли разные соглашательские партии, благодаря чему созданная с большими усилиями и стоившая бакинскому пролетариату немало крови Советская власть распалась, и 26 передовых ее работников были зверски казнены в степях Закаспия.

В конце 1918 г., когда власть перешла в руки турецкого командования, рабочие организации были неописуемо слабы и заправляли всеми эс-эры, эс-деки и проч. соглашатели. Перед представителями революционного пролетариата, естественно, встал вопрос о взятии в свои руки указанных рабочих организаций. Благодаря усиленной агитации и преданности рабочих делу революции, удалось орабочить впервые аппарат союзов и их органов, затем правления рабочих клубов, а потом и кооперацию. Таким образом, уже к концу 1919 г. все рабочие организации были в надежных руках представителей революционного пролетариата и стала очевиднее необходимость создания единого органа, в лице Совета рабочих депутатов. Таковой Совет создать легально не представлялось абсолютно никакой возможности, необходимо было этому Совету дать совершенно иное название, чтобы не допустить разгрома представителями правительства мусавата. Впоследствии этот Совет рабочих депутатов был создан под именем рабочей конференции. Момент ее организации явился началом массовых забастовок. Не касаясь систематических забастовок на отдельных промыслах и заводах, не имевших массового характера, следует отметить всеобщую майскую забастовку, во время которой рабочие требовали заключения коллективных договоров и снабжения РСФСР продуктами нефтяного производства, а также возвращения в Баку высланных 53 товарищей.

Майская забастовка продолжалась свыше 20 дней и закончилась неудачно. На взирая на это, мы продолжали работать, подготовляя почву к второй всеобщей забастовке.

Вторичную всеобщую забастовку удалось об'явить лишь в августе 1919 г., она продолжалась 24 дня; работа была прекращена на всех промыслах и заводах. Лишь благодаря усиленной агитации мусаватистов среди рабочих-мусульман, последние на некоторых предприятиях не прекратили работу. На 10 дней за-

бастовки в союзе нефтепромышленников был арестован стачком, состоявший из 43 товарищей, из коих 4 были мусульмане. Среди арестованных находился т. Караев, который, как член парламента, был освобожден, а остальные были отправлены в центральную тюрьму, где бакинский градоначальник Гудиев с полицмейстером Мирзоевым требовали от нас выдачи инициаторов забастовки. Этого они, конечно, не добились. Рабочие согласились прекратить забастовку лишь при условии нашего освобождения. Таким образом, и эта забастовка кончилась неудачей, но, несмотря на это, настроение рабочих масс было приподнято, ненависть к представителям капиталистического строя крепла, а наша организация, в лице рабочей конференции, чувствуя крепкую опору в массах, стала усиленно готовиться к низвержению мусавата.

Наконец, 28 апреля 1920 г., при поддержке братской Красной армии, нам удалось установить в Азербайджане диктатуру пролетариата, об'явив его свободной страной Советов и освободив трудящихся Азербайджана от векового гнета и ига капитала.

Мир Башир Касумов.

Всеобщая забастовка 1904 г. и шендриковщина.

13 декабря 1904 г. началась вторая всеобщая забастовка бакинских нефтепромышленных рабочих. Вторая забастовка во многом отличалась от первой всеобщей забастовки (так называемой июньской, начавшейся 3 июня 1903 г.; она носила стихийный характер и продолжалась 15 дней). С первых же дней она протекала организованно. С об'явлением забастовки образовался и стачечный момитет, в который вошли представители РСДРП, большевики и меньшевики. Через два дня в него вошел и представитель от армянской соц.-демократической партии «Гнчак» [1]).

Дашнаки с первых же дней стали предавать интересы рабочих. Они всячески уговаривали армян-рабочих не вмешиваться в борьбу, хотя перед другими партиями старались показать себя сторонниками рабочих. Эс-эров было очень мало и они редко выступали перед рабочими.

Нефтепромышленники, видя организованность и спайку рабочих, без различия наций, чувствовали, что теперь перед ними стоит организованная сила и что не удастся ее обмануть, как это случилось в 1903 г. Поэтому они вскоре из'явили желание войти в переговоры; рабочие согласились, но с тем условием, чтобы им были даны известные гарантии и чтобы их представители не были арестованы. Нефтепромышленники обещали.

Стачечным комитетом были разработаны следующие требования в 13 пунктах: 1) 8-мичасовой рабочий день; 2) при беспрерывной работе, три смены (бурение, эксплоатация скважин, керосино-загонщики); 3) гигиеничные квартиры—семейным

[1]) Партия «Гнчак» (Колокольчик) была основана в 1889 г. Эта партия начала свою работу в Бакинском районе, среди армян-рабочих с 1890 г. До 1905 г. она имела сильную организацию. С появлением РСДРП на бакинском горизонте, партия «Гнчак» работала с нею в контакте: оказывала помощь в деле оборудования типографий, хранения оружия, распространения прокламаций и пр. После 1905 г. большинство гнчакистов влилось в ряды РСДРП. (Прим. ред.).

две комнаты, холостым—одну (или же квартирные деньги); 4) медицинская помощь за счет предпринимателя; 5) больные получают полудневную заработную плату; 6) летом должна быть кипяченая и охлажденная вода; 7) железные кровати, вместо деревянных коек, 8) регулирование жалования по цехам, 9) каждому рабочему, прослужившему один год, предоставляется месячный отпуск, с сохранением заработной платы; 10) школа для детей рабочих; 11) проездные; 12) уплата за забастовочные дни и 13) в случае расчета рабочего, предупреждение за две недели вперед или же уплата двухнедельного заработка.

Нефтепромышленники категорически возражали против 1-го и 12-го пунктов требований. По поводу этих пунктов велась ожесточенная борьба. Они заявляли: «Рабочие сами об'явили забастовку, зачем мы будем платить». В конце концов, нам пришлось окончательно согласиться на условия, выдвинутые нефтепромышленниками по первому пункту: «Мастеровые и чернорабочие работают днем, в мастерских и заводах, 9 часов» (9-тичасовой рабочий день). По 9-му пункту: «Администрация, т. е. конторский персонал (приказчики, машинистки и т. д.), прослужив год, пользуются месячным отпуском, а рабочие—двухнедельным отпуском, с сохранением заработной платы». По 12-му пункту согласились на половину, по новым ставкам.

В виду согласия обоих сторон на упомянутые выше условия, нефтепромышленники обязаны были выдать всем рабочим расчетные книжки, с обозначением в них всех пунктов «декабрьского договора».

В стачечном комитете от фракции большевиков участвовали т.т. Алеша Джапаридзе, Ваня Фиолетов, Стопани А., от меньшевиков—Илья и Лев Шендриковы и Тарас. Илья Шендриков почти не участвовал в работе и его все время заменяли другие товарищи. Он всегда выступал перед рабочими; от партии «Гнчак» участвовали Тигран Арутюнян (умер), Овсен Тер-Вартанян, Давид Тер-Даниелян (Ананун, который тоже не всегда участвовал в работе стачечного комитета) и Минас, пишущий эти строки.

В упомянутой забастовке большую роль играли братья Шендриковы, особенно Илья. Он обладал ораторским талантом и всегда с самого утра до 3-4 час. дня выступал перед балаханскими рабочими. Главным образом, благодаря этому обстоятельству, он имел человек 10-15 сторонников, которые во время выступления Ильи стояли среди рабочих на разных местах, и,

когда перед рабочими хотели говорить члены Бакинского Комитета или же другие товарищи, они сейчас же, по сигналу Ильи Шендрикова или его жены, со всех концов начинали кричать: «Долой комитетчиков, не хотим их слушать!» и т. д. За ними кричала несознательная масса. Несколько раз Илья Шендриков был вызываем в Бакинскую организацию для об'яснений, но всякий раз уклонялся от них. Кроме того, когда велись переговоры с нефтепромышленниками и последние приняли почти все пункты стачечного комитета, за исключением двух-трех, Шендриков начал поджигать нефтяные промысла, при чем было разгромлено несколько насосных станций.

Большевики хотели организовать в городе мирную демонстрацию. Илья Шендриков, узнав о готовящейся демонстрации, стал призывать рабочих вооружаться кто чем может и отправиться в город громить магазины и захватить городскую думу. Дашнаки же предложили на несколько дней отложить демонстрацию, так как они, мол, хотят перебросить в Баку из Эривани имеющееся у них там оружие и, таким образом, будто бы, будут участвовать в демонстрации с оружием в руках. При таких условиях нам пришлось оставить мысль о мирной демонстрации.

В это время приехал в Баку представитель ЦК т. Гринберг, с целью ознакомиться с ходом забастовки. Познакомившись с создавшимся положением, он потребовал, чтобы Илья Шендриков явился и дал об'яснения, но Шендриков и на этот раз уклонился.

28 декабря 1904 г. весь стачечный комитет собрался у меня на квартире, чтобы окончательно обсудить положение и решить, продолжать ли забастовку или же удовлетвориться достигнутым, за исключением двух-трех пунктов, о которых я уже говорил. На этом заседании присутствовал представитель ЦК. По уважительным причинам отсутствовал Алеша Джапаридзе и, по обыкновению, Илья Шендриков. Доклады с мест выяснили, что забастовка, так или иначе, дальше продолжаться не может, так как, если мы не прекратим забастовки, рабочие сами приступят к работе и, таким образом, все завоевания пойдут на смарку. Собрание почти единогласно решило об'явить забастовку законченной.

Таким образом, 31 декабря забастовка об'явлена была прекращенной.

После окончания деловой части заседания, представитель ЦК рассказал нам, что через два дня по его приезде, к нему

в гостиницу явились какие-то два человека и, назвав себя представителями фирмы бр. Нобель, откровенно заявили: «Мы знаем, что вы являетесь представителем ЦК РСДРП; предлагаем внести через вас 30.000 р. в пользу организации, с условием, чтобы забастовка была продлена еще на полторы-две недели». Само собою разумеется, что товарищ категорически отказался от сделанного ему предложения, заявив, что они ошибаются и что он не имеет никаких связей с какими бы то ни было организациями. Товарищ в тот же день переехал в другую гостиницу, куда, по прошествии двух дней, опять явились те же два субъекта, с той же целью, и на этот раз предложили уже 50.000 рублей. Так и осталось неизвестным, откуда эти люди узнали, что товарищ является представителем ЦК.

Мы долго размышляли по этому поводу и пришли к заключению, что или среди Бакинской организации есть провокатор, или же, что это—дело Шендриковых, но фактов, уличающих кого-либо, не было. Когда забастовка была ликвидирована, и в феврале 1905 г. произошло первое армяно-мусульманское столкновение, то большевики приняли деятельное участие в ликвидации его. В комиссии по этому делу участвовал Лев Шендриков; Илья, как и всегда, в таких условиях в работе не участвовал и куда-то скрылся.

Летом 1905 года Шендриковы арендовали механическую мастерскую на Раманинском шоссе и организовали артель. Эта мастерская существовала приблизительно год. В начале 1906 года одному рабочему (имени его не знаю) пришлось как-то случайно заночевать у Шендриковых. Когда он лег, то Шендриковы, думая, что он уснул, стали вслух читать письмо, полученное ими от генерала Джунковского, представителя высшей гражданской власти на Кавказе. В этом письме Джунковский благодарил Шендриковых за то, что, получив 30.000 р., они открыли мастерскую, и обещал открыть ряд таких мастерских и субсидировать их, если они, Шендриковы, не будут вмешиваться в политические забастовки рабочих. Товарищ, подслушав все это, дождался, когда Шендриковы уснули, встал, вытащил из ящика стола письмо и снял с него копию, которую не замедлил передать Бакинской организации для расследования этого дела. Комиссия на этот счет была действительно создана, но Илья Шендриков, узнав, что о письме Джунковского в организации имеются точные сведения, поспешил исчезнуть с бакинского горизонта. Лев Шендриков скончался в 1907 г. (обо

всем этом мне рассказал один из членов комиссии по делу Шендрикова—«Дедушка»).

Об участии товарищей тюрок в бакинском рабочем движении мне вспоминается, что организация «Гуммет» появилась еще в 1906 г. До этого времени из представителей этой организации я знал только тов. Азизбекова. В 1906 г. я познакомился с тов. Мамедом Мамед'яровым. Знал Мир Башир Касумова. В 1907 г. я познакомился с товарищем Гамидом Султановым и целым рядом других товарищей.

В начале 1906 г. в Баку издавалась на армянском и тюркском языках «Коч-Девет», где проводилась мысль, что рабочие —тюрки и армяне—братья и товарищи, что они веками жили между собой дружно и что, поэтому, следует избегать всяких междоусобий, которые ни к чему хорошему привести не могут.

К сожалению, за неимением средств, удалось выпустить только шесть номеров этой газеты. Несмотря на наши неоднократные обращения к богачам-тюркам и армянам с просьбою помочь и далее издавать такую полезную газету, они отказались, ибо это было им невыгодно.

М. Саркисян (Минас).

Воспоминания о работе в Баку.

В начале сентября 1904 года в Новоторжской тюрьме, где я сидел под следствием за демонстрацию в Твери, мне об'явили постановление мин. внутр. дел о высылке меня на пять лет под гласный надзор полиции, с лишением права жительства в 68 пунктах Европейской России. В моем распоряжении остались два крупных промышленных района: Баку и Екатеринослав. Я выбрал вначале Екатеринослав. Перед от'ездом я не успел получить в организации явку, и это осложнило мое положение. После долгих мытарств и хождений я устроился письмоводителем к инспектору речного ведомства, хотя никогда в конторе не работал. Неделя прошла без приключений; но на второй—на какой-то «важной» бумажке провалился и получил расчет. На остаток письмоводительского жалованья добрался я полузайцем до Баку; это было в конце сентября.

По дороге, еще в поезде, я познакомился с бакинцем (если память мне не изменяет) тов. Дмитриевым. При содействии его я устроился скоро в «Каспийском судоремонтном о-ве» по ремонту шхун и с его же помощью быстро освоился с местными условиями, населением и жизнью рабочих и пр. Теплое отношение ко мне тов. Дмитриева поражало меня, потому что он не был ни рабочим ни соц.-дем., по настроению, скорее, с.-р., а по занятиям—мелкий ремесленник. Был ли он убежденным с.-р., я этого не знал, и только позднее я узнал, что его квартира была для с.-р. штабом или явкой. Но это нисколько не мешало ему посещать рабочие собрания, устраиваемые с.-д., поддерживать с ними связь и оказывать всяческое содействие.

С помощью моего квартирного хозяина Лундовского, работавшего вместе со мной в «Каспийском о-ве», я скоро связался со всеми судоходными заводами (ремонтными, главным образом). Но по настроению рабочих, работавших на верфях, нельзя было судить о настроении всех рабочих Баку, так как здесь работы были, по преимуществу, сезонные, и на лето рабо-

чие судоремонтных верфей уходили в деревню, вместе со своими мастерами и подрядчиками. Поэтому, прежде чем приступить вплотную к работе среди них, я познакомился с промысловыми рабочими Биби-Эйбатского района и должен сказать, что на меня, работника центральной России, Баку произвел впечатление «вольного города». Находясь под гласным надзором, я не чувствовал этого надзора, от меня не требовалось даже явок на поверку в полицию, как этого требовали во всех городах России.

Об'ясняется это, понятно, не гуманностью и не неопытностью полиции, а теми специфическими условиями, которые были в этом многоплеменном и малокультурном, но богатейшем крае. Царская власть владела этим краем, играя на обострении национальных инстинктов.

Оправившись от тюрьмы и екатеринославской голодовки, я горячо принялся за работу. В какой-нибудь месяц на судоремонтных верфях был организован целый ряд кружков, от которых я вошел представителем в городской район. Для этой работы в другое время и в другом месте потребовался бы год.

Баку по национальному своему составу, как я уже отмечал, город разноязычный: там имелись рабочие тюркские, русские, армянские, грузинские, еврейские и персидские; наиболее сознательными были русские, бежавшие большей частью от полицейского кулака из Питера, Сормова и др. промышленных центров. Что касается тюрок и персов, которых насчитывалось в бакинской промышленности до 80% всех рабочих, то с ними только что еще начинали работать. Для этого некоторые товарищи спешно изучали тюркскую грамоту и начинали печатать литературу на их родном языке; при мне, помню, вышло не более 2-3 листовок. Несмотря на такую пестроту и разноязычие рабочих, работа шла успешно, чувствовалась революционная весна.

Вскоре началась стачечная кампания, а перед этим у Бакинского Комитета стоял на очереди вопрос о демонстрации и изыскивались средства для вооружения организованных рабочих. С этой целью, мы, работники городского района, прибегали к такому способу: с одной стороны, деньги мы собирали через либералов, с другой, — непосредственно сами, именем революции. Это происходило так: отправлялись по буржуазным домам и магазинам по 2-3 товарища, с бланками и печатью Бакинского комитета; в тексте бланков говорилось о цели сбора, т. е. о вооружении с.-д. организации. Один из товарищей оставался у наружной двери дозорным, на случай

опасности со стороны полиции, остальные же шли внутрь помещения, пред'являя бланк. Сколько собрали денег таким путем, я затрудняюсь сказать, так как долго работать таким оригинальным способом было небезопасно, и мы скоро прекратили сборы. Примерно в это время, т. е. в конце октября и в начале ноября были устроены первые в Баку революционные похороны со знаменами, венками и речами, где посылались проклятия царизму и буржуазии; хоронили еще молодого товарища, портного, умершего от туберкулеза. Народу на похоронах было до 1000 чел., главным образом, из городского района. Этот открытый протест еще больше ободрил нас, вызвал смелость к борьбе и протестам в широких массах.

В этот период революционное настроение росло неимоверно быстро, в рабочих массах назревала мысль о стачке, и, надо сказать откровенно, Бакинский Комитет не сумел учесть настроения рабочих масс, был застигнут врасплох и оказался неподготовленным к тому, чтобы сделать соответствующие выводы из всех предшествовавших событий: открытого сбора денег на вооружение, устройства ремесленниками революционных похорон и т. п. Происходило это потому, что мы продолжали вести свою работу академически, не спускаясь в гущу рабочих масс. Эту-то заминку в нашей работе использовал меньшевик-авантюрист Шендриков, работавший в это время в одном из крупнейших районов Баку—Балаханах. В то время когда мы толкались по явкам и комитетским заседаниям, измеряя и примеряя рабочее настроение, придумывая, куда его направить,—Шендриков устраивал многочисленные и многолюдные митинги, на которые ходили и мы, рабочие-большевики, радовались, как захватывают рабочих революционные идеи и как создается у них боевое настроение, но как-то инстинктивно чувствовали мы, что инициатива по руководству рабочим движением переходит в руки Шендрикова. Вместо того чтобы прислушиваться к пульсу рабочей жизни, в свою очередь, устраивать широкие рабочие собрания, направить свои стрелы на борьбу с капиталистами и царизмом, Бакинский Комитет открыл кампанию по разоблачению Шендрикова; понятно, это был ложный шаг; из нашей кампании ничего путного не выходило, и мы стали каким-то буфером [1]) в рабочем движении. А Шендриков, с его немалым агитаторским талантом, был во всеоружии. В мирной обстановке Шендриков,

[1]) Это в значительной степени не точно. См. выше статью А. Степани (Прим. ред.).

как организатор и как марксист, никуда не годился, а его нечистоплотность, как революционера и человека, отталкивала сознательных рабочих. Но в период революционного под'ема ведет рабочую массу тот, кто правильно учитывает рабочее настроение и выдвигает соответствующие лозунги.

Как могли мы доказать рабочим, не искушенным в фракционных разногласиях, что Шендриков—авантюрист, демагог, что он провоцирует их, когда он был с ними, выражал их интересы, зажигал их сердца, звал на борьбу с капиталистами, за улучшение их положения. Поэтому неудивительно, что, когда мы выступали против Шендрикова, нас не хотели слушать. И происходило это не потому, что у нас не было сил,—наоборот, в то время Бакинская организация своими силами, аппаратом и техникой была не в пример богаче ничтожной группки интеллигентов-меньшевиков. Условия для работы были благоприятны, как ни в одном промышленном центре России: деньги, квартиры для явок и собраний; рабочие же, не стесняясь устраивали собрания в помещениях заводов и в горах на открытом воздухе; такие митинги собирали тысячи рабочих и служили незаменимо делу агитации и пропаганды.

Я, периферийный работник, касался одного уголка Бакинской организации и все же помню прекрасных работников того времени, с которыми мне приходилось иметь дело и встречаться на междурайонных собраниях, напр.: Алеша Джапаридзе, Иван Иванович, Надежда Ивановна, с которой я был знаком по Питеру, Вишневский, Володя, Арсен, Сако, Ольга Петровна Бобровская, Лидия Николаевна (библиотекарша в Балаханах), Ваня Фиолетов—один из популярнейших рабочих в Балаханах. Кроме большевиков и меньшевиков, в Баку была и эсэровская группа, но она не претендовала на влияние в широкой массе, за искючением электрической станции, где она была сильна, а в остальных—с.-р. работали одиночками, подготовляясь к террористическим актам.

Для меня вначале было как-то непонятно, почему так случилось, что, несмотря на то, что на нашей стороне было абсолютное большинство сознательных рабочих, организационно закрепленных в районах, какая-то ничтожная группка интеллигентов-меньшевиков захватывает в свои руки инициативу и руководство стачкой и влияние в крупнейшем районе—Балаханах. Позднее я узнал, что незадолго до знаменитой стачки Илья Шендриков работал организатором в Балаханах, как представитель

Бакинского Комитета [1]). Когда он стал проявлять меньшевистские тенденции и выкинул какую-то авантюру, недостойную революционера, Бакинский Комитет отозвал его из Балаханского района и на его место послал другого товарища, кажется, Алешу (хорошо не помню). Шендриков не подчинился, образовал меньшевистскую группу и, нащупав благоприятную почву для стачки, повел кампанию за нее. Я был свидетелем многих митингов, на которых он выступал; он удивительно умело охватывал больные места рабочей жизни, умел картинно осветить их, вместе с мелкими требованиями—рукавицами, фартуками и пр. Мы боялись тогда, как бы рабочие не ограничились этими требованиями, но, зажигая огонь в их сердцах, он не отдавал себе отчета, что придется звать на борьбу и за политические требования и на вооруженное восстание, и шел по течению, не желая упустить нить по руководству движением, настроением рабочих. Его панибратское отношение с рабочими, то, что он в трудные и опасные моменты (до и в период стачки) был всегда с ними, делил горести и радости,—подкупало рабочих, и за ним шли без оглядки. Укажу такой факт: во время той же стачки Бакинский Комитет на одно из воскресений призывает рабочих на демонстрацию, а Шендриков на этот день назначает митинг, и что же? Рабочие пошли на митинг послушать Шендрикова, но не на демонстрацию. Усматривать в этом одну трусость рабочих было бы, по меньшей мере, неразумно, и все наши потуги разоблачить Шендрикова, вырвать из его рук инициативу долго не имели успеха; пока мы не приобщились к стачке вплотную, рабочие массы видели в нем своего руководителя. И понятно: ведь, это было на заре назревающих революционных событий, в конце 1904 года, когда среди промышленного пролетариата шел процесс накопления революционных сил, когда рабочая атмосфера заряжалась протестом против существующего строя и этой революционностью заряжались самые недра низов рабочего класса. Начиналось недовольство условиями своего труда и с мелких требований рукавиц, фартуков, квартирных надбавок и пр. В начале событий пролетариат еще не вполне осознал основные причины своего недовольства, он не был уверен в своих силах на большее, оно скрывалось от него его малосознательностью и подавленностью

[1]) Илья Шендриков никогда не был представителем Бакинского Комитета. Правда, с ним велись переговоры, но к положительным результатам они не привели. (Прим. ред.).

царским режимом и капиталом,—он только начинал разгибать свою спину. В том и состояла задача нашей организации, чтобы помочь рабочим осознать неосознанное, вскрыть перед ними основные причины классовых противоречий, указать путь для разрешения их.

Для Бакинского Комитета впоследствии ничего не стоило овладеть стачкой, не потому что мы умело выработали требования,—они висели в воздухе до этого,—а потому что в то время все сознательные и авторитетные рабочие в массах были большевиками, они жили с массой единой жизнью; стачечный комитет, повседневный руководитель стачки, состоял из абсолютного большинства рабочих-большевиков.

Во всякой борьбе, будь то стачка, вооруженное восстание, гражданская война,—особенно важны два момента: начало и конец. В начале борьбы необходимо, чтобы цель борьбы была ясна, лозунги выпуклы и осознаны массой, зажжены предварительно страстным внутренним огнем, была пробуждена воля к их осуществлению. Эта предварительная часть бакинской стачки была прекрасно выполнена Шендриковым. Вторая, не менее важная часть борьбы: не останавливаться на полпути, не ослаблять воли и энтузиазма массы, но, в то же время, уметь маневрировать, если надо, во время отступить, хотя бы цель не вполне была достигнута. Эту задачу, благодаря своим щупальцам—сознательным рабочим—Бакинский Комитет блестяще выполнил и этим парализовал деятельность Шендрикова, закрепил массовое движение рабочих в организационные формы, и работа пошла более планомерно.

Работая среди судоремонтных рабочих во время знаменитой стачки, я случайно познакомился с солдатами бакинского гарнизона и перешел на военную работу. Знакомство мое началось с того, что на квартиру Лундовского, где я жил, пришел его знакомый, унтер-офицер Павлов. За чаем я его познакомил с рабочим движением в России, сказал, что это движение перебросилось уже в солдатские массы, главным образом, на матросов, как наиболее культурную часть войска, что ведется революционная работа и среди армейских частей и т. п. На второй день мы условились с ним, что я приду к ним в казарму, он пригласит своих товарищей в ротную чайную, и там мы можем поговорить об организации кружка. В казарму я пришел, как «двоюродный брат» Павлова; он пригласил человек 6 унтер-офицеров. Так же, как и у меня на квартире, я позна-

комил их с революционным движением, целью его и ролью солдат в нем. Через два дня они обещали собрать несколько человек из роты, наиболее честных и оппозиционно настроенных солдат, и отправиться в горы (на Биби-Эйбате) на совещание Между прочим, Шендриков оказал немалую услугу и в моей военной работе. Это произошло при следующих условиях: окончив наше совещание (я узнал, что за другой горой происходит митинг рабочих), я предложил желающим солдатам пройтись со мной за другую гору; мы там присоединились к митингу рабочих. В это время Шендриков сел на своего обычного конька: как много всяких благ имеют капиталисты и как хорошо они живут, и как мало имеют рабочие и как плохо они живут, но стоит только рабочим захотеть,—и все это по праву будет принадлежать трудящимся: дворцы, дома, в которых живут богачи, магазины, склады, из которых они пользуются,—все это будет в руках рабочих и т. п. Словом,—грабь награбленное. Надо было быть там, чтобы почувствовать то настроение, которое он создал в массах на этом митинге. В особенности, солдаты; они мне потом рассказывали, что они бредят теми образами, которые рисовал оратор. Придя в казарму, они не могли удержаться, чтобы не поделиться своими впечатлениями с другими солдатами, не бывшими на митинге, забыв даже про всякую осторожность в казарме. Солдаты сами стали просить устроить солдатский митинг и пригласить этого оратора. В душе я был согласен с ними, но пригласить Шендрикова, с которым я боролся, не мог, и под предлогом, что нам необходимо создать организационнее ядро солдат, которое бы связывало всю солдатскую массу, вело среди них работу и было бы связано само с организацией, я отклонил их желание.

На следующем совещании мы обсудили кандитуры, которые должны войти в наше ядро, и набрали наиболее подходящих из всех рот, человек двадцать, большинство из них унтер-офицеры, как наиболее грамотные и авторитетные в казармах. Решили выпустить листок к солдатам; для этого они обещали собрать материал о внутренней жизни солдат, который больше затронет всю солдатскую массу, так как листок, построенный на фоне местных нужд, лучше воспринимается. Такие листки Бакинским Комитетом выпускались довольно часто. Работа с солдатами налаживалась очень успешно, мне дали пропагандиста пермяка, Василия или Николая Петровича, хорошо не помню его имени.

Судоремонтных рабочих я передал «Сапожнику», а сам отдался целиком военной работе.

Время было полувоенное, мы, большевики, знали, что драться с царизмом и буржуазией нам придется по настоящему, когда, точно сказать мы не могли, но мы считали, что надо быть всегда готовыми. Поэтому, работая среди военных, пропагандируя, агитируя, организуя их, мы всегда помнили о том, что люди они военные, имеют дело с оружием, охраняют оружейные склады, а наша организация в нем нуждается. У нас возникла идея воспользоваться оружием для нашей организации. Этот вопрос на одном из наших совещаний в узком кругу наиболее надежных солдат я поставил на обсуждение; предложение было принято, у нас составился, примерно, такой план: увезти со склада оружие в тот момент, когда большинство охраны оружейного склада будет из наших солдат. Мы знали дни и часы, когда будут стоять наши солдаты, уже наметили определенный день, когда и как это должно осуществиться. Надо было послать к складу в назначенный день и час требуемое количество подвод и несколько надежных людей; наши солдаты—охрана—связывают часть охраны, которая не состоит в нашей организации (если она не присоединится к нам), мы забираем ружья и патроны и увозим в заранее приготовленные склады, а солдат переправляем в другие города. Этот приблизительный план был рассмотрен совместно с Алешей и Вишневским и утвержден. Тов. Вишневскому было поручено привести его в исполнение, Павлову—следить за настроением солдат и держать нас в курсе, мне же—усиленно заниматься своей работой в казармах. Все шло хорошо, дело было на мази, через два-три дня наша операция должна была осуществиться. В последний момент случилось то, что помешало нам довести дело до конца,—я и основное ядро, в числе 14 солдат, были арестованы. Они были арестованы днем, в казармах, и препровождены на гауптвахту, а я арестован у себя на квартире; за компанию со мной были арестованы мой квартирный хозяин Лундовский и тов. Александр, живший вместе с нами, не состоявший в партии, но прекраснейший товарищ. Нас троих водворили в Баиловскую тюрьму.

С внешней стороны бакинская тюрьма ничем не отличалась от остальных российских тюрем; она состояла из нескольких уже старых корпусов, расположенных на берегу Каспийского моря. В небольшом двухэтажном корпусе, обращенном к

морю, нижний этаж занимали мы, политические, а верхний был под больницей и женским отделением. На некотором возвышении были устроены башенки для часовых постов, внизу, извне, также расставлена стража. Наш корпус отделялся небольшим забором, с одной стороны, от уголовного, а с другой—от больницы. Получалась некоторая внешняя изолированность от остальной тюремной жизни. Вот и все, что можно сказать о внешнем виде Баиловской тюрьмы. Но зато, по внутреннему своему режиму и жизни в ней политических, она от всех российских тюрем, в которых мне приходилось сидеть, отличалась очень, в положительную сторону. Политических заключенных в тот период сидело до 70 человек, из них большевиков 45, остальные меньшевики и с.-р. Мы сидели по нескольку человек в одной небольшой камере; может-быть, вследствие такой тесноты, наши камеры запирались только на ночь, часов в 8-9 вечера, а открывались рано утром. Тюремная администрация не вмешивалась в нашу внутреннюю жизнь, внутренний режим устанавливался нами самими. У нас было свое хозяйство, из тюрьмы мы получали только хлеб, а за приварок деньгами. Мы ежедневно выписывали продукты через поставщика-лавочника, с которым заключали условие и в месяц раз производили расчет; мы имели свою отдельную кухню, своего повара, старосту, на котором лежала вся хозяйственная и административная часть по внутреннему распорядку, сношениям с тюремной администрацией и с волей по делам хозяйственным. Староста отчитывался в месяц раз на общих собраниях политических заключенных по всем вопросам и получал директивы на будущее время. Одним словом, было свое «учредительное собрание». Жили мы полной коммуной, личных денег, продуктов и т. п. никто из нас не имел, все получали из общего котла: как пищу, так и остальное довольствие, вплоть до белья. Все были равны, среди нас не было ни интеллигентов ни рабочих, все принадлежали к одному разряду; если у некоторых и были поползновения нарушить эту внутреннюю конституцию, то такие товарищи общим собранием призывались к порядку.

Постепенно у нас в тюрьме собралась прекрасная библиотека, и, кроме того, мы регулярно получали нелегальную литературу; таким образом, мы были в курсе всей политической жизни и событий, какие происходили на воле. Но, благодаря скученности и свободе передвижения из камеры в камеру и из камеры во двор, и наша конституция не выдержала, мы не мо-

гли наладить регулярных научных занятий. Много времени у нас уходило также на политические рассуждения и фракционные споры; зато не было товарища, который бы не уяснил себе фракционных и политических разногласий. Такое разграничение по фракциям иногда доходило до грубой и смешной демагогии: кавказец спрашивает меньшевика кавказца: «Кто такой большевик?. Меньшевик отвечает: «Ты знаешь, кто такой губернатор?»—«Знаю»,—говорит кавказец рабочий. «Знаешь чиновника особых поручений при нем?—«Знаю». «Это все равно, что большевик(?!)»—«Ты против них». «Против». Отношение к фракциям определялось еще... по симпатиям к лидерам фракций. Делались доклады о партийных с'ездах, конференциях, устраивались беседы на научные и злободневные темы, устраивались митинги, а для разнообразия мы демонстрировали по двору с красными флагами и песнями. Много спорили о петербургских событиях 9 января, пытались оценить их с точки зрения революционного движения в России. Несмотря на разноречие в оценке тактики, все сходились на том, что с 9 января 1905 г. начинается новая эра в рабочем движении, вера в бога и царя, если не убита совсем, то сильно подорвана в широких массах рабочего класса, что облегчит им уяснение классовой борьбы.

Разобраться более или менее во всех злободневных вопросах было не так трудно, так как в тот период у нас сидели лидеры всех политических партий и фракций Кавказа: из большевиков—областники Кавказа, товарищи В. С. Бобровский, Таратута; от Бакинского Комитета—т. Монтин (в то время политический староста у нас) и много других работников; из меньшевиков—три брата Шендриковы; из эс-эров—Вольский (сидел под именем «второго Неизвестного»), Прокофьева, Дедушка и др., внефракционный тов. Хундадзе. Он и в то время путался—то с нами, то с меньшевиками, но был одним из популярных работников с.-д. среди грузинских рабочих, и его популярность сохранилась и в тюрьме.

Неприязненные отношения между нами и Шендриковым на воле перенеслись и в тюрьму; это вносило в нашу жизнь некоторый диссонанс, и только угрожавшая нам общая опасность сглаживала несколько наши разногласия и более или менее сплачивала нас.

Какие бы сносные условия в тюрьме ни были, выйти из нее всегда хотелось, даже в том случае, если был риск для здоровья и для жизни не только тем, кто пытался из нее уйти,

но и остающимся в ней. Большинство из нас не имело больших дел, из-за которых бы им следовало бежать, но были и такие, которым предстояла смертная казнь, каторга или поселение. Тов. Хундадзе предстояло последнее. Мы стали думать, как устроить ему побег из тюрьмы, и придумали такой оригинальный способ: товарищ Монтин вскоре должен был освободиться из тюрьмы, и мы решили связать побег Хундадзе с освобождением Монтина. Монтин при освобождении должен был оставить свои вещи в тюрьме, предупредив начальника тюрьмы, что вскоре он зайдет за ними, а в последние дни до освобождения купить такую корзину для своих вещей, в которую можно было бы усадить Хундадзе, почти трех аршин росту. Такая корзина была приобретена, примерно, на Хундадзе и одобрена. Ждем Монтина. Монтин предупреждает нас, что пришел за вещами, следовательно, мы должны приготовиться к выносу. Посадив в корзину Хундадзе, заперев ее на замок, ждем посыльного из конторы, и, наконец, нам сообщают, что Монтин просит вынести его вещи. Два здоровых товарища подхватывают корзину, несколько человек (в виде подкрепления, под предлогом разных дел, и я, вступивший в должность политического старосты после Монтина) отправляются за поклажей, имея в виду, что, в случае неудачи, если обстоятельства дела потребуют, мы должны силой отнять и принести корзину обратно. Когда корзина, с разрешения начальника, была уже у выхода, привратник потребовал ее открыть, отказываясь иначе пропустить. Открыть корзину мы отказались на том основании, что у нас нет ключа, а Монтин заявил, что ключ он забыл дома. Наши мотивы, видимо, были неубедительны, а ввиду нашей настойчивости пронести корзину, не открывая, привратник, видимо, заподозрил неладное. Он взял штык и хотел проколоть корзину. Видя, что дело может кончиться печально, мы потащили корзину обратно, но надзиратели задержали ее, и между нами завязалась борьба. В это время кто-то сбил замок у корзины и оттуда вылез наш Хундадзе. Увидав, что нас избивают в присутствии начальника тюрьмы, он взял в охапку начальника и успел бросить его на землю, после чего сам получил несколько ударов по голове молотком. В результате, у Хундадзе проломлена голова, многие товарищи также ранены. И, вот, потерпев неудачу, мы, окровавленные, возвращаемся с поля битвы. Когда мы появились в таком виде среди остальных товарищей, они взволновались, сейчас же устроили общее собрание, на котором

решили не входить в камеры. Мы требовали, чтобы немедленно пришел к нам прокурор, а, войдя в камеры, стали стучать. В ответ на это к нам привели солдат, угрожали применить оружие, если мы не смиримся, и мы пошли на уступки, с условием, что завтра будет прокурор. На следующий день появился прокурор, был составлен протокол, мы настояли на том, что начальник будет смещен, а также и два особо «отличившихся» при побоях надзирателя. На этом и закончилась наша история с освобождением Хундадзе.

Второй случай организованного нами побега из тюрьмы был для эс-эра, осужденного к смертной казни, но при новом аресте не раскрытого и сидевшего в тюрьме под именем «Неизвестный». Этот побег организован был при следующих обстоятельствах. Мы решили воспользоваться пасхой, когда особо сердобольные старушки и молодухи приходят к заутрене в тюремную церковь, вместе с арестованными «помолиться богу». В это время и начальство становится добрее. Мы узнали, что в церкви не будет специальной охраны для нас, а мы будем стоять вместе с посторонними, поэтому и решили использовать это обстоятельство: уж если пасха, так пускай будет и для нас пасха. Нарядив нашего «Неизвестного» в красный сарафан, повязав платочек на голову, мы повели его в церковь. Все шло хорошо, наша молодуха смешалась с посторонними, была неузнаваема, но когда стали выходить из церкви, случилось с нею несчастье: свалился сарафан, ну, и растерялся парень, дело непривычное; пока поправлял сарафан, момент был упущен—народ проходил в калитку, пришлось ретироваться, пока не заметили, скрываться в камеру. В камерах приготовлен был пасхальный завтрак с вином. Начальник пил тост за скорое освобождение наше, а мы кричали: «Долой самодержавие»! и пели песни борьбы. Устроенная третья попытка побега для эс-эров Вольского и «Неизвестного» кончилась также неудачей: целую неделю рыли подкоп, но рыли уголовные с больничного двора и они же выдали начальству. Все три наши попытки организовать побеги, к стыду нашему, кончились неудачно, но зато в эти минуты, независимо от партий и фракций, мы были едины, вместе радовались удачам, вместе болели от неудач.

Помню еще одно событие в бакинской тюрьме. Это было во время национальной резни в Баку. Как известно, эта резня, организованная полицией, перебросилась затем по приказу и к нам в тюрьму. Тюремная администрация подстрекала персов

на армян и готовила и нам горячую баню. Уже на второй день бакинской резни сказались результаты работы тюремщиков. На наших глазах персы зарезали армянина. Это обстоятельство не мало встревожило армян и нас, политических. Мы сейчас же вмешались в кровавую историю; кажется, товарищ Таратута от нас отправился к начальнику тюрьмы для переговоров. Ему стали доказывать, что это делается не без его ведома, что эта игра страстями уголовных может кончиться невыгодно и для него. Я, как политический староста, имел право ходить свободно по тюрьме и отправился в уголовные корпуса, где вел переговоры с персидскими вожаками (разбойниками), как мне казалось, успешно. Но через некоторое время мы заметили среди уголовных волнения; как нам сообщили, среди них распространился слух, будто мы, политические, потребовали от начальника тюрьмы обезоружить уголовных (все главари имели ножи), поэтому они собираются напасть на нас. От такого обвинения нам пощады не будет, медлить было нельзя, надо действовать. Здесь нас выручил тов. Хундадзе; стоило ему показаться с обвязанной, еще незажившей головой среди уголовных, и мир был восстановлен. Товарищ Хундадзе, как юрист, часто писал им прошения, давал советы и этим заслужил у них уважение и доверие к себе; благодаря его популярности, мы избежали неприятностей, а, может-быть, было спасено много жизней.

Вскоре жизнь вступила в нормальную колею, и по прежнему мы продолжали сражаться с меньшевиками и эс-эрами. Наступили дни моего суда, в конце мая я получил обвинительный акт, через товарища на воле сговорился о защитниках для меня и моих сопроцессников солдат. От защитника я узнал, что нас выдал один унтер-офицер (фамилии его я не помню); к счастью, он не был в курсе дела нашего плана с оружием, но он входил в один из кружков, знал многих солдат нашей организации и регулярно доносил по начальству о собраниях и распространении литературы, за что получил фельдфебеля. Солдаты на допросе у жандармов признали меня, но, несмотря на это, защитники уверяли меня в возможности отказа солдат на суде от своих первоначальных показаний, а защите удастся доказать, что выдавший нас солдат действовал с корыстной целью и провоцировал. Поэтому защита поставила мне условием не выступать с речами на суде: в то время, когда черноморцы палят из пушек, речами никого не удивишь, а лишь повредишь и

себе и солдатам. Суд происходил во время восстания черноморцев на «Потемкине»; на седые генеральские головы повлияли не речи защиты, а матросские пушки. Мы все были оправданы, за исключением тов. Павлова, которого приговорили к десяти годам поселения за оскорбление портрета царя в казарме. Как и предполагали мои защитники, мои сопроцессники-солдаты на суде отказались от своих первоначальных показаний жандармам, заявив, что меня в казармах они не видали и, вообще, меня не знают.

Я был освобожден и, так как товарищи опасались, что жандармы могут меня арестовать вновь, я решил уехать из Баку. Бакинский Комитет не стал меня задерживать и отправил в Москву.

Иван Голубев.

„Шендриковщина".

(Зубатовщина в бакинском рабочем движении).

В истории бакинского движения «шендриковщина» занимает одно из интересных мест. Течение это было очень похоже на меньшевизм, особенно, на «ликвидаторство». Еще больше смахивало и на «зубатовщину», хотя сам лидер «шендриковщины»—Лев Шендриков всячески отпирался от этого и стремился доказать, что на деле он и его сторонники стремились вывести бакинское рабочее движение «на путь широкого, организованного западно-европейского движения». Важно сказать, что в литературе нашей и сейчас не существует одинакового мнения о подлинной природе меньшевизма, ввиду чего нелишне было бы вновь остановиться на нем. Особенно нужно это, потому что об'ективно сама шендриковщина была массовым течением и в свое время сплачивала вокруг себя достаточно широкие слои бакинского пролетариата. Нашей организации в период 1904-1905 г.г. приходилось много бороться с этим течением, воплощавшим в себе все настроения неорганизованной пролетарской стихии.

Основателем и главным лидером течения является Лев Никифорович Шендриков, который в 1914 г. основал так называемую «Балахано-Биби-Эйбатскую рабочую организацию». И сам Лев Шендриков и его брат Илья (Касьян) обладали незаурядными ораторскими способностями. Сам же Лев Шендриков, кроме того, был крупным организатором. Им были созданы связанные с названной организацией крупные рабочие ячейки в заводе Ротшильда (Балаханы), зав. Нобеля (там же), Мирзоева и др. предприятиях, им же был создан «Союз бакинских рабочих», который так же, как и названная выше организация, стоял на меньшевистской точке зрения.

Демагогия, ловкий подход к настроениям многотысячной, лишенной еще опыта пролетарской стихии, поддакивание неорганизованным проявлениям классовой борьбы,—все это делало Шендриковых «героями дня». Самая безучастность к политике, подчеркиваемая ими все время, делала их особенно популярны-

ми в глазах все еще не порвавшей связей своих с деревней массы. «Экономизм» Шендриковых, их интерес к вопросам сегодняшнего дня, к простым, реальным потребностям нефтяного пролетариата связывал «шендриковщину» с широчайшими массами и группами. Как бы мы ни оценивали роль «шендриковщины», мы не можем отрицать, что эта маленькая кучка людей, сгруппировавшихся вокруг Шендриковых, в 1904 году представляла крупную силу. Сам Лев Шендриков в это время являлся вождем стихии, и вождем, пользовавшимся особенно большим авторитетом в рядах русского пролетариата.

Кампания по «Совещанию с нефтепромышленниками», открытая им, была настолько широкой, что, несмотря на противодействие и критику со стороны с.-д. партии, имела, все же, немалый успех в массах. Шендриковым была организована посылка рабочей депутации в Петербург. Здесь, в сентябре 1905 г., Шендриков выступил с докладом о положении рабочих на с'езде нефтепромышленников под председательством министра финансов Коковцева. В те времена это открытое выступление в столице России и Шендриковым и его сторонниками трактовалось, как проявление наибольшей энергии и стойкости в защите интересов пролетариата. Сам Л. Шендриков по возвращении сейчас же отправился в промысловый район и постарался закрепить свое влияние путем регулярных докладов и планомерной агитации. Это ему, как известно, удалось до такой степени, что организованные по промыслам и заводам комиссии находились к октябрю 1905 г. под большим влиянием «шендиковщины».

Этим об'ясняются выборы Льва Шендрикова на пост председателя первого Бакинского Совета рабочих депутатов 1905 г. И здесь, управляя всей организационной работой, Лев Шендриков сумел в таком городе, как Баку, забрать Совет в свои руки. Во всей своей работе Бакинский Совет являлся в это время орудием в руках шендриковцев. «В то время, рассказывают об этом периоде сами шендриковцы, когда в Петербурге, Москве и Ростове на Дону Советы рабочих депутатов, переоценив свои силы, призывали к революционному захвату 8-мичасового рабочего дня, бросали другие острые лозунги и, отталкивая буржуазию (!!), в то же время отрывались от рабочих масс,—в Баку Совет рабочих депутатов под руководством Л. Ш. направляет свою работу на организацию рабочих масс и на привлечение сочувствия широких слоев обще-

ства освободительному движению. Совет рабочих депутатов, прежде всего, укрепляет рабочие комиссии, организует переговоры с нефтепромышленниками и через уполномоченных вырабатывает устав камеры соглашения, улаживает целый ряд конфликтов и мирным путем добивается вознаграждения за время августовских событий». Здесь, в этих строках, достаточно ясно охарактеризована самими шендриковцами основная суть этого течения. Боязнь оттолкнуть буржуазию, желание привлечь «широкие слои» общества, переговоры с нефтяными королями и организация «камеры соглашения» в дни острейших революционных схваток,—все это доказывало преобладание умереннейших трэд-юнионистских тенденций в самой шендриковщине. Между прочим, в разработке устава «камеры соглашения», кроме двух Шендриковых, Шевелева, Андрея Арну, Смышляева и Рафиева от рабочих, принимали участие П. Эклунд (управляющий Нобеля), Фейгель (Ротшильд), Каспийское т-во (А. О. Гукасов), Уркард (английские фирмы), Тагианосов, Дастаков и Медведев. Однако, как выясняется впоследствии, работа Шендрикова не ограничивается одним лишь проведением «европейских методов» борьбы.

В 1906 г., по инициативе группы «безработных», Лев Шендриков организовывает «механический кооператив» и одновременно, как передают сами же шендриковцы, уступая просьбам безработных товарищей, обращается в конце февраля 1906 г. к Джунковскому с письмом, в котором ходатайствует о выдаче безработным субсидии «для устройства кооператива». Письмо это и становится предметом суждения в Бакинской соц.-дем. организации. Резолюцией от 4 июня 1906 г. выносится единогласное постановление об исключении Льва Шендрикова из соц.-демократической партии. На этом же заседании, повидимому, вся работа Шендрикова рассматривалась, как проявление «зубатовщины». Против этой резолюции выступали сначала некоторые сторонники Шендрикова. Так, напр., в № 2 газеты «Труд» за 1906 г. сообщалось, что «члены бывш. Совета рабочих депутатов, они же и члены Б. О. С.-Д. Р. П. (все ли, действительно? Прим. ред. «Труда»), обсудив на собрании 11 июня дело Льва Шендрикова по существу и выслушав от самого Л. Ш. историю письма его к Джунковскому, признали, что: 1) обвинение Льва

Шендрикова в предательстве бакинского пролетариата и зубатовщине есть плод глубокого недоразумения». На основании этого указанная группа просила Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. пересмотреть вопрос о Л. Шендрикове. Такое же письмо в той же газете было помещено от группы рабочих зав. Нобеля в Балаханах.

Характерно, что, наряду с большевиками, Шендрикова не менее резко осуждали и его идейные единомышленники—меньшевики. После вынесенной резолюции, в меньшевистской газете «Труд» была помещена статья «Бывший товарищ и зубатовщина». Такая же статья была напечатана «Меньшевиком» в «Трудовой Жизни» (№ 24 за 1906 г.): «Чем нас наградила шендриковщина».

Нужно сказать, что редакция газеты «Труд» защитникам Шендрикова указывала в ответ, что «Льва Шендрикова обвиняли не в предательстве. Ознакомившись с известным его письмом к Джунковскому, междурайонное собрание сказало только, что Лев Шендриков, как социал-демократ, не мог написать такого письма и не может после этого считаться членом социал-демократической организации».

Что же касается редакции «Трудовой жизни», последняя заявляла следующее:

«Мы печатаем ваше письмо, товарищи рабочие, но не согласны с вашим протестом. Решение по делу Льва Шендрикова вынесено междурайонным собранием Бакинской организации Р. С.-Д. Р. П., а не некоторыми членами организации. Это во-первых.

Лев Шендриков против состава собрания ничего не возражал и, таким образом, признал его законность. Это во-вторых.

Льву Шендрикову было предоставлено право отвода судей, беспристрастию которых он не доверял. Лев Шендриков никого из судей не отвел. Это в третьих.

Кроме того, нас удивляет, что товарищи рабочие выносят свои приговоры, совершенно не будучи знакомы с теми свидетельскими показаниями и с тем следственным материалом, который был в руках междурайонного собрания. Это в четвертых».

Общее мнение партийных кругов также квалифицировало поведение Л. Шендрикова в весьма нелестных выражениях.

Тем не менее, Л. Шендриков попытался сначала аппеллировать к Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Последним решение Бакинской организации было оставлено в силе. Аппелляция к Черногородскому рабочему району также не дала никаких результатов. Дело Шендрикова было более чем ясное, а самое обвинение обосновывалось всеми шагами и всем поведением самих Шендриковых. Особенно же ясно специфический «зубатовский» душок шендриковщины выявился в журнале «Правое Дело», выпущенном друзьями и соратниками Л. Шендрикова.

Редакция этого журнала собиралась доказать, что вся тактика Л. Шендрикова была резко-отличной от тактики всей социал-демократии; что Л. Шендриков являлся проводником «европейских методов» борьбы; что он не желал отталкивать буржуазию и т. д. и т. д. Из помещенного в журнале письма самого Льва Шендрикова явствовало, что он, действительно, писал царскому чиновнику Джунковскому и просил у него «субсидии» для механического кооператива, но потом сам же, якобы, взял обратно письмо.

В том же письме Л. Шендриков, в ответ на обвинение «Меньшевика» (в «Трудовой Жизни»), что «Шендриковы брали у нефтепромышленников деньги», заявляет, что он это делал по «постановлению организации» (??). «Прежние (?) организации, читаем в № 1 «Правого Дела», как «Балаханская и Биби-Эйбатская», «Союз бакинских рабочих», при решении вопроса о материальной помощи от капиталистов, достаточно мотивировали свое право для такого рода требований. Прежние (?) организации указывали, что организация рабочих крайне затрудняется гонениями правительства, для борьбы с жестокой провокацией не хватает организации необходимых средств. Без оказания помощи организациям нефтепромышленники нисколько не гарантированы от всевозможных неожиданностей. Далее сообщается, что... за последние два года, для целей организации, было взято (откуда? у кого?) в разное время свыше 20 тысяч рублей»... Если учесть то обстоятельство, что поименованные выше организации являлись фактически аппаратами шендриковцев, что самая помощь организациям является, по словам самого же Шендрикова, некоторой мерой, охраняющей нефтепромышленников от «всевозможных

неожиданностей», то природа шендриковщины будет выявлена вполне достаточно.

Безразличие к политике, осторожное отношение к буржуазии (борьба против захватных методов, против 8-мичас. дня, работа по организации «совещания» и «соглашений»), мирные переговоры с Фейгль и Гукасовым и, одновременно, получение денег от нефтепромышленников, ввиде вознаграждения за спасение их от всяких «неожиданностей»,—все это две различные стороны одной и той же медали. Такие акулы бакинской буржуазии, как Аршак Гукасов и Фейгль, даром денег не дают. И раз сам Л. Шендриков открыто заявляет, что «прежние организации» (т. е. шендриковские организации) применяли этот метод систематически, то он сам, тем самым, доказывает, что весь «европеизм», вся «осторожность» и «реальная политика» шендриковцев являлись об'ективно той «гарантией», которая охраняла нефтяных набобов от забастовок и рабочих волнений.

Отсюда до обращения к Джунковскому и получения субсидии у правительства—всего лишь один шаг. Сделал ли этот шаг Лев Шендриков, или, на самом деле, он на полпути остановился, очнулся и, отправившись к нему (Джунковскому), забрал обратно свое прошение (как уверяет сам Л. Шендриков), —положение и в том и в другом случае остается одинаковым. Важно то, что Шендриковы имели свой специальный, много напоминающий зубатовщину подход к пролетариату и его классовой борьбе. Важно то, что они убежденно стремились к политике «соглашений» и «гармонии классовых интересов» и решительнейшим образом остерегались борьбы против устоев капиталистического строя. Отсюда и успех шендриковщины в первом, начальном периоде бакинского рабочего движения. Отсюда и полнейший крах этого течения в последующие периоды оформления рабочего движения и развития политической организации пролетариата.

А. Каринян.

Юношеское движение в Баку.

(1904—1906 гг.).

Юношеское движение в период 1904-6 гг. было недостаточно оформлено. Бакинская организация нашей партии главное внимание свое уделяла рабочим районам. Все партийные работники, как пропагандисты, так и агитаторы нас, «гимназистов» и «реалистов», рассматривали, как будущих агитаторов. Поэтому они предпочитали иметь лишь двух-трех преданных работников для конспиративных поручений, и не больше.

В 1904-1906 гг. я учился в бакинской (имени Александра III) в то время «классической гимназии». Недалеко от нашей гимназии находилось реальное училище, где, между прочим, преподавал с.-д., член партии, Васильев. Мы, гимназисты, знали это. Знали также то, что среди наших преподавателей нет ни одного «своего» человека. Был один учитель Николай Терентьевич Улезко—преподаватель русской литературы и всеобщей истории. На своих уроках он почти всегда проводил материалистическую точку зрения. Несмотря на это, долгое время нам не удавалось подойти вплотную к Улезко. Впоследствии только мы его «раскусили» и узнали, что это «наш», т. е., по нашему разумению, человек, недовольный царизмом и старой классической школой.

Наша гимназия была многолюдной. Было у нас, насколько помню, свыше 1000 учащихся. Были тут и армяне, и тюрки, и русские, и евреи. Национального антагонизма не было.

Тем не менее, националистические партии здесь были сильны. Собственно, настоящую массовую работу среди учащихся вели именно эти партии. Армянские дашнаки имели бакинскую секцию «Дашнакского ученического союза», которая была особенно сильна в гимназии. Евреи были организованы, как секция сионистской организации.

В первое время существовала и эс-эровская организация. Впоследствии организация эта окончательно захирела. Мы же,

социал-демократы, уже с 1905 года начали крепнуть и усиливаться. Работа наша шла на два фронта: с одной стороны, мы вели борьбу против национализма и националистических партий, с другой,—против старой школы и школьного режима. Борьба за новую школу окрашивалась в определенный политический цвет. Помню, что некоторые ученические стачки приурочивались к определенным рабочим выступлениям. Особенно значительной явилась всеобщая ученическая забастовка в 1905 году. Во время одной из забастовок мы, учащиеся, создали свой «Комитет ученических депутатов», который заседал попеременно то в гимназии, то в помещении технического училища. Во время забастовок «техники» всегда оказывались наиболее революционными, затем шла гимназия. Революционность «техников» об'яснялась социальным составом школы; в большинстве своем, учащиеся этой школы были детьми либо рабочих, либо мастеровых, либо же беднейших ремесленников. Первое требование об удалении «директора» было выставлено «техниками». Директором в это время был Михалевский, шпион и губернаторский лакей, который для обуздания школы прибегал ко всяким грязнейшим способам. Забастовка техников была поддержана почти всеми учащимися Баку, за исключением одной лишь привилегированной женской гимназии имени св. Нины. Общий митинг всех учащихся состоялся во дворе гимназии. Здесь же был выбран забастовочный комитет. В прокламации, выпущенной по этому поводу, были выставлены требования о реформе школы, удалении Михалевского и... «созыве учредительного собрания, на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права». Остановлюсь на этом эпизоде, ибо он лучше всего характеризует умонастроение учащихся.

Мы, соц.-демократы,рассматривали всю эту учащуюся массу, как агитационный материал, и старались выловить и завербовать новых членов для своих нелегальных кружков. Забастовки по поводу школьных неурядиц и дискуссия о реформе школы были тем и хороши, что, внося шум и бурю в школьную жизнь, встряхивали учащихся от спячки и толкали к действенной работе.

Однако, наряду с этой массовой работой, шла и тайная пропагандистская работа. В 1904-5 г.г. я работал в так называемой армянской социал-демократической рабочей организации. С 1905 года эта организация выпускала свой официальный орган (на гектографе) «Дзайн» («Голос»). В журнале этом были напеча-

таны статьи: «Об экономическом материализме», «О выборах Государственную Думу», «О социалистах - революционерах», «Рабочий в литературе». Этой же организацией были изданы две брошюры: 1) «К вопросу об армяно-тюркских отношениях» — на русском и 2) «Литература и жизнь» — о пьесе Горького «На дне» — на армянском. Ученические кружки организации были довольно сильны и работали под руководством Александра Рубена, убитого в Шуше в 1921 году. Читал лекции и д-р Исаханян. Проходилась история армянской литературы. Помню, что в 1904 году наши ученические ячейки, несмотря на свой однородный состав, не желали связаться непосредственно с партией и чурались «политики». Однако, очень скоро это настроение проходит, и в 1905 году была организована связанная непосредственно с местной Бакинской организацией РСДРП общеученическая социал-демократическая организация. Тогда же было приступлено к изданию органа «Набат», на русском языке, редактором которого был назначен я. Насколько помнится, в первом номере этого журнала были напечатаны статьи «Об утопическом научном социализме», «К крестьянскому вопросу» и другие.

Общеученическая организация эта с первых же дней делается самой сильной. Кружковая работа по самообразованию становится более планомерной. Наиболее активную работу по организации этих кружков проводил один чертежник-техник, который был связан непосредственно с комитетом и через которого мы получали всю нелегальщину. У него же мы часто собирались для собеседований и дискуссий. Здесь я познакомился с Е. А. Бекзадян и Фаро Кнунян, которые считались уже «настоящими» с.-д. работницами. В кружках наших проходили историю культуры и историю революционного движения в России (по Туну). Руководителями были т. т. Иван Иванович (ныне д-р Окиншевич),Кир. Из гимназистов наиболее выдавался Егиазаров (ныне врач), который всегда таинственно молчал и уже этим импонировал. Он также доставлял нам нелегальщину, отдельные номера «Искры», женевского «Пролетария», брошюры Ленина. Это был «настоящий большевик» и доставлял нам исключительно большевистскую литературу. Из техников активную работу вели т. т. Терентьев, Петров. Где они сейчас, не знаю, но в то время в организации кружковой и агитационной работы эти учащиеся играли немалую роль.

После первой революции 1905 г., ученические организации становятся всесильными. Влияние соц.-дем. организации было

значительно в это время еще и потому, что наша организация была по составу интернациональной и наиболее многочисленной. Мы имели в это время свою боевую организацию, несколько крупных кружков и ячеек, выпускали часто листовки и прокламации, принимали активное участие в общеученическом суде. По нашему решению и по специальному постановлению этого суда, из гимназии был уволен сын начальника порта Двалиев, который, пользуясь покровительством своего отца и директора гимназии Котылевского, терроризовал вместе с тремя своими товарищами весь шестой класс. Одновременно с постановлением об увольнении Двалиева за хулиганское поведение, остальные трое были распределены по трем филиальным отделам класса. Все эти постановления были приведены в исполнение, несмотря на угрозы, а впоследствии «ходатайство» Двалиева-отца.

Ближайшее участие социал-демократов в повседневной ученической жизни способствовало повышению авторитета ученической соц.-дем. организации. К концу 1905 года это была уже одна из сильнейших группировок, с которой приходилось серьезно считаться.

В 1905 же году политическая работа организации приняла небывалые дотоле формы. Одним из могучих факторов революционизирования ученических масс являлась, как ни странно, армяно-тюркская распря. Вспыхнула она, как известно, совершенно неожиданно, хотя подготовлялась достаточно планомерно усилиями как администрации, так и общей политикой правительства. Экономический антагонизм, существовавший между армянской буржуазией и тюркским дворянством являлся, со своей стороны, той благодарной почвой, на которой вырос специфический армяно-тюркский национализм. Царским агентам нужно было немного усилий, для того чтобы этот классовый антагонизм вылился в широчайшую национальную войну. Отсталость армяно-тюркских масс, фанатизм и косность громадного слоя мещанства и провокационная работа полицейской администрации,—все это вместе создавало ту атмосферу напряженной вражды, которая и вылилась впоследствии в массовую войну.

И, вот, сейчас же после ликвидации этой войны, ликвидации, ускоренной усилиями бакинского пролетариата и местной организации, наступает период всеобщего отрезвления от националистического угара. Отрезвление это принимает характер определенной демонстрации против местной администрации и

царизма. Пресловутый «шайтан», упоминаемый часто как в прессе, так и на митингах, являлся не кем иным, как символическим наименованием всего старого порядка. По инициативе местной организации, как раз в это время и была выпущена армяно-тюркская газета «Коч-Девет». В газете этой работники местной организации давали освещение происшедшим событиям, при чем освещение это связывалось с оценкой и характеристикой царизма. На страницах «Коч-Девета« («Призыв») можно встретить статью известного мусаватиста Расул-Заде. В это время он был социал-демократом и, в качестве такового, всю национальную распрю об'яснял не исконной враждой, а общей политикой правительства — действиями пресловутого «шайтана». Такова была общественно-политическая обстановка в Баку в 1904-1905 г.г., и местная ученическая соц.-дем. организация, именно, поэтому наибольшее внимание обращала на освещение национального вопроса. По этому вопросу выступал на митинге и указанный выше учитель реального училища, с.-д. Васильев. Кажется, на большом митинге в здании бывш. общественного собрания произошло демонстративное выступление группы оппозиционных «родителей», приветствовавших преследуемого учебной администрацией Васильева.

Однако, спустя несколько дней наступило затишье. Васильев скрылся. Группой социал-демократов было отпечатано на гектографе его обращение ко всем учащимся. В то время оно произвело большое влияние на всех нас. Помню, что несколько дней все мы повторяли начальные слова из Горького, приведенные в прокламации в виде эпиграфа: «Безумству храбрых поем мы славу». Вообще, Горького тогда очень любили, Писарев и Горький были знакомы всем. Статью Писарева «Реалисты» знали почти наизусть. Слова из «Песни о буревестнике» то и дело цитировались в наших прокламациях. Особенно часто приводили мы фразу: «Глупый пингвин прячет тело жирное в утесах». Мы были убеждены, что меткие строки эти обязательно должны уколоть армянских дашнаков и евреев-сионистов, кои особенно отличались своей трусостью. Штрейкбрехеры и шкурники идеологическое обоснование своих гнусных поступков черпали как раз у представителей этих партий. Прокламации наши печатали мы гектографическим способом, при чем наиболее удачные листовки выпускали три раза по 70 экземпляров Автором многих ученических соц.-дем. прокламаций был Виталий Левенсон, один из активнейших работников нашей органи-

зации, глубоко начитанный еще в то время юноша, всегда работавший в тени, но заражавший своим юношеским энтузиазмом и крепкой верой «реалист».

В 1905 году мы имели сильных противников в лице дашнаков, сионистов и эс-эров. Обыкновенно, эти группы выступали сплошным фронтом против марксистов, при чем своим выступлениям придавали характер «теоретической» критики марксизма. Самые большие дискуссии происходили в помещении гимназии. Основными темами дискуссионных собраний были: диалектический материализм, национальный и аграрный вопросы.

После «ухода» Васильева мы начали искать нового союзника в учительской среде и нашли его в лице Улезко. По методу его работы было видно, что это человек иной формации и несравненно более связанный с живой жизнью, чем вся остальная педагогическая братия.

Это был горбатый, небольшого роста, но кряжистый, светлоглазый и светлорусый, с большой, хорошо скроенной, подлинно-русской головой человек. Говорил он очень просто, но, в то же время, чрезвычайно интересно и образно. Цитировал в подлинных, иногда поразительно метких отрывках источники, документы и литературные памятники. Давал удивительно четкие характеристики на фоне определенной исторической перспективы. Многие из нас, слушавшие Улезко, и сейчас помнят характеристики Курбского, Грозного, Оливера Кромвеля... По существу, Улезко в то время был «легальным марксистом», и поэтому ко всем историческим событиям он подходил с материалистической точки зрения. Это нам было на руку, так как Улезко давал громадный историко-литературный материал и, тем самым, оказывал нам большую помощь в нашей борьбе с эсэро-националистическим блоком.

Как далеко шел навстречу Улезко, видно хотя бы из того, что отвлеченнейшие темы ученических сочинений заполнялись определенным историческим материалом. Так, например, на тему «Один в поле не воин» некоторые учащиеся отвечали тем, что писали историю утопического и научного социализма, другие давали характеристику Томаса Мора, третьи—историю деятельности Лассаля и т. д. Характеристика Грибоедова у подавляющего большинства учащихся носила характер сплошного политического памфлета. Пушкинский Онегин всеми нами рассматривался, как «барчук» и т. д. и т. д.

После первой революции, на четвертый или пятый день после манифеста 17 октября, по инициативе социал-демократической организаци, в помещении гимназии и технического училища были организованы кружковые занятия. Здесь, кроме партийных работников,присылаемых организацией, читали лекции и другие лица, инженеры и естественники из педагогов. Как раз в эти дни мы пытались завлечь в свою среду и Улезко. То же самое старались сделать и эс-эры.

К Улезко мы часто ходили и раньше. Беседовали на различные темы, чаще всего на литературные и исторические. В октябре-ноябре посещения эти приняли другой характер: теперь основной темой бесед являлась политика. И, вот, тут-то эс-эры послали ему «Революционную Россию» и книжки Чернова, Пешехонова; мы же, тайком от эс-эров, дали Улезко с.-д. журналы, книги Плеханова «Монистический взгляд», «Русский рабочий в революционном движении». Одновременно, с наивностью неофитов старались выяснить, кто же он сам, «идеалист» или «материалист». В один прекрасный день, наконец, Улезко обрадовал нас, социал-демократов, заявлением о том, что он— убежденный материалист и что народнический идеализм он считает ненаучным методом мышления, после чего эс-эры перестали ходить к Улезко. Тогда же, по постановлению комитета ученической соц.-дем. организации и с ведома местного партийного комитета, Улезко был приглашен читать лекции на вечерних наших собраниях. Читал он превосходно, и поэтому лекции его посещались не только учащимися, членами с.-д. организации, но и рабочими, и «сочувствующими» интеллигентами из родителей учащихся. Читал он специальную историю Греции и Рима, при чем исторические темы эти иллюстрировались яркими картинами классовой борьбы и социальных движений.

Вскоре Улезко ушел. Директор бакинской мужской гимназии Котылевский—большой иезуит—предложил ему «уйти», во избежание нежелательных последствий. Улезко нам об этом передал.

Реакция была на-лицо. В России она свирепствовала во всю. Было совершенно ясно, что сопротивление излишне. Как умный и чуткий человек, Улезко понимал, что в случае его ареста волнения неизбежны. Многие сотни молодых энтузиастов и так ждали случая для революционных действий.

И, вот, для пресечения этого, он сам с радостной улыбкой поведал нам, что заветнейшая мечта его, наконец, осуществи-

лась, и он уезжает в Лейпциг для довершения своего научного образования, поэтому просит никаких демонстраций не устраивать по поводу его ухода, а терпеливо ждать окончания года

Тем не менее, в день от'езда Улезко все здание бакинского вокзала, вся платформа была запружена учащимися, явившимися для прощания с «учителем».

Это была чрезвычайно назидательная для оставшейся части педагогов, для Передоновых города Баку картина.

После ухода Улезко наступили как будто будни. Всем было уже скучно в стенах гимназии. Так или иначе, энтузиазм наш подогревался сначала Васильевым, затем Улезко. После от'езда последнего из «безумцев», мы почувствовали себя окончательно осиротелыми.

Наступила реакция, голая, бешеная и подлая. Гнуснее становилось и в стенах учебных заведений. Мы спешили «кончить» скорее учебный год, вырваться на волю, уехать на север, туда, где, казалось нам, и воздуху больше, и простора много для продолжающейся бури.

А. Каринян.

15 лет революционной работы.

В 1904 году наша небольшая штаб-квартира находилась напротив железнодорожного вокзала в Сабунчах, где я, фактически, начал работать впервые и где впервые же познакомился с товарищами по партии. Из них я вспоминаю т.т. «Гришу» (Серебровского), «Святого» (Алифаса), «Северянина» Чижова, «Саратовца» (Смирнова, умершего в 1908 г. в московской каторжной тюрьме), «Кузнеца Питерского», Севрюгина, Котина, Лидию Николаевну Бархатову и Раису Моисеевну Окиншевич.

Надо отметить, что в описываемое время Р. С.-Д. Р. П. считалась единой только формально; но фактически единства уже не было, и у нас в Баку одновременно существовали два комитета—Бакинский Комитет большевиков и Бакинский Комитет меньшевиков.

Времена были трудные: наша малочисленная партия, находясь во враждебном окружении, боролась с царским режимом и с меньшевистскими нападками; тем труднее становилась борьба на два фронта—против самодержавия, с одной стороны, и против меньшевиков, находившихся в тесном контакте с шендриковской организацией, с другой.

Шендриковская организация, о которой я только что упомянул, имела своей задачей (по примеру однородной ушаковской организации) отвлечение рабочих от политической борьбы и вовлечение их в чисто экономическую. Организация эта присвоила себе наименование «Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих», пользовалась значительным влиянием, что видно, например, по одному тому, что она буквально на каждом шагу натравляла несознательных рабочих на большевиков, называя нас политиканами, не дающими рабочему никакой материальной выгоды.

Но, несмотря на это, влияние нашей партии все росло и расширялось.

1905 год, в частности, первую его половину, надо отметить подготовкой, по инициативе большевиков, к экономическим забастовкам. В начале 1905 года велись междупартийные переговоры, но они к положительным результатам не привели; и меньшевики и дашнаки от совместной подготовки забастовки категорически отказались. Не помню, какого числа, но точно помню, что это было в мае, наша партия об'явила забастовку самостоятельно. Удачной ее признать было нельзя, но, все-таки, положительные результаты она дала: мы получили возможность подсчитать наши силы и, главное, несмотря на сопротивление, меньшевиков, не брезговавших даже такой мерой сопротивления, как употребление против забастовщиков кизиловых палок, мы получили возможность организовать большое количество рабочих вокруг нашей партии. Отрадно вспомнить, что после 17 октября 1905 года наша партия не только увеличила свои ряды, но, в связи с прибытием идейных и активных товарищей, Алеши Джапаридзе, Петра Монтина, Саяна Бекзадяна и других, она значительно окрепла.

После 17 октября 1905 года у нас с меньшевиками установилась совместная работа, но опять не надолго, так как по вопросу о том, по какому признаку следует организовать союзы, мы стали на точку зрения необходимости выбрать производственный признак, а меньшевики—профессиональный. Сговориться мы не могли, и обе стороны стали строить союзы самостоятельно.

В 1906 году,в течение короткого промежутка времени, народился у нас целый ряд профессиональных организаций, охвативших почти все отрасли труда. Вылупившись из партийных рабочих организаций, на долю которых выпадало все руководство экономической борьбой до конца 1905 года, профессиональные союзы унаследовали от них широкий размах, боевую энергию и идейный энтузиазм в своей деятельности.

1 октября 1906 года, несмотря на ожесточенное сопротивление меньшевиков, рождается «детище» большевиков—союз нефтепромышленных рабочих, ставший на твердую почву и на правильный путь. Положив в основу своей деятельности принципы всемирного братства труда, союз нефтепромышленных рабочих наметил себе и правильные организационные формы. Союз об'единил всех эксплоатируемых, всех рабочих нефтяного царства, сплачивая рабочих всех национальностей в одну братскую семью. Влияние его ширилось и росло.

В действительности, союз нефтепромышленных рабочих являлся организацией нашей партии; руководителями союза были мы, большевики, как, например: Алеша Джапаридзе, Германов (Фрумкин, находящийся теперь в Москве), Тронов, Мамедяров Мамед, Варначев, Адигезалов Мамед-Гасан, «Саратовец» (Смирнов), Султанов Гамид и другие.

Союз за короткое время стал пользоваться большим влиянием; в 1907 году он насчитывал в своих рядах 9.000 членов.

Во второй половине 1907 года, для того чтобы успешно бороться с сильным классовым противником, чтобы разбить хитроумные планы слуг капитала, драпирующихся в тоги друзей рабочего класса, явилась необходимость в своем печатном рабочем органе, своем »Гудке», который призывал бы всех к дружеской работе, который звучал бы песней, стягивающей все голоса рабочих в один могучий хор великой армии труда.

Первый номер нашего печатного органа—журнала «Гудок», вышедший 12 августа 1907 года, провозгласил своим лозунгом широкое об'единение рабочих против эксплоататоров и насильников. Мы считали, что, если нашему «Гудку» удастся пробудить отсталые слои пролетариата к дружной совместной работе, если ему удастся облегчить многотрудную деятельность профессиональных союзов, приходя им на помощь печатным словом, то наша задача будет достигнута. И, действительно, наш «Гудок» разбудил и организовал вокруг нашей партии бакинский пролетариат.

Переходя к некоторым характерным моментам нашей работы в 1908 году, нельзя не вспомнить победы нашей партии над другими партиями во время, так называемой, «совещательной кампании» с нефтепромышленниками. Широкие забастовочные волны в 1907 году сильно встревожили господ нефтепромышленников и царские власти. Чиновник особых поручений при наместнике Кавказа, Джунковский, хотел быть посредником между рабочими и нефтепромышленниками и предложил нам совещание с нефтепромышленникам, как способ притти к какому-нибудь соглашению. Наша партия решила использовать предложение Джунковского вплоть до организации совещания, но на совещание не пойти—потребовать гарантий тому, что никто арестован не будет, потребовать свободы широких собраний, свободы печати и, наконец, признать союзы юридическими представителями рабочих. Меньшевики и группа синдикалистов также призывали рабочих на совещание, но без всяких га-

рантий, а социалисты-революционеры и дашнаки совещание совершенно бойкотировали.

Наша партия, посредством того же союза нефтепромышленных рабочих, на всех заводских и промысловых собраниях свое решение провела целиком, и этим самым осязательным образом доказала, что бакинский пролетариат с нами.

Чисто партийная, организационная работа за период с 1905 года до конца 1908 года была поставлена очень широко, так как в этот промежуток работали в Баку лучшие наши т. т.: С. Шаумян, Алеша, Серго, Германов (Фрумкин), Слава, Тимофей Спандарян, Коба Сталин, Николай Петербуржец, Семен Черногородский, Семков, Макар(Ногин),а также и сильные активные рабочие, из которых мне вспоминаются следующие: Вацек, Горобченко, маленький Мамед (Мухтадир), С. Гафуров, Ваня Фиолетов, Кази Мамед [1]), Лункин, Я. Лаврентьев (Турецкий), Гамид, Моторин, Трофимов Вано Стуруа, Павел Качамазов, Бокова и другие.

В конце 1908 года партийная и союзная работа начинает заметно уменьшаться. В середине года закрылся журнал «Гудок» на 37-ом номере. В конце года, кажется, в сентябре, вышел первый номер «Бакинского Рабочего», с следующим составом редакции: Степан Шаумян, Тимофей Спандарян, Якушев (последний—редактор, рабочий-бондарь Нобеля). «Бакинский Рабочий» существовал недолго, последний № 18 вышел 31 октября, дальнейший выход был запрещен.

После 3½ месяцев перерыва его заменил журнал «Волна». Первый номер вышел в половине февраля 1909 года. Но и «Волну» постигла участь «Бакинского Рабочего»,—после выхода двух номеров журнал погиб насильственной смертью.

В 1911 году вышла газета под названием «Современная жизнь», под руководством т. Шаумяна; редактором ее был рабочий «Московско-Кавказского т-ва» Левон Агаджанов. Вышло 4 номера, 5-й был конфискован, редактор арестован и выслан в Сибирь.

С 1909 до 1912 г., под сильным давлением реакции, замирает всякая работа, и партийная, и союзная. С конца 1912 г. замечается некоторый под'ем, а также следует ряд экономических забастовок.

[1]) Кази Мамед и упомянутый выше Мухтадир (маленький Мамед) погибли в Дагестане в 1918 году. Они были посланы для агитации среди лезгин и были убиты бандами Узун Шейха. (Прим. ред.)

В 1913 году, опять-таки по инициативе нашей партии, об'является хорошо организованная и проведенная до конца забастовка, несмотря на то, что накануне забастовки были арестованы наиболее активные наши товарищи: Каринян, Баграт Бурян, Размочаилов и другие, в том числе и я. После этой забастовки опять начались репрессии и опять замерла всякая партийная работа.

В 1916 г., во время империалистической войны начинается партийная работа под флагом «Комитета помощи беженцам и пострадавшим от военных действий на Кавказском фронте.» Но и тут не пришлось долго поработать; наша организация раскрывается, арестовываются и высылаются за пределы Кавказа самые видные товарищи: Шаумян, Зевин и др.

Февральская революция 1917 года, вследствие оторванности Баку от центра, для бакинского пролетариата явилась неожиданной. Несмотря на это, как только мы получили первое известие, мы тотчас же сорганизовали партийный аппарат.

После февральской революции, в течение двух-трех месяцев, обе фракции, как большевиков, так и меньшевиков, работали, как единая партия, вели общую борьбу против эс-эров и дашнаков. Но после выборов Совета уже появились разногласия, хотя и не было окончательного разрыва. Наконец, на одной партийной конференции меньшевики, чувствуя себя слабыми, покинули конференцию и с этого момента приступили к организации блока с эс-эрами против нас, большевиков.

После окончательного отхода меньшевиков, у нас на первый план выдвинулся вопрос о создании центрального кавказского органа нашей организации, и мы приступили к началу работ по созыву Кавказского с'езда большевиков. Он был созван во второй половине 1917 года в г. Тифлисе, в составе делегатов от Баку, Тифлиса, Северного Кавказа, Ставрополя, Кубани, Терека, Черноморья, а также и войсковых частей Кавказского фронта. С'езд заслушал доклады с мест, а также доклады по национальному вопросу, и тогда же был выбран 1-й Кавказский Краевой Комитет.

Борьба Бакинского Совета с контр-революционными бандами в 1918 году потребовала больших усилий. В начале апреля 18 года, после подавления мусаватского выступления 23 марта, когда остатки разбитых частей дикой дивизии были оттеснены за Баладжары, Комитет Революционной Обороны, выделенный в мартовские дни Бакинским Советом, деятельно при-

ступил к созданию власти. Вся власть в Баку перешла к Совету, постановлением которого бакинская городская дума была распущена. Был избран исполнительный орган—Совет Народных Комиссаров.

Комитет Революционной Обороны, в состав которого входили т.т.: Шаумян, Карганов, Джапаридзе, Н. Нариманов—члены нашей партии, Суховцов—левый эс-эр, еще двое кооптированных персонально, не членов нашей партии, был об'явлен высшим военным и политическим органом. Ясно, что наша партия, несмотря на свою малочисленность, сумела провести свою линию и своим высоким авторитетом могла влиять не только на беспартийных, но и на членов других партий.

Баку, окруженный со всех сторон враждебными силами, терпел большой продовольственный кризис, что было на руку тем партиям, которые ненавидели нас, т. е. меньшевикам, социалистам-революционерам и дашнакам. Эти группировки повели бешеную агитацию за приглашение англичан для обороны Баку. Измученный и голодный бакинский пролетариат, под влиянием этой агитации, утверждавшей, что англичане везут с собой большие запасы продовольствия, к несчастью, поддался влиянию предательских партий и согласился на приглашение англичан.

Мне вспоминается картина. На окраинах Баку грозно темнеют турецкие орудия. В доме бывшего общественного собрания назначено экстренное заседание Совета. Председатель Алеша Джапаридзе открывает заседание, при небольшом количестве присутствующих членов, потому что многие не явились. Товарищ Шаумян заявляет от имени Совета Народных Комиссаров о несогласии с предательской политикой наших политических противников, за которыми временно незначительное большинство бакинского пролетариата; мы, большевики, снимаем с себя всякую ответственность и, конечно, как власть, мы прекращаем свое существование. Таким образом, у тех элементов, которые хотели приступить к мирным переговорам, были развязаны руки, и они начали действовать.

С этого момента, т. е. с 31 июля, я уже сказал, мы уходим от власти. С переездом из Баку в Астрахань почти всех членов нашей партии, последняя, конечно, прекращает на некоторое время свою работу; но после ухода турок партийная работа опять начинается теми товарищами, которые остались в Баку.

Не надо было долго ждать, чтобы бакинский пролетариат сознал свою ошибку и опять перешел на нашу сторону,—и уже с половины девятнадцатаго года наша партия вновь ведет работу по свержению власти мусаватистов, приступает к организации подпольной Красной армии и посылает партработников и боевиков в Дагестан для борьбы против белых.

С. Якубов.

Эпизоды из партийной работы.

Предательство.

Это было в 1904 г. Я, тогда еще ученик, был близок с некоторыми товарищами, работавшими активно в партии, как, например, бр. Иосифом, Григорием и Борисом Файнштейн, Мовсумовым и др. Мы часто сходились на квартире последнего. Здесь, в числе других, бывал сосед Мовсумова, механик с какого-то судна, по имени Оскар (шведский подданный). Он держал себя очень оппозиционно. Мы ему доверяли. Однажды, после обеда, я решил зайти к Мовсумову, проживавшему по Персидской ул., но каково было мое удивление, когда я, вместо хозяина, наткнулся на жандармов. Повернуть назад было невозможно. Заметив мою нерешительность, жандармы приветливо пригласили меня в комнату, говоря: «Попался, голубчик». Здесь я несколько мог ориентироваться в происходящем: жандармы производили генеральный обыск, и я, не зная, в чем дело, влип в эту историю. Я сидел в углу и выжидал, что будет дальше. Вдруг жандармы, найдя гектограф, начали выражать «телячий» восторг. Я, пользуясь темнотой в комнате, изорвал находившиеся в кармане прокламации и бросил в угол. Вскоре жандармы подвели меня к столу и стали обыскивать и шарить по карманам, допрашивая, почему я пришел сюда и кто я такой. Я дал об'яснение, придумывая всевозможные предлоги. В это время неожиданно вышеназванный Оскар подошел к столу, держа торжественно в руках брошенные мною клочки прокламации, и заявил, что это я разорвал и бросил. Это являлось прямой уликой против меня и осложняло мое дело, но мне несколько помогло присутствие переводчика жандармского управления Рустамбека Рзабекова, хорошо знавшего моего отца и потому давшего благоприятные для меня об'яснения относительно пред'явленных ему стихов, найденных при обыске в моем кармане.

Закончив обыск, жандармы с трофеями отправились в управление. Здесь, продержав меня несколько часов и сняв дополнительный допрос, отпустили.

Это было первое мое знакомство с жандармерией, с которой впоследствии мне часто приходилось иметь дело.

Армяно-мусульманские столкновения.

1905-6 г. Из Питера и Москвы приехало много молодежи, студентов и курсисток. Здесь целый ряд самоотверженных товарищей: Кафиян, Шахгельдов Миша, Данилбекян, бр. Гаджикасумовы (Муса и Мустафа), Андрей Вышинский, Азизбеков Мешади, бр. Кнунян и много других. От всех веяло свежестью, революционной готовностью и энергией, усвоенной ими у питерского и московского пролетариата. Все, как один, выражали беспредельную готовность бороться за мир народов против провокации, натравливания друг против друга армян и мусульман. Этот прилет молодых соколов подбодрил всех, дал надежду и уверенность в успехе мира. Благодаря инициативе появившейся на бакинском гаризонте столичной молодежи, было устроено несколько совместных собраний юных армян и мусульман в гостинице „Исламие". Был выработан подробный план кампании, затем, распределив роли, приезжая молодежь влилась в нашу партию и разошлась по районам. После прилива свежих сил все оживилось и засуетилось. Заглохшая под гром взаимной братоубийственной вражды армян и мусульман партийная работа начала восстанавливаться. Общее воодушевление не знало предела: „ Долой старый мир! Да здравствует новая жизнь!".

Первым осязательным результатом этой кампании явился редкий случай в истории печати— издание газеты на армянском и тюркском языках. И это не удивительно. В ответ на провокации царизма и буржуазии, наша партия выставила лозунг тесного сближения народов. До этого никогда, даже в годы расцвета армяно-мусульманского добрососедства, не было единого армяно-мусульманского печатного органа.

Между тем, в годину вражды и резни мы основали газету „ Коч-Девет" („Призыв"), газету с двойным названием, с двойным текстом, призывавшую не поддаваться провокации капиталистов и самодержавия. Нужно ли говорить, что „Коч-Девет", шедшая нарасхват среди жаждущих мира мусульман

и армян, не могла долго существовать, ибо она клеймила и прибивала к позорному столбу тех, которые творили темное, кровавое дело в целях собственного спасения.

Общебакинская конференция 1906 г.

Бакинская организация к этой конференции готовилась долго; во всех районах шли выборы с соблюдением строжайшей конспирации. Конференция была довольно многочисленная— набралось 120-130 человек. Я с т. Р. М. Окиншевич принимали близкое участие в организации созыва конференции.

Конференция собралась на заводе Хатисова, в Черном городе, вечером, как только стемнело; обстановка конференции была очень неблагоприятна, т. к., несмотря на дозоры, расставленные нами вокруг завода на случай появления полиции, товарищи, знавшие условия бакинской действительности того времени и бдительность администрации, чувствовали тревогу; к тому же, холод, отсутствие окон, сильный ветер, снег, выпавший в ту ночь, мешали несколько сосредоточиться. Но интерес, проявленный к докладам, преодолевал все это. С докладом о работе Государственной Думы выступил Исидор Рамишвили, работавший в социал-демократической фракции Гос. Думы и живший тогда нелегально (после разгона Думы). Следующий доклад был сделан Рохлиным о необходимости участия в новых выборах в Гос. Думу. Тов. Шаумян, впервые появившийся на нашем горизонте, сразу привлек внимание конференции и своей большой эрудицией и спокойным вдумчивым отношением к жгучим проблемам. Разбираемые вопросы обсуждались всесторонне, иногда разгорались страсти. Дебаты продолжались всю ночь, до утра. На рассвете делегаты по группам в несколько человек осторожно выходили из завода. Несколько человек (в числе их и я) вышли с Шаумяном и по свеже выпавшему за ночь снегу направились к Балаханскому шоссе. По дороге покойный Степан рассказывал нам о социал-демократическом движении в Германии, о тамошних марксистских кружках, где он принимал участие, и, переходя к нашей действительности, призывал удесятерить энергию и усилить партийную работу в Баку, который является, так сказать, командующим над российской промышленностью и судоходством. Отметим, кстати, что мандаты делегатов этой конференции спрятаны были мною на квартире богачей Кулибековых, т. к. она была надежна и неприкосновенна. Как раз через не-

сколько дней один из братьев Кулибековых (Зейнал) погиб от бомбы, брошенной им в начальника охранного отделения, Орловского. Узнав об этом, я кинулся к Кулибековым, из'ял оттуда документы и уничтожил их.

Как мы обманули полицию.

Однажды под утро я поднялся с постели и посмотрел в окно на улицу. Светало, я мог различить контуры фаэтонов (числом до десятка) с неизвестными «пассажирами», остановившимися у входа нашего дома (уг. Спасской и 1-й Параллельной).

Я немедленно разбудил брата, открывшего двери незваным «гостям». Это был отряд сыскной полиции, во главе с известным приставом Исмаилбеком, (впоследствии у него были отняты ноги—от брошенной террористом бомбы).

В голове сразу мелькнула мысль, что нужно разбудить племянника и устроить побег, спустив его со второго этажа. Я так и сделал. На улице, оказывается, оставленный у парадного входа караул ходил взад и вперед. Когда он максимально удалился от окон нашей комнаты, я спустил полуодетого Балу и прислушался. Тишина.

Сделав это, я вернулся к «гостям» и брату. Пристав очень извинился за позднее «посещение» и сказал, что нужно взять беглого поселенца Балу, удравшего из Архангельска. Брат выразил на это согласие и, обратившись ко мне, предложил пригласить Балу. Я возразил, что Балы нет дома. Пристав запротестовал: «Почему такое противоречие: старший брат говорит, что Бала должен прийти, а вы заявляете, что его нет дома». Я об'яснил, что Бала несколько дней подряд ночевал здесь, но в эту ночь он пришел, простился с братьями и ушел. Об этом брат мог и не знать, т. к. он (брат) вернулся домой ночью и полагает, что Бала, по обыкновению, ночует дома. Брат, сообразив, что это—«трюк», подтвердил возможность этого. Недовольному приставу мы предложили обыскать квартиру. Он, однако, отказался от обыска.

Оказывается, Бала, спустившись из окна, побежал по Спасской в противоположную от караульщика сторону. Тут он заметил городового и, так как был полуодет, решил, что пробежать в таком виде мимо опасно. Поэтому он свернул тут же в тупик, перелез через забор и оказался во дворе молочника, который приютил Балу и пришел к нам затем за его ботинками и шапкой.

Потом выяснилось, что охранники, все-таки, догадались, что бегство имело место и что мы их обманули, так как под окном на улице они нашли блок-нот Балы, выроненный им из кармана при спуске.

Партийные работники.

Партийные работники в период 1905 и далее подразделялись на две категории: работники профессионалы, работавшие исключительно для партии, и непрофессионалы, т. е. работавшие по собственной своей профессии и уделявшие время партийной работе.

В Баку партийными профессионалами были Алеша Джапаридзе, Коба Сталин, Ной (Апостол), Петербуржец, Богдан Кнунян, Жгенти, Шаумян и много других. Средства у партии были очень ограниченные, поэтому приходилось создавать синекуру для партийцев-профессионалов; удобными местами службы были вечерние курсы, школы, библиотеки, народные дома и столовые совета с'езда нефтепромышленников, потому что, во-первых, во главе этих учреждений стояли лица, сочувствовавшие социал-демократии или во всяком случае, оппозиционно-настроенные, во-вторых, в рабочие районы охотников итти на службу было мало, поэтому здесь устроиться было легче и, в третьих, служба в этих учреждениях соответствовала нашим целям, ибо только таким путем можно было соприкасаться с рабочим населением. Благодаря этому, выше перечисленные учреждения пользовались репутацией «крамольных» у охранки, жандармерии и полиции. По этой, именно, причине устраивать собрания, заседания, кружки здесь было довольно рискованно; разве только при наличии усиленного дозора из надежных товарищей мы позволяли себе роскошь собираться в культурных учреждениях совета с'езда. Усиленной слежке подвергались больницы (Сабунчинская, Черногородская Балаханская библиотека, Баиловский народный дом и др.) Я помню, Раиса Моисеевна Окиншевич, в то время ответработница Балаханского района, когда речь заходила о заседании комитета в Сабунчинской больнице или на «Электрической Силе», постоянно противилась этому, указывая на постоянное наблюдение охранных органов. Эти указания были вполне разумны, и мы часто считались с ними. Мне помнится только одно заседание на Сабунчинской «Электрической Силе» за все время моей

работы; однако, нужно сказать, что больницы, библиотеки и вечерние курсы рабочих районов часто служили местом явки и встреч партийных работников.

Я, как профессионал, сначала работал на Биби-Эйбате, вел кружки в казармах Шихова, Милова, Таирова, Мухтарова и др. Сборным пунктом для нас служила на Баилове мелочная лавка Асада Караева (ныне предисполкома в одном из уездов); здесь мы часто встречались и харчевались в долг. Почтенный владелец этой лавки и сейчас считает 1 р. 20 к. долгу за мной; и тов. Сталиным.

Когда я был переброшен в Балаханы, здесь приходилось работать с Окиншевич, Саратовцем, Мамед'яровым, Бакинцем и др. Меня устроили фиктивно масленщиком в «Московском товариществе», с окладом в 30 с лишним рублей. Мою вахту рабочие делили между собою и очень сознательно относились к этому, зная, что этим они косвенно работают на партию.

Ловушка в казармах Асадуллаева.

В Сабунчах агитацию мы вели по казармам, где устраивали собеседования с рабочими, отдыхающими от вахты. Обыкновенно, я ходил с Саратовцем, Мамед'яровым и Абдул Рагимовым. Рабочие окружали нас тесным кольцом, слушали охотно и всячески выражали свое сочувствие. Такие собеседования, обыкновенно, подбадривали рабочих, изнывавших от тягости работ и безнадежности положения. Из рабочих в то время более отсталыми, неподатливыми и инертными были лезгины. Поэтому контингент караульщиков набирался нефтепромышленниками из их среды. Нефтепромышленники давали им инструкции задерживать или убивать появляющихся агитаторов. Мы всегда учитывали это серьезное «обстоятельство», но однажды промахнулись и попали в засаду. Было назначено собрание рабочих в казармах Шамси Асадуллаева; ничего не подозревая, мы пришли туда, но как только мы вошли, караульщики заняли выходы и дали по телефону знать в полицию. Недолго думая, мы пустились бежать; впереди был большой двор, обнесенный проволочной изгородью; когда мы перепрыгнули через нее, Мамед'яров, будучи в куртке, свободно выбрался, у меня же пальто зацепилось за проволоку; в этот момент нас застигли караульщики с кинжалами; недолго думая, я высвободил руки из пальто и простился с ним.

Я часто сопровождал при обходе промыслов Балаханского района приехавшего от Цека т. Макара[1]) (впоследствии, в 18-19 году, я встретил его уже председателем Московского Совета).

Неудавшийся арест.

Однажды мы привезли из города прокламации в бюро союза нефтепромышленных рабочих. Со мной были т. Мамед Али Расул Заде, Али Гейдар Таги Заде (убит в 1918 г. в Дагестане). Спустя 1/2 часа после нашего приезда в бюро, не успели мы даже развернуть привезенные нами листки, нагрянула полиция. Вошел в сопровождении городовых пристав, приказал занять вход и выход и не впускать и не выпускать никого из бюро. После этого он приступил к обыску, начав с задней комнаты. Передняя часть бюро представляла из себя раствор, выходящий на шоссе. Таги Заде и Расул Заде были новички, за ними ничего не числилось и при задержании они могли бы легко отделаться; положение мое и Алеши было хуже,—при задержании всплыли бы старые «грехи». В это время я жил нелегально, и полиция меня разыскивала всюду, принимая за меня моих родственников. Размышляя так, я стоял у косяка раствора, около городового, и смотрел на шоссе, измышляя, как бы выбраться. В это время по шоссе проезжает знакомый мне буровой мастер Дост-Мамед; когда он поравнялся с бюро, я сильным движением руки остановил его, вышел из бюро и направился к шарабану. Для меня до сих пор неясно, почему городовой не остановил меня; думаю, что он был ошарашен. Я об'яснил Дост-Мамеду, в чем дело, сел с ним в шарабан и оглянулся: городовой стоял спокойно. Через несколько секунд мы свернули на шоссе, ведущее прямо к вокзалу. Боясь погони и предполагая, что полиция, выяснив, что я приезжий, будет «ждать» меня на вокзале, я отправился в казармы к знакомым рабочим фирмы Тер-Акопова, где прождал до ночи и, переодевшись, вернулся в город. По этому делу Джапаридзе, Расул Заде и Таги Заде сидели около месяца. Их дело сохранилось в Музее Труда. Впоследствии я узнал от Мухтара Гаджиева, что он служил в то время сторожем бюро союза и был свидетелем всего этого.

[1]) Ногин. (Прим. ред.)

Убийство Ханлара.

Тов. Ханлар был родом из Карягинского уезда.

Богато одаренный от природы, хорошо грамотный и бесконечно смелый и преданный рабочему делу, Ханлар выделялся среди рабочих и партийных работников.

Он служил в «Нафталанском о-ве», на Биби-Эйбате, токарем и вел энергичную партийную работу, сплачивая нафталанских рабочих вокруг наших лозунгов. Хозяева «Нафталанского о-ва» (Сафар Алибеков, князь Дадиани и др.) видели в Ханларе большую грозу и решили во что бы то ни стало наказать его, дав, тем самым, острастку рабочим своих промыслов. Управляющий „Нафталанского о-ва“ инженер Абузар-бек, получив соответствующие указания, нанял караульщика для убийства Ханлара. Караульщик подстрелил т. Ханлара при возвращении его с завода домой. Рабочие всех районов, узнав о гнусном убийстве, страшно возмутились. Похороны т. Ханлара, организованные фракцией большевиков Р. С.-Д. Р. П., вылились в грандиозную демонстрацию с массой венков, знамен и пением революционных песен. Полиция, видя возмущение и гнев рабочих, не осмелилась препятствовать стройной процессии рабочих, тянувшейся от Набережной до Биби-Эйбата. Разве только похороны т. Монтина превосходили Ханларовские.

На свежей могиле Ханлара был устроен митинг, на котором выступал целый ряд представителей революционных партий г. Баку. В речах их отмечалась гнусная политика капиталистов, сводящаяся к истреблению сознательных и передовых представителей рабочего класса, и выражалась надежда о скором наступлении возмездия. После похорон, я помню, несколько десятков венков были сложены в помещении с целью продать их и соорудить памятник на могиле. Это не удалось, потому что последующий разгром мусульманской фракции нашей партии помешал этому.

Экспроприация.

В то время средства нашей партии были ничтожны, взносов было слишком мало, а потому приходилось для финансирования прибегать к различным «махинациям». В городском районе работала финансовая комиссия, куда привлечены были »радикально-настроенные дамы», под руководством товарища Серебрякова, доктора Файнберга, Асадулла Ахундова и других.

Финансовая комиссия работала не важно; осязательных результатов не было, ибо контроль правительства был бдителен, и трудно было отчитаться в израсходовании сборов с устраиваемых вечеров и концертов. Поэтому волей-неволей изощрялись в способах изыскания средств на партийные нужды. Я помню один оригинальный случай: наши товарищи, работавшие в мусульманском просветительном о-ве „ Ниджат", устроили под его флагом народное гуляние в Михайловском саду. Исподволь к этому делу были привлечены силы партии и получился огромный сбор в 5-6 тысяч рублей. Дать эти деньги в кассу „Ниджат" не имело для нас смысла, хотя „Ниджат" и не отказался бы в выдаче их нам, но тогда пришлось бы ему отчитываться перед „Губернским присутствием по делам о-в и союзов", которое, зная, что радикально-буржуазные о-ва финансируют революционные партии, зорко следило за поступлением и расходованием денег этих о-в. Поэтому пришлось прибегнуть к такому способу: когда выручку с гулянья наши товарищи несли для сдачи в „Ниджат", внезапно на них напали какие-то „экспроприаторы", открывшие стрельбу и, благодаря суматохе, „отнявшие" выручку. Эта инсценировка в то время никем не была разоблачена, а в газетах даже писалось, что „Ниджат" остался у разбитого корыта: экспроприаторы отняли сбор.

Подкуп Зайцева.

Шли выборы во 2-ю Государственную Думу. От рабочих и крестьян Бакинской губернии прошел, при поддержке нашей партии, сураханец Зейнал Зейналов. На проводах его на вокзале, при большом стечении железнодорожных и других рабочих, я, по поручению партии, выступил с призывом к вооруженному восстанию. Сейчас же после речи я втерся в толпу и через несколько минут слез по лестнице Сабунчинского вокзала и, обменявшись с Гаджи Касумовым шапками, мы сели на фаэтон, чтобы скорей замести следы. В эту минуту подошел городовой и снял меня с фаэтона, заявив, что я арестован, и пригласил меня следовать за ним в участок. Ясно было, что шпик следовал по моим пятам и указал городовому.

В участке, на мой вопрос о причине ареста, мне ответили, что это—дело жандармского управления, по распоряжению которого я и был отправлен в Баиловскую тюрьму, в политический отдел. Через несколько дней меня вызвали в тюремную

контору, куда приехал жандармский ротмистр Зайцев вместе с ад'ютантом Ризабековым; с меня был снят подробный допрос, взята фотографическая карточка и т. д. С воли передавали, что меня хотят отдать столыпинскому военно-полевому суду, т. к. речь была произнесена в полосе отчуждения железной дороги, которая была на военном положении. Поэтому, на вопрос, призывал ли я к вооруженному восстанию и говорил ли, что Государственная Дума ничего не даст, мне пришлось показать, что не только я не призывал, а, наоборот, я отговаривал собравшихся от вооруженного восстания, как способа достижения целей, рекомендуя стремиться к политическому улучшению путем реформ через Государственную Думу.

Такое об'яснение, плюс одно бриллиантовое кольцо, преподнесенное братом ротмистру Зайцеву, спасло меня. Жандармское управление ограничилось постановлением о высылке меня в места, избранные мною.

Султан Меджид Эфендиев.

Партия в рабочих районах.

1905 и 1906 г.г.

Годы 1905 и 1906 в истории революционного движения в России характеризуются, вообще, как начало широкого рабочего движения. События 1905 года в Питере прокатились широкой волной по окраинам и, естественно, докатились до Баку, выявившись в форме всеобщей декабрьской забастовки, сопровождавшейся поджогами вышек, нефтяных резервуаров и т. п.. В 1906 году начинается период внешнего затишья и большой внутренней самоорганизации,—это был один из лучших периодов подпольной работы большевиков в Бакинском районе. Балаханская районная с.-д. организация (тогда об'единенная с меньшевиками) в подавляющем большинстве по своему составу была «беки» (так называли большевиков). Организация насчитывала около 200 активных членов партии. Следующий большой промышленный район был Биби-Эйбат; здесь среди промысловых рабочих и подсобных предприятий преобладало большевистское влияние. На долю «меков» (т. е. меньшевиков) падали районы, главным образом, городской и, отчасти, Черный город. Так было в первой половине 1906 года.

Этот период бакинского революционного движения был чрезвычайно богат внутренним содержанием. С порядка дня всех партийных собраний не сходили вопросы о Государственной Думе, профессиональное движение, национальный вопрос, роль партии в них и т. п.. Во всех вопросах всегда выдвигались две фракционные платформы—«меков» и «беков», которые вели ожесточенный бой за преобладание в партийной организации. Начинавшая тогда свирепствовать политическая реакция в России отчасти способствовала увеличению количества партийных работников, приезжавших из России в Баку. Видными руководителями партийной работы в этот период были: тов. Ногин («Макар»), тов. Тихон (кажется, отравился в Москве), Смирнов («Саратовец», который умер на каторге), покойная Самойлова («Наташа»), Слава Каспаров (тоже умер), Степан Шаумян (рас-

стрелян), Апостол (умер), Л. Н. Бархатова, Р. М. Окиншевич и много других, которых теперь я не помню. Все перечисленные товарищи были профессионалы и спецы-партийцы; наряду с ними, было много рядовых партийцев, прибывших из разных местностей России и работавших постоянно на производстве; они играли громадную роль в партии, вообще, и представляли основу парторганизации на промыслах и заводах, будучи постоянным связующим звеном партийной организации с широкой массой. В числе этих последних был и я, прибывший из Питера в 1906 г. Через знаменитую Балаханскую библиотеку, вернее, через Лидию Николаевну Бархатову, я связался с местными партийцами, устроился на работу в промысловые ремонтные мастерские «Русского нефтепромышленного о-ва» (Руно). Здесь я впервые познакомился с местными специфическими условиями и национальным составом бакинских промысловых рабочих.

Интерес к текущим политическим вопросам (Государственная Дума, фракция с.-д. в ней) стал ослабевать. Наступили будни, и в районах массы выдвигали свои насущные интересы, борьбу за повседневные нужды, привлекая внимание парторганизации, которой надо было реагировать на это настроение, вмешаться в происходившую экономическую борьбу, руководить забастовками и, вообще, давать направление всем конфликтам. Почти непрерывно рабочие отдельных фирм и промыслов останавливали работу, к ним присоединялись рабочие других участков данной фирмы, а партийцы, работавшие в этой фирме, или промысловые рабочие комиссии давали знать районной организации и сообща проводили данную кампанию. В больших фирмах, главным образом, армянских, устраивали «коалицию» с дашнаками и другими армянскими партийными группировками. Для непосредственного руководства забастовками постоянно выбирались, так называемые, заводские промысловые комиссии, которые, в большинстве случаев, существовали потом постоянно и были посредниками между рабочими и администрацией. Этот интересный институт—рабочие комиссии—сыграл громаднейшую роль в рабочем движении. Комиссии начали существовать с декабрьской забастовки в крупных фирмах: Нобеля, Ротшильда, «Олеум» Шибаева и других и затем были установлены на средних и мелких фирмах. Комиссии существовали легально; фабричные инспектора того времени их считали полу-законными представителями, вроде старост, которые были тогда на больших предприятиях в России. Рабочие комиссии имели

громадное значение в деле рабочей борьбы, и в тех фирмах, в которых администрация не признавала их, рабочие стачкой отстаивали их существование. Это, в сущности, был прототип нынешних завкомов, конечно, в другом об'еме заданий и прав.

В повседневной экономической борьбе партийная организация, как общее правило, каждый простой конфликт, возникший на почве заработка и т. п., углубляла, выявляла противоречия интересов борющихся сторон, рабочих и капиталистов, всегда дополняла требования отдельными пунктами общего характера, связывала политическую подкладку современного рабочего движения, вообще, освещая его под углом классовой борьбы. В такой обстановке учился и закалялся рядовой партиец—большевик старой дореволюционной школы.

Внутрипартийная жизнь шла своим порядком. Очередные вопросы прорабатывались внутри организации, откликавшейся на события текущей политической жизни. Вопросы организационного строительства, агитации и пропаганды, которые тогда занимали большое место, обсуждались в подрайонах, потом на районных собраниях и общегородских конференциях, собиравшихся, приблизительно, раз в месяц; на них принимались так называемые платформы, выдвинутые фракциями, производились выборы в руководящий центр.

Для характеристики того времени очень важно упомянуть о внутрипартийной фракционности, подразделении на «беков» и «меков», которое имело для оценки партийной линии того времени громадное значение. Я застал организацию уже об'единенной формально, но на деле были две организации, которые в своей работе, в отношениях друг к другу исходили из абсолютного недоверия. Это было какое-то временное незаконное сожительство двух организаций, преследующих каждая свои цели, а не единая политическая организация рабочего класса. Слишком велики были разногласия во всех выступлениях, в оценке событий дня, организационных вопросах,—всегда было различие мнений. Эти разногласия переносились в широкие массы, где и шел ожесточенный бой за преобладание. История того периода не знает, пожалуй, такого случая, когда бы обе фракции искренно сошлись в одном мнении и проводили бы его совместно в жизнь. Как реагировали массы на такое положение? Действительность говорит, что широкая промысловая рабочая масса в Балаханах, Биби-Эйбате, Сураханах шла за большевиками. Большевистская постановка выдвинутых вопросов и

освещение ими как обще-политических вопросов, так и экономической борьбы охотнее воспринимались массами, и поэтому в названных районах «беки» преобладали. Конечно, и агитационные силы большевиков во все времена были значительны, большевизм пользовался большой популярностью среди всех национальностей, и это решало вопрос за преобладание.

Борьба продолжалась и принимала все более резкие формы. Все средства были хороши: демагогия, подвохи и прочие «приемы» применялись полным ходом. Упомяну один трагический случай, который характеризует настроение «меков» того времени. Дело было в конце 1906 года; зимой состоялась общегородская конференция Бакинской организации, кажется, в Черном городе. Число собравшихся, приблизительно, было поровну; наши, большевики, предлагали повременить, так как из Балаханов и Сураханов еще не прибыли товарищи. В это время пришли с поезда и сообщают, что несколько товарищей, ехавших вместе, на станции Кишлы из-за темноты попали под поезд и всех задавило на смерть. Присутствовавшие меньшевики задали вопрос, какой фракции были задавленные, и когда получился ответ, что большевики, то «меки» нескрыто просияли. Этот факт возмутил всех, и, кажется, Миша (Рохлин, он председательствовал на собрании) заявил протест. Этот факт показывает, какая злоба царила среди меньшевиков.

Сами по себе фракционные разногласия для нас, рядовых партийцев, в то время были привходящим элементом; как общее правило, рядовые партийцы особой вражды друг к другу не проявляли; в районах была такая часть рабочих, которые окончательно не порывали с «меками», но в большинстве вопросов шли с нами. Можно указать, например, Кузяева («Стрела»), Миронова (оба—рабочие промысла Нобеля) и много других; в повседневной борьбе мы шли общим фронтом и сохраняли друг с другом связь, были в курсе дела всех меньшевистских начинаний, осведомлены о всех собраниях и ходили на них спорить, а также сталкивались с с.-р. и дашнаками. Все эти споры, несомненно, имели положительные результаты, развивали партийцев и вырабатывали стойкость убеждений.

Российская с.-д. рабочая партия еще на заре своей жизни была связана с повседневной борьбой рабочего класса, сперва через отдельных распропагандированных рабочих, а потом непосредственно. Это была единственная конкретная форма и база работы в массе; достаточно указать, что вся периодическая ли-

тература (центральная и местная) была полна хроникой с мест о забастовочном движении и о роли партийных организаций в нем. Политические события, а потом Государственная Дума и т. п. выдвинули пред партией новые задачи. Лето 1907 года было переходным временем, когда партийная организация Бакинского района создавала профессиональный союз. Экономическую борьбу перенесли туда, а на долю партийных организаций остались вопросы исключительно политические, но, в силу традиций и заведенного порядка, товарищи партийцы-районщики продолжали работать по старому, главным образом, через профсоюзы. В середине лета был провал с арестами многих товарищей из районов, он сильно повредил работе.

Я отметил уже некоторых товарищей, с которыми приходилось сталкиваться. Упомяну Славу Каспарова, который проявлял исключительно большую работу в деле борьбы с национальным уклоном среди рабочих армян и приобщения их к классовой борьбе нашей партии. Смирнов («Саратовец») был одним из лучших партийных работников; он работал долгое время, знал хорошо район и выделялся личными качествами; после Джапаридзе он занял место секретаря союза нефтепромышленных рабочих, успешно совместив тип партийца-большевика со сложной профессиональной работой того времени. Это был типичный представитель и пионер массового революционного рабочего движения, в условиях подполья. А надо помнить, что партийная работа в массах базировалась тогда в большей части на рядовых-партийцах рабочих. Их количеством и активностью измерялся успех партии

С началом профессиональных союзов, кончился период строгого подполья, один из интереснейших в истории партии и рабочего движения; кончились времена, когда, бывало тайком, напрямик, через проволочные изгороди, сточные канавы, промыслов, со всех подрайонов Балаханов, по условным знакам и паролям, сходились в одиночку и группами, работники царства черной крови земли—нефти, и шли далеко после тяжелого рабочего дня в степь, за селение Балаханы, в песочные ямы заброшенных промыслов Бог-Бога, или на гору Стеньки Разино, или за селение Раманы в старую крепость на очередное районное собрание. Сколько веры и отваги было в каждом участнике! А в 12 часов ночи собрания обрывались с гудками менявшейся смены; вместе со сменщиками расходились все по домам. С созданием профсоюза начинается новый этап: партия

ведет свою работу посредством влияния на профессиональный союз, газету, кооперативы, посредством введения в них секретарями, членами правлений партийцев и т. д.

Профессиональный союз нефтепромышленных рабочих.

История и практика профессионального союза нефтепромышленных рабочих тесно связаны с жизнью районных организаций нашей партии, и поэтому я остановлюсь на работе союза, как на одном из этапов партийной работы. Описанный мной выше период, как я указывал, отмечен был стремлением рабочих к самоорганизации в виде профессиональных об'единений. В Баку инициативу в этом вопросе выявили металлисты. Они находились под влиянием меньшевиков, которые, помимо партийной работы, вели работу по организации металлистов города Баку. Мы узнали об этой организации, когда она уже была окончательно оформлена в «Профессиональное общество механического производства города Баку и его районов». На ближайшем районном партийном собрании нами был задан меньшевикам вопрос, какую роль занимают они в организации вышеназванного общества. «Меки» единодушно отвечали, что союзы—строго беспартийные организации, и поэтому партии, как таковой, в жизнь их вмешиваться не стоит. На общегородской конференции выступил по этому вопросу фактический организатор «О-ва механического производства», меньшевик Семен Черногородский; его поддерживал Сандро, и оба защищали позицию строгой «нейтральности». В ответ на это большевики возражали и указывали, как это так получилось, что «меки», стоящие за нейтральность, сами организовали союз, посадили своего секретаря и меньшевистски настроенное правление. Дело было ясное; меньшевики проповедуют нейтральность только против большевиков. Для нас, рядовых членов партии Балаханского района, вопрос о профсоюзах стал с этого времени на очередь.

Из текущей московской и петербургской печати и из других источников рабочие узнавали о возникновении все новых и новых профессиональных союзов; царский закон о союзах, изданный 7 ноября 1905 года, был использован в большинстве в промышленных районах. На все это мы указывали нашим организаторам, а с половины лета в Балаханском районе мы опять подняли этот вопрос конкретно. Наше предложение полу-

чило большинство. Балаханскому райкому было поручено действовать в практическом направлении. Вскоре меньшевики, узнав, что в Балаханах «беки» организовывают союз, устроили общее собрание «О-ва механического производства» в черногородской аудитории, исключительно с агитационною целью; с докладом выступали Семен Черногородский и ныне покойный рабочий Романцов (меньшевик). На этом собрании впервые выяснилась принципиальная точка зрения на строительство союза: меньшевики предлагали старый тип об'единения—цеховое начало—и заявили, что они в ближайшем будущем намерены организовать для промысловых рабочих отдельный союз и отдельный для рабочих по обработке нефти. На этом собрании был я и тов. Передков, слесарь из «Московско-Кавказского товарищества»; мы впервые выступили с противоположным мнением, доказывая, что для Баку будет вредным, если будут об'единены в профессиональный союз механические рабочие отдельно от промысловых, создастся разделение и т. п. Конечно, меньшевики к нам не присоединились. На ближайшем собрании Балаханского района мы сделали доклад, и было вынесено постановление организовать свой союз.

Во исполнение этого постановленя Балаханский райком разрешил нам действовать; мне и тов. Вржосеку поручено было выработать устав и подать на утверждение. Спустя около 2-х месяцев мне, как учредителю союза, и плотнику Барабанову и слесарю Дорофееву об'явлено было, что наше «О-во нефтепромышленных рабочих» зарегистрировано. В ближайшее воскресенье, 1 октября 1906 года, в Балаханах, на заводе «Московско-Кавказского Т-ва», в котельной мастерской, состоялось учредительное собрание, на котором была избрана комиссия по организации союза, для предварительного ознакомления с уставом и задачами союза, а также для отличия нашего союза от городского «О-ва механиков». Затем было избрано правление в составе Тронова, Передкова, Гасан Мамеда, меня и др.

В первый период жизни нашему правлению чрезвычайно трудно было отстоять свою позицию, как тип производственного построения профессионального союза. В это самое время меньшевики, наряду с «Обществом механического производства», уже организовали «Общество рабочих по добыче нефти» и третье «Общество по обработке нефти для рабочих Черного и Белого города». В это время также существовало просто национальное об'единение армян, устроенное дашнакцаканами; оно

тоже выполняло функции профессионального союза среди армянских рабочих. Организовалось «О-во лезгин» и т. п. На Биби-Эйбате, в свою очередь,—«Общество котельщиков и желонщиков», в городе—«Общество литейщиков», и с ними пришлось бороться. С течением времени наш союз рос все больше: в разных частях Балаханского района устраивались собрания союза, велась агитация за его развитие, и надо отметить, что с первых же дней наш «Союз нефтепромышленных рабочих» стал в центре внимания рабочих. Протекавшие тогда забастовки по фирмам способствовали росту его: обычно, во время стачек, через союз получали указания, как действовать, союз брал на себя инициативу переговоров. Другая причина, способствовавшая росту союза, это—вмешательство его в конфликты рабочих с предпринимателями по разным мелким случаям, когда с помощью союза (путем посылки специальных уполномоченных) достигалось соглашение. С первых же дней наш союз стремился укрепить сознание рабочих и на наглядных примерах, мелких конфликтах, доказывал рабочим, что профсоюз—их организация для постоянной и планомерной борьбы с предпринимателями.

В середине 1908 года наш союз нефтепромышленных рабочих развернулся во всю ширь, участвуя непосредственно в профессиональной борьбе, в оказании юридической помощи рабочим, организации экспертизы для увечных рабочих. Здесь нужно остановиться подробнее на работе по помощи безработным, которая приняла в нефтяных районах весьма своеобразную форму, ввиде организации артелей, своего рода общественных работ. Надо помнить, что в этот период заканчивались все строительные работы по оборудованию и восстановлению промыслов после армяно-тюркской резни 1905 г., промысла перешли на эксплоатацию и рабочих стали расчитывать. На рынке оказалось громадное количество безработных, в том числе и члены профессионального союза.

С другой стороны, нефтепромышленники, несмотря на давление профессиональных союзов, старались обойти постоянных рабочих и, по возможности, пользоваться услугами подрядчиков, у которых, конечно, условия для рабочих были хуже.

Борьба с подрядчиками усложнялась, главным образом, тем, что они пользовались исключительно малосознательными рабочими. Весной 1907 года, на почве общего недовольства рабочих, у одного из таких больших подрядчиков фирмы Нобеля

была забастовка, которая кончилась тем, что союз вынужден был подрядчика устранить, а работы закончить артелью. Так и начали существовать наши артели. Балаханская районная организация, правление союза долго дебатировали принципиально этот вопрос. В „Гудке" был ряд статей по вопросу об участии союза в организации этих артелей; в конце концов, пришлось эти артели санкционировать и вести их под флагом борьбы с подрядчиками и безработицей. В этих работах нам впервые пришлось технически организовывать рабочих по специальностям, подбирать руководителей работ, снабжать инструментом и т. п. Конечно, вся эта работа по форме как будто мало имела общего с классовой борьбой рабочих, но, по существу, она имела громадное значение в воспитании широкой массы, в смысле ее организации и непосредственного материального улучшения ее быта. Она давала работу по очереди всем безработным.

Движение это приняло массовый характер; его поддерживали рабочие, занятые на постоянных работах, и с помощью их удалось вышибить подрядчиков из большинства крупных фирм. Были времена, когда в артелях бывало занято свыше 1000 чел. [1]). Вопрос об артельных работах также дискутировался в партийных организациях. Громадное большинство стояло за артели. Само собой разумеется, «меки» вели злостную агитацию против артелей, называя союз подрядчиком, хотя сами меки-рабочие всегда просились работать в артели. Так союз решил вопрос и справился с безработицей в этот период.

В начале второй половины 1908 года бакинские нефтепромышленные рабочие переживали такое настроение, когда все внимание было сосредоточено на протекшей стачечной волне, на созыве совещания о коллективном договоре и т. п. Чувствовался раскол в профессиональном движении, отсутствие единства взглядов на совещание. Точно также чувствовался свой раскол и в среде нефтепромышленников, которые, несомненно, учли раскол среди рабочих и использовали его в свою пользу. Естественно, со всей остротой стал перед всеми вопрос о профессиональных союзах. С этого момента начинается новый этап в истории профессионального движения, вообще. Правление нашего союза выработало свою платформу об'еди-

[1]). Артельные работы были почти исключительно строительные (копали нефтяные амбары, прокладывали нефтепроводы и т. п. (Прим. ред).

нения, «меки» из „Общества механического производства"—свою, устраивали совместные совещания. В „Гудке" этому вопросу уделялось много места.

Дискуссия за единый союз приняла очень острые формы. Правление нашего союза, видя, после длительных переговоров, что сговориться нет возможности, обратилось с специальным воззванием к рядовым членам „Общества механического производства". «Меки» тоже очень упорно защищали свою позицию, слияние не состоялось. Враждующе фракции нельзя было примирить. Это состояние сделалось критическим. Общероссийская реакция того времени подбавила пороху, и, таким образом, естественен упадок работы в партийных и профессиональных организациях. Отдельные попытки к слиянию реального значе, ния не имели, так как и масса переживала настроение упадка, отразившееся и на судьбе нашего союза: интерес к нему упал-масса изверилась, спала, особенно это чувствовалось в отделениях союза—Сураханах, Черном городе и Биби-Эйбате. На собраниях правления и на делегатских собраниях шел усиленный спор о причинах развала и способах общего оздоровления, в связи с слиянием всех в единый „Союз нефтепромышленных рабочих".

Балаханская районная партийная организация также с'узила свои рамки, а прибывшие из центра новые товарищи, не знакомые еще с местными условиями, не могли охватить в должной мере работу нашего союза.

Кампания по совещанию о коллективном договоре.

Декабрьская забастовка 1904 г., несомненно, была отчасти выиграна рабочими. Пред'явленные требования были оформлены в т. н. декабрьский коллективный договор, в котором по пунктам были определены все требования рабочих как в отношении общих условий труда и зарплаты, так и общих требований, как-то: устройство поселков, проведение дорог, устройство школ, больниц и т. п.

Само собой разумеется, что спустя несколько месяцев все перечисленные хорошие пункты коллективного договора остались только на бумаге—нефтепромышленники под разными благовидными предлогами отказывались от их исполнения, особенно, мелкие и средние фирмы. Крупные фирмы, хоть и с большой урезкой, но кое-какие требования, все-таки, исполняли.

Всеобщая забастовка 1904 г. на широкую рабочую массу имела колоссальное значение в смысле пробуждения в ней самосознания и общности интересов. Коллективный договор, хотя и был по существу фиктивным, все же имел свое положительное значение. Это видно из того, что все рабочие, как общее правило, в своих требованиях всегда выставляли выполнение коллективного договора. Бакинский опыт показал, что большими противниками коллективного договора были, главным образом, средние и мелкие фирмы. Правительство, в лице генерала Джунковского, заняло в данном вопросе либеральную позицию, поддерживая коллективный договор. Этим оно хотело создать мир в нефтяной промышленности. На всех с'ездах бакинских нефтепромышленников Джунковский выступал с предложением о созыве совещания с рабочими и о заключении коллективного договора. Вот почему среди рабочих этот вопрос так живо стал и требовал своего разрешения. Некоторые частные фирмы пытались склонить рабочих за наградные и разные другие уступки подписать частное соглашение, договор, в противовес общему коллективному договору. На практике такие случаи были, но наша партийная организация и профсоюз были против частных соглашений и вели борьбу с ними. Несколько иначе дело обстояло по отношению к особенно мелким фирмам; эта часть нефтепромышленников была особенно настроена против коллективного договора, так как она надеялась и без уступок общему договору справиться с натиском рабочих. Фирмы подрядного бурения тоже сторонились от заключения коллективного договора.

В этот период на очередном с'езде нефтепромышленников Джунковский, выступая от имени власти, заявил, что коллективный договор необходим, и что он заставит пойти на уступки всех нефтепромышленников. 8 октября 1907 г. он вызвал всех представителей профсоюзов. От нашего союза нефтепромышленных рабочих были посланы я и Джапаридзе (Алеша), кроме нас, были представители «О-ва механического производства» и союза котельщиков. Джунковский в длинной беседе с нами заметил, что рабочие неохотно идут на коллективный договор так же, как и нефтепромышленники. что касается последних, то он их силой власти принудит пойти на уступки, профсоюзы же, в свою очередь, должны раз'яснить рабочим всю выгоду коллективного договора. Представители союзов ответили, что они не могут определенно ответить, не обсудив этого

вопроса предварительно с рабочими, и предложили Джунковскому дать возможность широкой рабочей массе свободно обсудить этот вопрос на рабочих собраниях. Инициатива этого предложения принадлежала нам, а остальные нас поддержали. Мы ему представили порядок предполагаемых собраний и на том покончили. Через несколько дней нами было получено от градоначальника специальное разрешение на право устройства собраний на заводах и в казармах. Между нами, представителями всех течений (за и против совещания), состоялось соглашение о порядке выступления на собраниях. В половине сентября мы приступили к докладам на широких собраниях, к дискуссиям по платформам и к выборам уполномоченных.

Здесь уместно вкратце остановиться на каждой из платформ. Наша с.-д. организация, большевистская ее часть, в этом вопросе единства не имела. Здесь были свои левые и правые. Левую позицию проводил тов. Коба Сталин; он стоял за абсолютный бойкот совещания, выдвигая кампанию за выработку требований за общую забастовку. В ряде статей в «Гудке» он защищал свою позицию. Другую точку зрения выявляли в том же «Гудке» тов. Джапаридзе, Стопани и я. Наша группа стояла за совещание о коллективном договоре, но с гарантиями: это значило—признание союзов, удовлетворение ряда общих требований и пр. Нашу точку зрения разделял союз котельщиков. Меки (меньшевики), их «Союз механического производства» стояли безоговорочно за всякое совещание и соглашение. Национальная армянская организация—дашнаки, а, вместе с ними, и с.-р. выявляли себя «истинными» социалистами и «крайними» революционерами в своих листках и нелегальной газете «Молот»: они заявляли, что ни на какие совещания не пойдут и будут добиваться самого осуществления требований, проповедуя немедленно всеобщую стачку. Здесь было ясно, что мелкие фирмы используют настроение дашнаков против общих требований коллективного договора и спровоцируют частичную забастовку.

Надо сказать, что политические рамки были раздвинуты, и мы сравнительно свободно проводили наши собрания; за всю кампанию никто не был арестован. Собрания проходили живо, агитация была развита во всю.

В апреле 1908 г. собралось первое предварительное заседание всех выбранных уполномоченных по совещанию. Из предварительного подсчета выяснилось, что всего участвовало око-

ло 40.000 рабочих 140 фирм и всего избрано 390 уполномоченных. Сторонников участия в совещании с гарантией было 24 тыс., а выбрано 250 уполномоченных. Абсолютные бойкотисты получили 12000 и выбрано 140 уполномоченных. Сторонники безоговорочного соглашения не представляли из себя многочисленной группы, не имели влияния и входили в состав первой группы. Осталось невыясненных по разным причинам лишь около 15000 рабочих. В связи с опубликованием сведений по выборам уполномоченных в газете «Гудок», выявлением общего настроения рабочих и отсутствием единства взглядов на само совещание среди рабочих, нефтепромышленники сразу повернули фронт. Они заявили, что коллективный договор не может дать им мира и открыто высказывались против совещания.

Фирмы подрядного бурения заявили, что в коллективном договоре не примут участия и разрешат вопросы взаимоотношения с рабочими сами. Чувствовался разброд. В это время бойкотисты эсеровского толка выпустили листки и воззвания с призывом бастовать. Таким образом, в рабочей среде не было единства и его не было среди предпринимателей. Такова была общая обстановка в момент созыва первого предварительного собрания уполномоченных. Работу первых трех предварительных собраний предрешил их состав. На них, так же, как на заводских промысловых собраниях, шла ожесточенная борьба за каждую отдельную позицию. Судьба совещания по коллективному договору была предрешена тем общим настроением, которым были охвачены и нефтепромышленники, и рабочие. Четвертое собрание дашнаки и с.-р., как самые крайние бойкотисты, демонстративно покинули. Оставшиеся выбрали организационную комиссию без ясного сознания ее дальнейшей работы. На ближайших партийных собраниях, по инициативе тов. Кобы, была выдвинута идея выборов специальных комиссий по подрайонам, выработки общих требований и организации кампании за всеобщую стачку, руководимую организационной комиссией.

Это предложение было ни в какой мере не осуществимо, в виду общего упадка настроения рабочих. Так «победили» предприниматели.

Об „итальянках“

Весной 1907 года начались стихийные «бешкешные», т. е., за наградные забастовки. Под напором их целый ряд фирм по-

шел на уступки и это послужило причиной дальнейшего роста забастовочного движения. В ответ на это, бакинский градоначальник вызвал к себе представителей фирм, а потом специальным об'явлением заявил, что он будет применять репрессии ко всем фирмам, которые будут уступать рабочим требованиям. В общем, для нефтепромышленников создался хороший предлог не итти ни на какие уступки рабочим.

Это положение очень живо обсуждалось на многих собраниях рабочих, как у бастующих, так и у собиравшихся пред'являть требования. Тогда-то была вперые выдвинута «итальянка»: это значит, для всех рабочих «дела не делать, и от дела не бегать». Средство, нужно сказать, очень сильное, особенно для Баку, главным образом, потому что его легко применять на промыслах и тартальных вышках, и администрации промыслов почти невозможно проконтролировать работу тартальщика, особенно, ночью; промысловый приказчик может только при сдаче смены установить общее количество добычи всего промысла за смеау, но сказать, сколько дала отдельная буровая, какая работала больше или меньше, этого не представлялось возможным. Нужно было видеть ужас всех управляющих и заведывающих промыслами, чтобы верить, как «итальянка» била их. Часто приходили они в профсоюз, возмущались таким способом борьбы и заявляли, что это хуже всяких забастовок.

«Вы только поймите, товарищи»,—говорил управляющий фирмы Мирзоева, Борисов: «промысла работают, жгут топливо, заработную плату выплачиваем, а добыча—1/5 нормальной. А, главное, я не имею возможности найти виновного, потому что формально все на работе, а около каждого тартальщика нельзя поставить по приказчику».

В это время «итальянка» началась и на промыслах Ротшильда. Фирма эта большая, долго принципиально не хотела признать себя побежденной, но была вынуждена сдаться, полулегально выплатить рабочим наградные и признать себя побежденной. Пишущий эти строки у себя на промыслах тоже организовал «итальянку» и может свидетельствовать ее силу.

Наша Балаханская партийная организация на ряде собраний обсуждала этот вопрос, но пришла к выводу, что это средство рекомендовать рабочим не следует. Наш «Гудок» рядом статей отозвался на «итальянку», как средство классовой борьбы рабочих; «итальянку» не рекомендовали, главным образом, потому

что она способствовала росту частичных забастовок за наградные и отвлекала рабочих от общей борьбы за общие требования.

Экономический террор.

В конце 1907 г. в Бакинском нефтепромышленном районе прошла полоса экономического террора. Отдельные случаи убийства администраторов всегда бывали, но в этот период была какая-то особая эпидемия убийств. Как помнится, один из первых случаев террора произошел в селении Балаханы, на 4 промыслах Нобеля, где сразу было убито несколько администраторов, и потом террор стихийно перебросился на другие промысла, так что редкий день проходил без убийства. Жертвою террора падали, большею частью, заведующие промыслов, а иногда и управляющие; так, например, в это время был убит управляющий фирмы Мирзоева, Борисов. Мотивы убийства были разные: личное оскорбление, провал забастовок, неудовлетворение требований. За жестокое и грубое обращение был убит Снарский, управляющий Кокорева.

Такие массовые убийства не могли не вызвать, в свою очередь, контр-выступлений, так, например, был убит наш товарищ, рабочий Ханлар, активный член союза нефтепромышленных рабочих. С этого времени вся промысловая администрация вооружилась, а управляющие ходили с целыми отрядами вооруженной охраны. Промысловые организации превратились в военный лагерь. Наша партийная организация через газету «Гудок» выступила с воззванием. Нам, партийцам, долгого и упорного труда стоило побороть это настроение в массе, а некоторым темным личностям пришлось от имени райкома предложить оставить Балаханы и Баку.

Здесь уместно упомянуть один любопытный факт, характеризующий местную организацию партии с.-р. В выпущенном ею листке громко говорилось, что ее члены будут мстить врагам народа, срывающим протекавшую в то время забастовку каспийских моряков. Вскоре после этого в бакинский стачечный комитет моряков явилось несколько человек и обратились к с.-д. с жалобой на организацию с.-р., которая наняла их по 20 руб. с головы, но заработанные деньги не уплатила.

Больших трудов стоило Бакинской партийной организации побороть это стремление к террору в массах.

И. Шитиков-Самарцев.

Как большевики завоевали Баку.

В начале 1907 года социал-демократическая организация в Баку была меньшевистской; это не значит, что промысловые рабочие шли за меньшевиками,—меньшевики, укрепившись среди таких слоев, как портные, табачники, ресторанные служащие и т. п., умножив прием в партию, именно, из этого слоя и заполучив, таким образом, большинство голосов, захватили в свои руки командные высоты: комитет состоял сплошь из меньшевиков, в их руках был печатный станок, из них же состоял кадр партийных профессионалов. Из большевиков тогда в Баку находились: Тимофей, Буду (Мдивани), Петербуржец (Вепринцев), Слава Каспаров, Саратовец (Смирнов) и др. Собрания партийного актива проходили в бесконечных спорах: меньшевики требовали подчинения большевиков своим постановлениям, большевики кипятились, что от них требуют таких нелепостей, как выступлений за лозунг ответственного министерства, поддержки Государственной Думы и т. п. У большевиков среди промысловых рабочих сохранились связи, хотя немногочисленные, но прочные. Лозунги меньшевиков отзвука в рабочей среде не находили, ко всей работе их рабочие относились равнодушно, и партийные лидеры предпочитали выступать по вопросам своей тактики лишь в городской мелкобуржуазной среде. Большевики понимали хорошо, что при соответствующих условиях завоевать позиции среди бакинского пролетариата будет возможно. К маю под'ехало еще несколько большевиков: Коба Сталин, Алеша Джапаридзе, позднее немного Степан Шаумян; в то же время большевикам удалось получить и материальные средства на работу. Решено было немедленно выделить несколько человек партийных профессионалов и распределить между ними районы: в Балаханы были направлены Алеша, Буду, Слава, Саратовец; на Биби-Эйбат—Коба и Петербуржец; в Черный город—Тимофей и пишущая эти строки, жившая в то время под именем Ольги Александровны

Тарасовой, в Белый город—Апостол. Степан остался в городе с тем, чтобы обслуживать докладами важнейшие собрания во всех районах и затем нести главную работу по редактированию партийного органа, который было решено непременно издавать; для работы среди массы тюрок утверждены были профессионалами: Расул-Заде (позднее лидер мусавата), Мамед «большой» и Мамед «маленький». Ашоту Хумарянцу было поручено налаживать нелегальную типографию. Был создан Бакинский Комитет, в который входили ответственные организаторы районов и рабочие, старые большевики: Ваня Фиолетов, Тронов, Боков, Вацек, Аршак Аракелянц; была выделена редакция партийного органа. Городской и железнодорожный районы, бывшие цитаделью меньшевизма, решено было обслуживать исподволь, постепенно в них внедряясь. Работа в районах закипела: благодаря старым связям были восстановлены ячейки на промыслах и заводах, начались регулярные собрания ячеек, на которых обязательно присутствовали ответственные организаторы; наладилась пропагандистская работа—лекции, кружки, собирались массовки. В июле вышел первый номер «Бакинского Пролетария» и, конечно, благодаря раскинутым сетям, очень быстро и хорошо проник в рабочую массу. Нельзя сказать, чтобы большевикам удалось сразу укрепиться на всех промыслах и заводах: в некоторых местах, например, у Ротшильда меньшевики были еще сильны, и большевикам просто трудно было туда проникать. Кроме того, существовали тогда еще и др. партии: эс-эры, дашнаки, армянская фракция соц.-дем.; последние две находили опору в армянской части пролетариата; эс-эры, главным образом, об'единяли интеллигенцию, но и иногда срывали аплодисменты и добивались проведения своих резолюций и у рабочей аудитории, выступая по аграрному вопросу, в котором мы все чувствовали себя весьма слабо подкованными.

Регулярно собиралась редакционная комиссия в специально приспособленной для этого квартире на Орловской улице, еженедельно по воскресеньям. В Черногородском народном доме собирался Бакинский Комитет.

Большевики, руководствуясь указаниями тов. Ленина, большое внимание обращали на печатную пропаганду: большая часть имевшихся средств шла на это; помимо «Бакинского Пролетария», выпускалось много листовок и брошюр; все это выходило не только на русском языке, но на армянском и тюркском; по-армянски обычно писал Степан, а по-тюркски—Расул-Заде.

Может показаться странным, каким образом в то время, когда по всей России гуляла реакция, можно было наладить всю эту организацию и заставить работать ее почти без перебоев. Волна реакции еще в то время не докатилась до Баку: очевидно, еще памятна была бакинская забастовка, заставившая дрогнуть всю промышленную Россию, у нефтепромышленников с рабочими был еще в силе коллективный договор, полиция трусила, так как знала, что значительная часть рабочих имела оружие. Иногда просто до смешного доходило: выходишь с завода с группой рабочих, идешь по улице, а городовой поворачивается спиной и делает вид, что он ничего не замечает.

Энергия большевиков увенчалась успехом: промыслово-заводская организация день ото дня все более становилась большевистской. Меньшевики волновались, выносили ультиматумы, грозили жаловаться в ЦК на раскольническую деятельность большевиков, но последние только посмеивались, понимая, что гром гремит не из тучи, и продолжали свое дело.

В сентябре удалось добиться перелома и в железнодорожном районе и начать укрепляться в нем.

В октябре большевики собрали первую общегородскую конференцию; она происходила ночью в Черном городе, на заводе Хатисова. Конференция прошла очень единодушно; было признано, что данная конференция представляет большинство бакинского пролетариата, и с сего дня организация должна быть большевистской, что тактика меньшевиков осуждается, и что никакие соглашения с ними невозможны. Был избран Бакинский Комитет, редакция органа и ревизионная комиссия. Было отмечено, что союз нефтепромышленных рабочих, руководимый Алешей Джапаридзе, идет за большевиками. Был намечен план дальнейшей работы.

Очевидно, это уже переполнило чашу терпения меньшевиков, и вскоре разнесся слух, что приедут члены ЦК судить большевиков за раскол организации.

Но пока они собирались ехать, большевики также энергично работали; в январе состоялась вторая конференция на Биби-Эйбате, у Манташева. Конференция вполне определенно отметила рост и укрепление организации; о меньшевиках уже не приходилось говорить, так как никаким кредитом они у рабочих не пользовались.

Вскоре после конференции изволили прибыть и члены ЦК, Жордания и кто-то еще (точно не помню). Сначала допрос

был учинен Бакинскому Комитету. С первых же слов мы поняли, что информация была дана в том духе, что раскол создан группкой непокорных интеллигентов, которые-де мутят рабочих, а что рабочие, в большинстве, вовсе раскола не хотят, ничего против меньшевиков не имеюти т. д. Комитет держался весьма независимо и своим спокойствием бесил Жордания. Затем, по предложению цекистов, была собрана конференция, окончившаяся совершенно неожиданно. Сначала предполагалось, что конференция опять соберется на Биби-Эйбате, у Манташева; явка была назначена в бакинском народном доме. Но здесь вдруг узнаем, что помещение у Манташева занято под свадьбу какой-то армянской четы. Заведывающий народным домом Миша (фамилии не помню), оказавшийся провокатором, предложил конференции заседать здесь, в народном доме, в читальне. Выхода не было, решено было остаться и заседать, при чем с Мишей было условлено, что на всякий случай все запасные входы в зрительный зал, где в это время шел спектакль, будут отперты. Только что конференция расположилась, был выбран президиум, Жордания произнес негодующее слово против бунтовщиков-интеллигентов, раскалывающих рабочий класс, и рабочие стали быстро записываться брать слово, как вдруг один из товарищей, поставленных на страже, вбежал с заявлением, что народный дом окружен со всех сторон конной и пешей полицией и жандармами, что сюда впускают, а отсюда никого не выпускают, задерживают. Дело было плохо; вся организаци оказалась в ловушке; цекисты волновались, обвиняя большевиков, что они не приняли достаточных мер предосторожности. Единственным спасением было войти в зрительный зал и смешаться с публикой. Бросились к запасным выходам, они оказались запертыми, начали искать Мишу, нигде не находили. Все столпились у одной двери, не зная, что предпринять: тогда один рабочий, по прозванию Железный, гигант по росту и сложению, изо всей силы налег на дверь; дверь затрещала и раскрылась. Что это не было легким делом, доказывает то, что Железный от напряжения заболел и в течение нескольких дней не мог встать с постели. Но организация была спасена. Мы всей гурьбой влились в темный зал, кто-то крикнул: «Пожар!» Публика вскочила с мест, заволновалась, мы с ней смешались; кто-то из рабочих вскочил на сцену и успокоил публику, что тревога ложная, что пожара нет, что можно спокойно сидеть и продолжать спектакль. Мы тоже досмотрели до конца, вместе со

всей публикой выкатились на улицу и незаметно разбрелись в разные стороны.

Через полчаса в доме был произведен обыск, конечно, не давший никаких результатов; говорят, полицейские с досады рвали волосы: до того они были уверены, что такой жирный кусок ни в коем случае от них не уйдет, что градоначальник даже приготовил торжественный ужин по поводу победы.

На другой день цекисты в крайне раздраженном состоянии покинули Баку. Очевидно, настроение рабочих, которое выявилось сразу же в начале конференции, ясно сказало им, что их дело проиграно.

Большевики не задерживали долго своего внимания на этом инциденте, у них было слишком много работы: подходил срок коллективного договора, надо было организовать рабочих для пред'явления требований к заключению нового договора, и большевики с удвоенной энергией принялись за работу. Меньшевики продолжали кое-где работу в городе, среди же промыслово-заводского пролетариата так прочно укрепился большевизм, что меньшевизму с тех пор никогда там не было места.

Н. Колесникова.

Начало под'ема.

Декабрь 1910 года. Суровая политическая зима попрежнему подавляет. Бакинский пролетариат молчит, на рабочей улице тихо, станки и вышки нефтяных промыслов работают «спокойно» и «нормально». Наши подпольные кружки разбиты. Жизнь в профсоюзах, уцелевших от полицейских «усмотрений», почти совершенно замерла. Двери рабочих клубов заколочены.

В этот мрачный период из Петербурга появляется еженедельная газета «Звезда». Передовица туманно говорит о том, что редакция не намерена ни ликвидировать старое, ни отзывать кого-либо... Для нас этого достаточно. Мы понимаем все, мы знаем, что за «Звезда» появилась на горизонте.

В январе 1910 года состоялся пленум Центрального Комитета партии, принявший резолюцию большевиков, осуждавшую и ликвидатарство, и отзовизм, и разрушение старой партии, и превращение этой партии в сектантский кружок... «Звезда» поднимала знамя большевизма, знамя партийности.

И казалось удивительным, что в период наивысшего торжества царской реакции легально вышла революционная газета. Ведь после окончательного утверждения реакции (вторая половина 1907 г.), у большевиков не было своего легального органа. Меньшевики имели свои журналы в Питере и Москве, и со страниц этих легальных изданий громили они нас, большевиков, громили революционное подполье... И вот, наконец, появилась еженедельная антиликвидаторская газета.

Теперь трудно даже представить ту радость, какую переживали загнанные в глубокое подполье революционеры, когда на страницах легальной «Звезды» сначала по «нюху», а потом по инициалам находили статьи публицистов нашей фракции. Во втором или третьем номере «Звезды» появилась статья за подписью Вл. Ильина: «Три источника и три составных части марксизма». Читать в конце 1910 г. в легальной газете статью Ленина—это было поразительное событие.

В 1911 году стало чуточку легче дышать. Ничтожное, еле заметное, но какое-то изменение в «воздухе» произошло. Летом в центрально-промышленном районе прокатилась среди

текстильщиков волна стачек. Лед где-то дал трещину. Это почувствовалось и в Баку. Оживились подпольные кружки, началась работа по восстановлению районов. Оживились профсоюзы. В клубах началась кое-какая работа. В городе клуб «Наука»—в маленьком, но уютном подвальном помещении, на Каменистой улице,—заработал и вовсе хорошо. «Наука» стала собирательным центром для активных революционных сил Баку. Здесь происходили схватки между партийцами и ликвидаторами.

Сделали попытку выпустить свой, большевистский журнал. Попытка удалась: вышло два номера журнала «Современная Жизнь», на третьем захлопнули. Редактировал журнал С. Шаумян, ближайшее участие в нем принимал А. Енукидзе.

Осенью нас «пристукнули»: как-то раз пришли в «Науку» и всех посетителей клуба отправили в тюрьму за «незаконное собрание». Лед как будто снова окреп. Но, все-таки, двенадцатый год начался совсем иначе, чем год одиннадцатый. «Звезда» прочно стояла на ногах, она уже тесно связалась с рабочими массами, на ее страницах чувствовалось новое яркое дыханье фабрик и заводов. Она была уже всероссийской газетой. Из всех рабочих центров получала она статьи, письма, заметки. Не без волнения послал и я две-три статьи о бакинской рабочей жизни. К моей большой радости, они вскоре появились на страницах «Звезды.». Но еженедельной газеты было уже мало—«Звезда» вела кампанию за ежедневную рабочую газету.

***

Настали ленские дни—дни «маленького девятого января», как тогда говорили. Волна бурных политических стачек прокатилась по стране. «Звезда» в этот период выходила уже два раза в неделю. Она еще теснее, чем раньше, была связана с рабочей массой. Она с необыкновенной яркостью отразила тот мощный под'ем рабочей волны, который начался в ответ на ленскую бойню. В эти дни и недели «Звезда» горела. Ее статьи были необыкновенно ярки и ударны. Помню одну из них. Она была озаглавлена: «Тронулась...» и подписана К. С. Мы знали, что К. С. это—Коба Сталин. Ему довелось в блестящей статье сформулировать основное в текущем моменте: «тронулась» застоявшаяся, было, рабочая Россия, двинулся вперед русский пролетариат.

На гребне революционной волны быстро поднялась «Правда»—первая ежедневная газета русских рабочих, созданная их

непосредственными усилиями. Борьба и работа за рабочую газету началась еще в 1911 г. Рабочая газета или рабочий дворец? Так был поставлен вопрос перед рабочими. Симпатии ликвидаторов, несомненно, больше склонялись к рабочему дворцу. Политическая газета—да кто знает, какая она будет, не попадет ли она сразу в руки ленинцев? А дворец—дело более надежное, там укрепиться ликвидаторам легче.

Но передовые рабочие дружно высказались за рабочую газету. И тогда началась горячая борьба между партийцами и ликвидаторами за обладание будущей газетой. Ликвидаторы, выступая под обманчивым лозунгом «единства», пытались сделать будущую газету своим орудием в борьбе с большевистским подпольем. Большевики, раскрывая смысл лозунга «единство» в устах ликвидаторов старой партии, прилагали все усилия к тому, чтобы за собою обеспечить руководство новой рабочей газетой.

И то, что 22 апреля (5 мая) 1912 года «Правда» вышла в качестве определенно большевистской газеты, было уже значительной победой большевизма и над меньшевизмом, к этому времени уже официально поставленным вне партии, и над царским правительством, вынужденным дать легальный выход мощной волне рабочего движения...

«Звезду» в первый период ее существования нужно было внимательно изучать, чтобы установить ее политический характер. Она говорила эзоповским языком. «Правду» достаточно было взять в руки, чтобы сразу ее характер, направление, устремление стали ясны. «Звезда» выступила в качестве одинокого разведчика, «Правда» представляла собою уже передовой авангард рабочего класса. «Звезда» еще только искала «живого человека»,—«Правда» была продуктом начавшейся массовой борьбы рабочего класса.

От первой до последней строчки, от передовицы до мелкой рабочей хроники, «Правда» была проникнута духом борьбы, бодрости, свежести, смелости. Поэтому она производила неотразимое впечатление. Поэтому нельзя было читать ее без волнения...

В Баку «Правду» продавали в киосках. С биением сердца подходил я каждый раз к киоску и за две копейки получал газетку, которая для десятков и сотен тысяч была дороже всех газет на свете. Теперешняя молодежь вряд ли может представить себе ту радость, которую испытывали мы при виде

нашей старой «Правды». Ведь, она отражала в себе не только нашу большую, яркую революционную партийную мысль,—на ее страницах мы ощущали все учащавшееся биение пульса жизни рабочего класса...

Но дни радости прерывались днями печали. Подходишь к киоску, а продавшица с грустью сообщает, что «Правды» сегодня нет,—она конфискована, она перехвачена на вокзале жандармами. Продавщица знала, что никакой газеты не покупают так «сердечно», как покупают «Правду». Она знала, никого не огорчит отсутствие „Речи“ или „Русских Ведомостей“, но когда нет „Правды“—это большое несчастье для ее читателей. Поэтому продавщица—та, которая сидела в киоске на Парапете (центр города) и которую, вероятно, помнят тогдашние бакинцы—сочувствовала нашему горю и бывала рада вместе с нами, когда после перерыва наша славная “Правда“ снова проскальзывала через жандармско-полицейские преграды...

Весна 1912 года—новые надежды, новые радости принесла она. В январе партия наша была восстановлена. На Пражской конференции мы окончательно порвали с меньшевиками-ликвидаторами. Эта консолидация нашей партии, этот исторический выход ее на новую дорогу не прошел без участия бакинцев. Нас представлял на конференции покойный Сурен Спандарян. В марте он вернулся с конференции и у меня в комнате, на Чадровой ул., сделал доклад об итогах конференции. На собрании, помнится, присутствовало около 25 человек. Это была активная часть нашей тогдашней Бакинской организации.

В начале мая организация подверглась разгрому. Были арестованы Шаумян, Енукидзе, Черномазов (был ли он уже тогда провокатором?), ряд других виднейших местных большевиков, рабочих и интеллигентов. Сталин, незадолго перед тем приезжавший в Баку, успел уехать до жандармско-полицейской «чистки» и, таким образом, избегнул ареста. Но вскоре «карающая рука» охранки настигла его в Петербурге.

Разгром был основательный. Аресты произвели сильнейшее впечатление на оставшихся в «живых». Настроение страшно понизилось. Начались поиски «провокаторов». Заподозревания приняли самые широкие размеры. В числе «обвиняемых» оказался и я, как один из «уцелевших» во время разгрома.

Пошли кошмарные, ни с чем несравнимые по своей убивающей силе, «слухи»... Только «слухи», только подозрения, только догадки, которые имели, однако, фактически силу прямого обвинения и осуждения.

Какие это были страшные недели и месяцы! Как только смог я продержаться и дождаться того дня, когда раскрылись тайники жандармерии и стали известны настоящие провокаторы... У меня где-то хранится выписка из протокола ЦК нашей партии от сентября 1917 года. Выписка гласит, что, согласно доклада покойного Шаумяна, ЦК считает все имевшие место подозрения лишенными всякого основания... Полная реабилитация—пять лет спустя!...

Об этом проклятии подполья молодежь должна знать. Партия была не только окружена врагами,—они проникали в ее собственные ряды, они пытались изнутри взорвать, разложить, убить ее. Подозрительность на этой почве принимала подчас уродливые формы. Но что было делать? Перед партией стояла труднейшая проблема,—как открывать настоящих провокаторов, не убивая неосновательными подозрениями ни в чем неповинных товарищей? Нам эту проблему разрешить тогда не удалось, ибо она в условиях подполья была, очевидно, неразрешима...

В первые же дни, когда до меня дошли слухи о „слухах", я потребовал суда и следствия. Ни суда, ни следствия добиться не удалось. В отчаянии я обратился к товарищам с особым письмом, размноженным на пишущей машинке. Письмо называлось: «Крик человека».

Несмотря на всю свою стилистическую безграмотность и некоторую наивность—помнится, я цитировал там Виктора Гюго, Анатоля Франса и др.,—письмо было написано очень искренно и убедительно; ведь я просил только о суде и следствии. Ничего из этого не вышло...

Жить и ждать можно было, только обладая бесконечной верой в близкое будущее. Это наше будущее явно надвигалось. В Баку было очень плохо. Но на всероссийской рабочей улице начинался великий праздник борьбы и победы. Волна пролетарского движения поднималась все выше и выше.

„Правда" преодолевала все гнусности царско-полицейского режима и сплачивала пробудившийся к новой жизни пролетариат. При таких условиях можно было перенести какую-угодно моральную пытку... Увы! не все оказались в силах выдержать. Иные падали. История нашего тяжелого прошлого знает не один случай самоубийства на почве кошмарных обвинений в предательстве.

Невыразимо тяжело вспоминать обо всем этом. Но думаю, что молчать не имею права, ибо те, кто вошли в движение

уже после победы, должны знать все, что относится к великой борьбе за победу...

Четверть века борьбы—человечество не знает примера такой партии. Несмотря ни на что, шли мы вперед, несмотря ни на что, мы не согнулись. Всемирно-исторического значения дело сделано...

Это обязывает ко многому, очень многому—в отношении будущего. 60 лет тому назад поэт-революционер Михайлов, отправляясь на каторгу, в своем ответе на приветствие молодежи, взывал:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас!...

Много поколений сошло с того времени в могилу, и только нам улыбнулось счастье, только нашего поколения борьба оказалась успешной, только нас «встретила в бою победа», только мы разрешили историческую задачу многих и многих поколений. Чаша страданий не миновала и многих из нас, она отравила не одну тысячу борцов. Но после победы каким ничтожным все это кажется!...

И если мы вспоминаем о страданиях, о моральных пытках, то только потому, чтобы в день итогов точно представить все кошмарное прошлое, чтобы ужас перед этим прошлым удесятерил наши силы, чтобы малейшую попытку малейшего поворота назад к старым основам, мы все со всей беспощадностью заклеймили, как величайшую измену...

В грядущее дорога открыта, и по ней нужно итти все смелее, все решительнее!

Ил. Вардин (Мгеладзе).

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции 5
А. Енукидзе.—К двадцатипятилетию Бакинской организации . . . 7
В. Ногин.—1906 год в Баку 16
Егор (В. А. Радус-Зенькович).—Страничка былого (1906 г.) . . 26
С. Аллилуев.—С 1901 по 1907 год в Баку 37
С. Орджоникидзе.—Борьба с меньшевиками (1907 г.) 42
Вано Стуруа.—Воспоминания старого подпольника 47
А. Стопани.—Первый большевистский комитет в Баку 51
М. Васильев-Южин.—Резня 1905 г. и выступление нашей организации 55
Владимир Бобровский.—Бакинская тюрьма 1905 года. 63
А. Рохлин.—Из прошлого 72
Ф. Ризель.—На заре рабочего движения 86
Вацек.—Первые шаги 99
Караджян (С. Т. Аркомед).—Баку и Тифлис 102
И. Болквадзе.—Бакинская подпольная типография 105
Георгий Стуруа.—Моя работа в подполье 108
К. Норинский.—На работе в Баку 121
Георгий Ртвеладзе.—Из нашего революционного прошлого. . . 132
Аршак Хачиев.—Три периода работы в Баку 137
Ашот Хумарян.—Забытая могила 144
М. Б. Касумов.—Революционное прошлое бакинского пролетариата. 148
М. Саркисян (Минас).—Всеобщая забастовка 1904 г. и шендриковщина 156
И. Голубев.—Воспоминания о работе в Баку 161
А. Каринян.—«Шендриковщина» 175
А. Каринян.—Юношеское движение в Баку. 181
С. Якубов.—15 лет революционной работы 189
Султан Меджид Эфендиев.—Эпизоды из партийной работы. . 196
И. Шитиков-Самарцев.—Партия в рабочих районах 206
Н. Колесникова.—Как большевики завоевали Баку 221
Ил. Вардин (Мгеладзе).—Начало под'ема 226

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ

и В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДУТ:

1. **С. Г. Шаумян.** Статьи и речи.
2. **Материалы и документы** к истории Бакинской организации большевиков.

6126